

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

БУДАЕВ Андрей Владимирович

**РОЛЬ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-БРАЗИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ)**

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы
международных отношений, глобального и регионального развития

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор, заслуженный деятель
науки Российской Федерации
Шутов А.Д.

Москва – 2014

Содержание

Введение	3
Глава I. Теоретико-методологические аспекты исследования роли «мягкой силы» во внешней политике России	19
1.1. «Мягкая сила» как политический ресурс и инструмент реализации внешней политики современного государства	19
1.2. Основные подходы к использованию «мягкой силы» в интересах реализации внешней политики Российской Федерации	37
1.3. Сходства и различия в подходах России и США к использованию «мягкой силы» во внешней политике	54
1.4. Пределы эффективности «мягкой силы» в международных отношениях и мировой политике.....	62
Глава II. Российско-бразильские отношения в контексте мирового политического процесса	73
2.1. Россия и Бразилия в системе мировой политики и международных отношений	73
2.2. Эволюция российско-бразильских отношений в сфере гуманитарного сотрудничества	103
2.3. Особенности формирования через публичную дипломатию и «мягкую силу» модели российско-бразильских отношений на современном этапе	116
Глава III. «Мягкая сила» как инструмент продвижения российских интересов в Бразилии	135
3.1. Современные концепции развития российско-бразильских отношений с помощью инструментов «мягкой силы»	135
3.2. Место и значение российской диаспоры и Русской православной церкви в развитии культурных и гуманитарных связей России и Бразилии.....	147
3.3. Роль и функции российских представительств в Бразилии в реализации концепции «мягкой силы» на современном этапе	157
Заключение	166
Список источников и литературы	171

Введение

Актуальность темы исследования определяется возрастанием роли «мягкой силы» в современной геополитике на фоне изобретения новых способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия на международное сообщество, властные мировые элиты и национальные правительства. Возникнув как стержневой концепт школы американского политического либерализма, «мягкая сила» оказала существенное влияние на формирование внешней политики США, в том числе в государствах Восточной Европы, Центральной Азии (Афганистан, Ирак), Африки. Она породила концепции «демократических интервенций», «демократического мира», «ответственности по защите» и «человеческой безопасности», стала ядром сценария революций «Арабской весны» на Ближнем и Среднем Востоке и постсоветском пространстве. Все это требует тщательного изучения различных доктрин и инструментов «мягкой силы», их эффективности и той меры ответственности, которую должно нести современное государство, использующее «мягкую силу» в интересах внешней экспансии и транслирования своих ценностей другим акторам международных отношений.

В российской концепции внешней политики термин «мягкая сила» появился в 2013 г., пополнив арсенал инструментов отечественной дипломатии¹. Однако в этой трактовке «мягкая сила» скорее совпадает с американским определением публичной дипломатии и собственного звучания пока не приобрела. Данное обстоятельство предопределяет необходимость уточнения и конкретизации российской теории «мягкой силы», поскольку копирование западных шаблонов может приводить к издержкам и потерям во внешней политике России.

Распространение и рост популярности идей «мягкой силы» в развивающемся мире, прежде всего в Индии, Китае, странах Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), не получили пока должного анализа и оценки. Между тем, продвижение этими государствами собственных концепций и институтов «мягкой силы», как например, идеологии боливарианского единства в ЛАКБ, вызывает повышенный

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Код доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения 13.11.2013 г.).

интерес и становится востребованным среди отдельных стран и региональных объединений. Примечательным является пример Бразилии, которая вырабатывает собственный формат «мягкой силы», основываясь на привлекательности уникальной социально-ориентированной модели экономического развития, своего варианта федерализма и консолидации полиэтнического общества. Этот нестандартный опыт применения новых форматов «мягкой силы» в мировой политике, альтернативный англосаксонским подходам, следует тщательно изучать, учитывать и, по возможности, использовать в российской дипломатической деятельности.

Возрастающая роль Бразилии в мировой политике требует поиска адекватных инструментов и механизмов укрепления отношений с будущим глобальным лидером, уже сегодня претендующим на участие в формировании международной повестки дня. В этой связи становится очевидной важность исследования новых форм и методов развития российско-бразильских связей, одним из которых становится российская «мягкая сила». При этом для гуманитарного влияния России в Бразилии есть мощная ресурсная база, сложившаяся исторически с учетом многолетнего опыта развития двусторонних культурных отношений, обмена ценностями и достижениями в области науки, образования и спорта. В Бразилии успешно действуют различные официальные и частные организации, пропагандирующие российскую культуру, общепризнанные успехи в сфере литературы, кинематографа, театра, балета. В стране проживает достаточно влиятельная русскоязычная диаспора, сохранившая свою идентичность (веру, культуру, духовность) и настроенная продвигать ценности российской цивилизации в бразильский социум. Все это создает прочную основу для эффективного использования российской «мягкой силы» в интересах развития российско-бразильских отношений и обеспечения национальных позиций нашей страны в Бразилии и на южноамериканском континенте в целом.

Степень научной разработанности темы. При рассмотрении роли «мягкой силы» во внешней политике России и Бразилии использован значительный массив публикаций различных авторов как отечественных, так и зарубежных политологов, историков, социологов, государственных деятелей, профессиональных политиков и дипломатов.

В первую очередь – это издания, посвященные исследованию современных концепций и доктрин «мягкой силы», ее роли в мировой политике и межгосударственных отношениях. Сюда входят ставшие уже классическими монографии американских неолибералов Дж. Ная и

Р. Кеохейна², а также фундаментальные труды российских ученых и дипломатов, содержащие анализ и переосмысление этих политических концепций: Лаврова С.В., Примакова Е.М., Бажанова Е.П., Рябкова С.А., Арбатова Г.А., Закаурцевой Т.А., Иванова О.П., Мозель Т.Н., Лебедевой М.М., Лукина А.В., Пономаревой Е.Г., Цыганкова П.А., Рогова С.М., Шутова А.Д.³ Необходимо также отметить ряд книг и статей, которые раскрывают применение «мягкой силы» во внешней политике России⁴. Значительным подспорьем в работе стало использование результатов диссертаций, защищенных по данной проблематике, в том числе в Дипломатической академии МИД РФ: Филимонова Г.Ю., Карповича О.Г., Чепурина А.В.⁵

Важная роль принадлежит исследованиям российско-бразильских отношений в контексте мирового политического процесса, включая публикации отечественных и зарубежных (прежде всего, бразильских)

² Nye J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics.* – New York: Public Affairs, 2004; Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power.* – New York, 1990; Р. Кеохейн *Международные отношения: вчера и сегодня.* // *Политическая наука: новые направления.* / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Научный редактор Е.Б. Шестопал. – М., 1999; Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition.* – Boston: Little, Brown and Company, 1977.

³ Лавров С.В. *Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире.* – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011, 896 с.; Лавров С.В. *Мир в эпоху перемен: приоритеты внешнеполитической деятельности Российской Федерации.* // *Дипломатический ежегодник.* – М., 2012; Бажанов Е.П. *Внешняя политика России (1992-2003 гг.).* // *Дипломатический ежегодник.* – М., 2004, 2005, С. 203–235; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. *Многополюсный мир.* – М.: Восток-Запад, 2010; Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. *Международные отношения в XXI веке.* – М., 2011; Закаурцева Т.А., Гаджиев К.С., Родригес А.М. *Новейшая история стран Европы и Америки: XX в.* – М., 2001; Мозель Т.Н. *Теоретические основы международных отношений.* – М., 2000; Лукин А.В. *Публичная дипломатия.* // *Международная жизнь*, 2013, № 3, С. 85; Лебедева М.М. *Мировая политика* – М.: Аспект-пресс, 2003; Примаков Е.М. *Мир после 11 сентября.* – М.: Мысль, 2002; Цыганков П.А. *Теория международных отношений.* – М.: Гардарики, 2006; Шутов А.Д. *Выбранные статьи.* – М., «Известия», 2009; и др.

⁴ Лавров С.В. *Внешиполитическая философия России.* // *Международная жизнь*, 2013, № 3. С. 1–8; Рябков С.А. *Латинская Америка требует особого подхода.* // *Международная жизнь*, 2012, № 2; Косачев К.И. *«Мягкая сила»: актуальные задачи и возможности российской внешней политики.* // *Международная экономика*, 2012, № 6, С. 4–9; Петровский В. *«Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры.* // *Международная жизнь*, 2013, № 7, С. 72–84; Радиков И., Лексютина Я. *«Мягкая сила» как современный атрибут великой державы.* // *МЭиМО*, 2012, № 2, С. 19–26; Филимонов Г.Ю. *Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы».* // *Вестник РУДН, Политология* № 1, 2012, С. 67–82; Кременюк В.А. *Международные конфликты: проблемы управления и контроля.* – М.: ИСКРАН, 2006; и др.

⁵ Филимонов Г.Ю. *Роль «мягкой силы» во внешней политике США: диссертация докт. полит. наук, 23.00.04.* – М.: ДА МИД РФ, 2013; Карпович О.Г. *Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях: диссертация докт. полит. наук, 23.00.04.* – М., ДА МИД РФ, 2012; Чепурин А.В. *Проблемы консолидации зарубежной российской общины: диссертация канд. полит. наук, 23.00.04.* – М.: ДА МИД РФ, 2009.

авторов по тематике внешнеполитической деятельности Бразилии на приоритетных векторах, включая российский, на современном этапе: Давыдова В.М., Борзовой А.Ю., Дабагяна Э.С., Ивановского З.В., Мартынова Б.Ф., Никонова В.А., Окуневой Л.С., Симоновой Л.Н.⁶ Особый интерес представляют работы бразильских ученых и политологов, посвященные собственному формату «мягкой силы»⁷, а также ряд материалов их американских коллег, наблюдающих формирование аутентичной модели «мягкой силы» Бразилии со стороны и дающих оценку эволюции российско-бразильских отношений в целом⁸.

К этой же категории можно отнести многочисленные публикации отечественных авторов, в которых рассматриваются непосредственно российско-бразильские связи, их история, проблемы и перспективы развития: Давыдова В.М., Комиссарова Б.Н., Глинкина А.Н., Константиновой Н.С., Леонтьева А.П., Мартынова Б.Ф., Окуневой Л.С., Сизоненко А.И., Сударева В.П. и др.⁹ При

⁶ Бразилия – восходящий центр экономического и политического влияния. / отв. ред. Давыдов В.М. – М., 2008; Бразилия: перемены и постоянство. / отв. ред. Мартынов Б.Ф. – М., 2004; Бразилия – «тропический гигант» на подъеме. / отв. ред. Давыдов В.М. – М., 2011; Мартынов Б.Ф. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире. – М., 2008; Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М., 2008.; Никонов В.А. Бразильская модель. // Стратегия России. 2011. № 9; Дабагян Э.С. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67; Борзова А.Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. // Латинская Америка, 2011, № 11, С. 18–30; Симонова Л.Н. Бразилия Лулы: от неолиберальной трансформации к национально-ориентированной экономике. // Латинская Америка, 2011, № 2, С. 38–49.

⁷ Ana Lúcia Guedes «A aplicação do conceito de «poder brando» na política externa brasileira», 2005, pag. 80–81, Brasil; Celso Amorim «Robustecendo o poder brando do Brasil», artigo, 2013, pag. 1; Aline Pavan dos Santos «Inserção internacional do Brasil: o «poder brando» e a política externa do governo Lula», São Paulo, 2009, pag. 45–46; Leila Bijos, Verônica Arruda «A diplomacia cultural como instrumento de política externa brasileira», pag. 42; Cepaluni G., Vigevani T. Brazilian Foreign Policy in Changing Times: The Quest for Autonomy from Sarney to Lula. Lexington Books, 2012.

⁸ Checkel J. Structure, Institutions and Process: Russia's changing foreign policy. / Ed. Adeed & Karen Dawisha. The making of foreign policy in Russia and the new states of Eurasia. London, 1995; Blank S.J. Russia and Latin America: Motives and Consequences. – University of Miami, April 13, 2010; Nodari A. Simonia. Priorities of Russia's foreign policy and the way it works. / Ed. Adeed & Karen Dawisha. The making of foreign policy in Russia and the new states of Eurasia. London, 1995; и др.

⁹ Потенциал Бразилии и перспективы российско-бразильского сотрудничества. / отв. ред. Давыдов В.М. – М.: ИЛА РАН, 2004. 72 с.; Мартынов Б.Ф. Бразильцы и россияне: что нас объединяет? // Латинская Америка, 2006, № 10, С. 4–13; Константинова Н.С., Мартынов Б.Ф. Имидж России в Бразилии: укоренившиеся стереотипы и факторы оптимизации (Аналитические тетради ИЛА РАН, выпуск 20). – М., 2008; Сизоненко А.И. Россия – Латинская Америка: 20 лет спустя после 1991 г. // Мир и политика. 2011, № 11. С. 89–95; Сударев В.П. Латинская Америка в активе Российской политики. / Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия в 4 тт. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, РОССПЭН, 2002.

этом в некоторых работах анализируются отношения России и Бразилии через призму их взаимодействия в международных и региональных организациях и объединениях: ООН¹⁰, БРИКС¹¹, и т.д. Весомый вклад в изучение отмеченных направлений внесли диссертационные исследования Барышева И.С., Брянцева А.Е., Шакирова А.Р.¹²

Кроме того, были использованы материалы и публикации по рассматриваемой проблематике, имеющиеся в различных печатных и электронных СМИ, а также в Интернет-ресурсах.

Источниковую базу диссертации составляют:

- российское законодательство и официальные документы, регламентирующие деятельность высших органов государственной власти в сфере внешней политики и международных отношений (прежде всего, Конституция и Концепция внешней политики РФ), в которых сформулированы фундаментальные основы, приоритеты и целевые установки дипломатии Российской Федерации, в том числе касающиеся развития российско-бразильских связей;

¹⁰ Уаман О.Б. Президент Лула: путь Бразилии в Совет Безопасности ООН. // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. Мельвиля А. Ю. – РАМИ. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2007, С. 78–90; Лунин В.Н. Реформа ООН и Латинская Америка. / Перспективы развития Латинской Америки в глобализирующемся мире (первая четверть XXI века): сборник докладов научной конференции. / отв. ред. Глинкин А.Н., Шереметьев И.К. – М.: ИЛА РАН, 2003, С. 210–227.

¹¹ Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты [Текст]: сб. статей / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. – М.: РУДН, 2013, 429 с.; Восходящие государства-гиганты БРИКС: роль в мировой политике, стратегии, модернизации. // Сборник научных трудов / отв. ред. Окунева Л.С., Орлов А.А. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2012; Мартынов Б.Ф. БРИКС: Будем реалистами – потребуем невозможного! // Латинская Америка, 2011, № 10, С. 4–16 + 2011, № 11, С. 4–17; Окунева Л.С. «Понятие «БРИКС» отражает объективную и достаточно мощно проявляющую себя реальность современного мира». [Электронный ресурс] / Информационный портал МГИМО МИД России. – Код доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document213222.phtml> (дата обращения: 29.12.2013 г.); Мартынов Б.Ф. Бразилия и Россия: основы и некоторые перспективы правового взаимодействия в рамках BRICS // Латинская Америка, 2014, № 2; БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. / под общ. ред. Давыдова В.М. и Мосейкина Ю.Н. – М.: ИЛА РАН, 2010, 232 с.; и др.

¹² Барышев И.С. Российско-бразильские отношения в постсоветский период: диссертация канд. ист. наук, 07.00.15. М., 2012, 186 с.; Брянцев А.Е. Формирование имиджа России как составная часть ее внешней политики (на примере российско-бразильских отношений): диссертация канд. полит. наук, 23.00.04. М., МГИМО (У) МИД РФ, 2006, 165 с.; Шакиров А.Р. Перспективы развития российско-бразильских внешнеэкономических связей на современном этапе: диссертация канд. эконом. наук, 08.00.14. – М.: ВАВТ, 2005, 193 с.

- внешнеполитические акты и документы Бразилии, определяющие принципы формирования и реализации бразильской внешней политики по отношению к различным странам, включая Россию;

- международные договоры, заключенные между Россией и Бразилией как в формате двустороннего сотрудничества, так и в рамках их участия в многосторонних организациях и объединениях (ООН, Г-20, БРИКС), а также архивные документы;

- программные заявления и публичные выступления российских и бразильских государственных деятелей, посвященные приоритетным направлениям внешней политики своих стран, российско-бразильским отношениям и согласованию позиций двух государств по актуальным проблемам современности, глобальной безопасности, принципам формирования многополярного мира и многосторонней повестки дня¹³.

¹³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения 17.12.2013 г.); Путин В.В. «Россия и меняющийся мир». // «Московские новости». 27 февраля 2012 г.; Выступление Президента В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации по теме «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности». 09.07.2012. [Электронный ресурс] / Президент Российской Федерации, офиц. сайт. – Код доступа: <http://kremlin.ru/news/15902> (дата обращения 10.10.2013 г.); Выступление и ответы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Бразилии А.Патриотой, Рио-де-Жанейро, 11 июня 2013 года [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Российской Федерации, офиц. сайт. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/24FB7E31280676F744257B88001FB9 (дата обращения: 13.11.2013 г.); Discurso do Presidente da República, Luiz Inácio Lula da Silva, na 59ª Assembleia-Geral da ONU. – Nova Iorque, EUA, 21.09.2004. [Электронный ресурс] / Ministério das Relações Exteriores do Brasil. – Код доступа: <http://www.itamaraty.gov.br> (дата обращения: 21.12.2013 г.); Discurso do Presidente da República, Luiz Inácio Lula da Silva, cerimônia de assinatura de atos por ocasião da visita oficial do Presidente da Federação da Rússia, Vladimir Putin, Palácio do Planalto, 22.11.2004. [Электронный ресурс] / Ministério das Relações Exteriores do Brasil. – Код доступа: <http://www.itamaraty.gov.br> (дата обращения: 22.11.2013 г.); Совместное заявление по итогам официальных переговоров между Президентом РФ В.В. Путиным и Президентом ФР Бразилии Л.И. Лулой да Силва. Москва, 18.10.2005. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента РФ. – Код доступа: www.kremlin.ru (дата обращения: 28.02.2013 г.); Discurso da Presidenta da República, Dilma Rousseff, na cerimônia de posse do Ministro de Estado das Relações Exteriores, Luiz Alberto Figueiredo Machado, Palácio do Planalto, 28 de agosto de 2013. – Код доступа: <http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-posse-do-ministro-de-estado-das-relacoes-exteriores-luiz-alberto-figueiredo-machado> (дата обращения 21.01.2014 г.); Discurso da Presidenta da República, Dilma Rousseff, durante cerimônia de formatura da turma 2011/2013 do Instituto Rio Branco, Palácio Itamaraty, 17 de junho de 2013. – Код доступа: <http://www.itamaraty.gov.br/sala-de-imprensa/discursos-artigos-entrevistas-e-outras-comunicacoes/presidente-da-republica-federativa-do-brasil/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-durante-cerimonia-de-formatura-da-turma-2011-2013-do-instituto-rio-branco> (дата обращения 23.01.2014 г.).

Объект исследования: российско-бразильские отношения на современном этапе.

Предмет исследования: инструменты и технологии «мягкой силы» в российской внешней политике в Бразилии.

Цель исследования – определить роль и место инструментов «мягкой силы» в реализации внешней политики Российской Федерации в Бразилии.

Задачи, вытекающие из цели исследования:

- определить сущность и содержание «мягкой силы» в политике современных государств, установить пределы эффективности «мягкой силы» в международных отношениях;

- выявить и классифицировать основные критерии использования «мягкой силы» в интересах России (в свете новой внешнеполитической концепции РФ), зафиксировав сходства и различия в подходах нашей страны и США к ее применению;

- установить роль России и Бразилии в системе мировой политики на современном этапе, раскрыв особенности формирования модели российско-бразильских отношений в формате двустороннего стратегического партнерства и регионального сотрудничества;

- сформулировать основные концепции и направления развития российско-бразильских связей с помощью инструментов «мягкой силы», включая фиксацию главных тенденций и закономерностей эволюции двусторонних отношений в сфере культурного сотрудничества;

- оценить значение гуманитарной составляющей в политике России на бразильском направлении, а также роль и функции государственных и частных представительств РФ, российской диаспоры, РПЦ и ее приходов в Бразилии при применении «мягкой силы» в целях продвижения национальных позиций нашей страны;

- предложить практические рекомендации по использованию инструментов «мягкой силы» в интересах оптимальной реализации задач внешней политики России в Бразилии.

Гипотеза диссертационного исследования состоит в предположении о том, что в современных российско-бразильских отношениях «мягкая сила» становится одним из наиболее эффективных способов развития партнерских связей двух стран на глобальном и региональном уровнях. Россия заинтересована выстраивать отношения с Бразилией в формате межкультурного диалога, основанного на культурном влиянии и обмене, взаимном признании ценностей и уважении национального

своеобразия. В этом отношении Россия и Бразилия идут параллельными курсами: обе страны, преодолевая схожие политические и экономические проблемы, движутся к формированию современного гражданского общества, опираясь на культурное, этническое и конфессиональное разнообразие народов, населяющих наши государства, на многомерную идентичность российских и бразильских граждан. Именно поэтому ценности и послы российской цивилизации встречают понимание и одобрение у населения Бразилии, разделяются и принимаются различными слоями бразильского общества, что во многом определяет эффективность российской «мягкой силы».

Автор исходит из посыла, что Бразилия желает утвердиться в роли мировой державы и в качестве одного из атрибутов этого статуса предпринимает попытки выработать собственный формат «мягкой силы», основанный на притягательности и успешности бразильской модели социально-экономического развития. При этом бразильцы нуждаются в моральной поддержке России, которая была и остается одним из общепризнанных глобальных лидеров. В этом плане российская «мягкая сила», направленная на усиление веса Бразилии на мировой арене и в многосторонних организациях, может стать прочной основой для дальнейшего сближения двух стран и выработки ими консолидированной позиции по ключевым вопросам международной повестки. В результате наблюдается совпадение интересов, порождающее взаимную мотивацию к встречному движению, устойчивый характер которого поддерживается с обеих сторон, помимо традиционной дипломатии, инструментами «мягкой силы».

В свою очередь Россия не может не признавать тот факт, что, обладая одной из самых крупных и динамично развивающихся экономик, Бразилия со временем станет новым мировым полюсом в определенной степени альтернативным влиянию США. В данном контексте нашей стране выгодно именно сейчас поддержать Бразилию, содействовать ее вхождению в качестве постоянного члена в расширенный СБ ООН с тем, чтобы с помощью «мягкой силы» и культурно-гуманитарного влияния заложить в сознании бразильской элиты устойчивые симпатии к России и ее цивилизационной миссии.

Теоретико-методологическая основа исследования включает в себя системный, структурный, сравнительный и проблемный методы анализа. Методология работы определяется, с одной стороны, характером ее цели и задач, с другой – научным подходом и позицией автора, основанной, в том числе на личном опыте работы в Центральном аппарате МИД России и его

представительствах за рубежом. При этом ключевыми установками выступают принципы объективности, системности, историзма.

В диссертации предложен новый методологический подход к изучению и анализу роли «мягкой силы» в российско-бразильских отношениях, в котором Россия является признанной (хотя и не без оговорок) супердержавой, а Бразилия активно стремится к такому статусу. В результате возникает устойчивая дипольная структура, удерживаемая в стабильном состоянии совпадающими интересами, близкими (с культурно-исторической точки зрения) ценностями и инструментами «мягкой силы». Эта конструкция, в свою очередь, имеет два формата: российский и бразильский, и по-разному реализуется как в двусторонней, так и в многосторонних плоскостях отношений. Подобная конфигурация развивается в базисе, определяемом положением и движением старых и новых полюсов формирующегося миропорядка.

Важное значение отведено комплексному подходу (особенно в его структурно-функциональной версии), который использован автором для исследования роли и места современной Бразилии в системе международного общения, в которой она претендует на роль нового мирового лидера. Этот же метод применен для оценки текущего состояния и перспектив (форм и направлений) развития российско-бразильских связей, а также для выявления акторов, оказывающих на двусторонние отношения наибольшее позитивное или негативное воздействие. Главные выводы и заключения исследования получены в результате сравнительного анализа, который позволил установить сходства и различия в концепциях «мягкой силы» США, Бразилии и России.

Существенную роль играет институциональный подход, методология которого была задействована для изучения особенностей и форматов взаимодействия России и Бразилии в международных и региональных организациях и объединениях (ООН, Г-20, БРИКС). Отдельное место принадлежит положениям и выводам современной политической регионалистики, что позволило обозначить характерные черты формирования и развития российско-бразильских отношений на региональном уровне, включая совпадение или схожесть интересов наших государств по ряду конкретных вопросов политики и безопасности.

Эмпирическую базу исследования составляют сведения и фактические данные, полученные в результате использования методов включенного наблюдения, контент-анализа официальных документов и нормативных

правовых актов, изучения экономической и политической статистики, архивных источников, мониторинга СМИ и др. Наряду с этим значительную ценность представляют материалы международных, российских и бразильских научно-практических конференций и «круглых столов», а также регулярные контакты автора с представителями органов власти России и Бразилии федерального и регионального уровней, профессорами и преподавателями Дипломатической академии и МГИМО (У) МИД России, МГУ имени М.В. Ломоносова, Института Латинской Америки РАН, Института США и Канады РАН, Федерального университета Рио-де-Жанейро, Бразильского центра изучения стран БРИКС, ряда других образовательных и научно-исследовательских организаций и учреждений.

Научная новизна диссертации определяется недостаточной разработанностью темы исследования. При этом использован новый подход к изучению российско-бразильских отношений, основанный на авторской гипотезе о роли и месте «мягкой силы» в реализации российской внешней политики, в результате применения которого получены следующие результаты:

- заполнен определенный пробел в российской политологической науке путем проведения сравнительного анализа классической американской доктрины «мягкой силы» с ее российским и бразильским аналогами (интерпретациями). Установлено, что «мягкая сила» во внешнеполитической концепции России имеет черты и признаки публичной дипломатии, но на практике ею не ограничивается, что подтверждается исследованием нынешних российско-бразильских связей;

- впервые в отечественной политологии выявлены роль и место «мягкой силы» РФ в развитии российско-бразильских отношений на современном этапе при фиксации ее потенциала и возможностей по продвижению диалога между нашими странами в контексте текущей международной ситуации;

- новизна заключается в характеристике содержания, особенностей и формата бразильской «мягкой силы», которую руководство этой страны формирует на базе собственных идей, концепций и культурно-цивилизационных представлений, исходя из многомерной идентичности нации и привлекательности модели социально-экономического развития; выявлены отличия от англосаксонского подхода, позволяющие утверждать о становлении в Бразилии собственной модели «мягкой силы», не похожей на существующие аналоги;

- в российской латиноамериканистике впервые выдвинуто предположение о том, что формирование у Бразилии своего формата «мягкой силы» является объективным индикатором (маркером) достижения этой страной такого уровня, на котором с ней следует выстраивать отношения как с новым мировым лидером, даже если этот факт еще не получил широкого признания со стороны бесспорных великих держав, таких как США;

- установлено, что Бразилия, стремящаяся к статусу нового мирового полюса, нуждается в «мягкой силе» России, способной поддержать ее заявку и амбиции в глобальной политике своим авторитетом, и поэтому идет навстречу развитию двусторонних отношений в сфере гуманитарного сотрудничества;

- признано, что рамки и эффективность российской «мягкой силы» поставлены в зависимость от особенностей взаимодействия России и Бразилии в многостороннем формате (ООН, Г-20, БРИКС, ОАГ, ЮСН и др.), а также от специфики «стратегического партнерства», реализуемого на двусторонней основе на различных уровнях (глав государств, сопредседателей Комиссии высокого уровня по сотрудничеству, руководителей внешнеполитических ведомств, сопредседателей МПК, представителей по безопасности и т.д.);

- доказано, что для трансляции российской «мягкой силы» и культурного влияния на бразильское общество и политическую элиту, помимо официальных путей воздействия, существуют и другие каналы гуманитарного сотрудничества, в которых заметную роль играет русскоязычная диаспора и русская православная церковь, выступающие в качестве субъектов «мягкой силы».

На защиту выносятся следующие положения:

1. В результате проведенного исследования установлено, что термин «мягкая сила», официально появившийся в новой редакции Концепции внешней политики РФ (12 февраля 2013 г.), представляет нечто среднее между ее первородным американским определением и американским же понятием «публичной дипломатии».¹⁴ Вместе с тем, сущность и содержание «мягкой силы» в российской концепции полностью не раскрыты, что позволяет предположить прямое заимствование смыслов у американцев и англосаксов в целом. Сложившаяся ситуация требует уточнения,

¹⁴ Согласно Э. Джуйллиону (1965 г.), публичная дипломатия – это отношения между государствами, которые не задействуют традиционные связи правительств. См.: Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession. // Virginia Quarterly Review, Summer 2001. – Код доступа: http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy

конкретизации и расширенного толкования термина «мягкая сила» в ее российском понимании, поскольку копирование западных шаблонов и перенос их на иную культурную почву чреват обратным результатом. Эта задача особенно актуальна в контексте различных форматов двусторонних отношений, которые Россия выстраивает со своими стратегическими партнерами в мировой политике, включая Бразилию.

2. Автор отталкивается от утверждения о том, что на геополитическом уровне концепция российской «мягкой силы» в Бразилии определяется степенью совпадения и согласования национальных интересов двух государств, порождающих точки соприкосновения и сотрудничества, формирующих мотивы к сближению, общие вектора и направления внешней политики, которые стимулируют выработку скоординированной международной повестки дня и открывают каналы для культурного влияния. На тактическом и операционном уровне облик российской «мягкой силы» в Бразилии отображается, прежде всего, форматом двусторонних российско-бразильских отношений, той самой формулой «стратегического партнёрства», которую Россия и Бразилия стремятся реализовать на практике, привлекая для этого различный инструментарий, включающий традиционную дипломатию и «мягкую силу». В свою очередь характер привилегированного сотрудничества между нашими двумя странами также определяется состыкованностью интересов (даже если она носит временный характер), общностью целей, которые обе страны стремятся достигнуть в сфере международных отношений, опираясь на поддержку и ресурсы друг друга. В этих условиях «мягкая сила» эффективна преимущественно в тех направлениях, в которых она соответствует истинным политическим устремлениям государства и его властных элит. С учетом того, что Бразилия пытается утвердиться в статусе глобальной державы в формирующемся новом мировом порядке, психологическая и идеологическая поддержка со стороны России этих ее амбиций может дать наиболее действенный результат для российских внешнеполитических интересов.

3. Аргументированно показано, что за последние десятилетия Бразилия превратилась в крупную региональную силу, имеющую свои национальные приоритеты в Европе, Латинской Америке, Азии и Африке. Эта страна проводит активную многоуровневую внешнюю политику, стремится обеспечить себе статус постоянного члена в расширенном СБ ООН, укрепить свои полномочия (включая право голоса) во Всемирном банке и Международном валютном фонде. При этом Бразилия пытается

позиционировать собственное видение сирийской и иранской проблем, всего спектра ближневосточного урегулирования, предлагая альтернативные решения затянувшихся кризисов. На региональном уровне бразильское руководство продвигает свои взгляды среди западных партнеров, обеспокоенных экспансионистской политикой США и их военно-политических союзников. Вместе с тем, стремление Бразилии принимать деятельное участие в формировании международной повестки дня и активность, которую она развивает на сирийском и иранском треках, является определенной пробой сил и приобретением первого опыта в урегулировании глобальных проблем безопасности, в котором общие консолидированные решения часто возникают в результате соперничества и конфликта интересов ведущих игроков, обладающих мощью, значительно превосходящей любые возможности современной Бразилии. И в этой ситуации бразильское правительство нуждается в помощи (в первую очередь моральной) со стороны уже состоявшихся великих держав, от мнения которых зависит, войдет ли эта страна в их «клуб». Как представляется, Россия, в отличие от США, готова обеспечить бразильцев такой поддержкой; сам факт ее наличия придает внешней политике Бразилии устойчивость и уверенность в собственных силах, способности достигнуть в обозримой перспективе те цели, которые она как новая глобальная держава перед собой поставила. В этом заключается один из основных каналов воздействия российской «мягкой силы»: заручившись моральной опорой и авторитетом России, бразильцы выстраивают на этом фундаменте свою концепцию международной стратегии.

4. «Мягкая сила» Бразилии базируется на многомерной идентичности страны и в этом плане имеет собственный институциональный дизайн, заметно отличающийся от американских канонов и стандартов. В основе ее притяжения – перспективная, привлекательная экономическая модель развития с упором на продвижение социальных программ, ставшая политическим брендом не только для Латинской Америки, но и для многих стран с развивающейся экономикой. Это не может не вызывать обеспокоенность у США, которые отмечают появление у Бразилии нового инструментария внешнего воздействия в условиях, когда между Бразилией и США сохраняются отстраненно-прохладные отношения.

5. Подъем Бразилии совпадает со спадом безоговорочного доминирования США в Латинской Америке и возникновением новых центров силы в Азии. Воспользовавшись текущей политической

конъюнктурой, бразильцы готовятся заполнить своим влиянием то пространство, которое могут оставить Соединенные Штаты, отступая под натиском мирового экономического кризиса и растущего самосознания народов государств ЛАКБ, приводимых в движение боливарианской национальной идеей. Бразилия готова предложить на освобождаемых «площадках» как собственную модель политико-экономического развития, так и свое видение международной и региональной повестки дня. В линии, направленной на укрепление внешнеполитических позиций в латиноамериканском регионе, Бразилия опирается на национальные ресурсы «мягкой силы», основанные на соответствующих культурных ценностях, моральных идеалах и мировоззренческих установках.

6. Автор исходит из посыла о том, что в мировой политике Россия и Бразилия развивают отношения стратегического партнерства, поскольку геополитические интересы двух наших государств во многом близки. Их взаимодействие в ООН демонстрирует значительное число точек соприкосновения, вытекающих из совпадения подходов двух стран по значительному спектру вопросов международной стабильности и безопасности. Речь идет о созвучности позиций по миротворческой проблематике в целом, ближневосточному урегулированию, иранской и сирийской проблемах, исключающих возможность силовых решений, а в недавнем прошлом – по Ливии. Для России расширение состава СБ ООН и вхождение в него на постоянной основе Бразилии предполагает значительную выгоду, так как наша страна может рассчитывать на приобретение в лице бразильцев политических союзников, способных содействовать обеспечению баланса сил в разрешении многих острых тем современности. Для Бразилии – это первый шаг к официальному признанию за ней статуса нового мирового полюса. При этом бразильское руководство подкрепляет свои шаги на международной арене мощным культурно-идеологическим воздействием, основанном на идеях панидеологической интеграции Южной Америки, Африки и Южной Азии, развивая свои институты «мягкой силы» и используя опыт России, передаваемый по каналам гуманитарного сотрудничества.

7. Российская «мягкая сила» опирается на ресурсы и трансляторы культурного влияния, сложившиеся исторически (научные и гуманитарные связи, публичная дипломатия, торгово-экономическое сотрудничество) и воздействует на бразильскую политическую элиту, общество в целом как напрямую, через двусторонние культурно-гуманитарные контакты, так и

опосредованно – благодаря стратегическому партнерству в региональных организациях (БРИКС, Г-20). Значительный потенциал для реализации российской концепции «мягкой силы» представляет новое объединение – Южноамериканское сообщество наций, идеологический базис которого удачно сочетается с теми ценностями, которые несет и пропагандирует Россия с помощью «мягкого» воздействия.

8. Субъектами российской «мягкой силы» являются различные акторы, среди которых ведущую роль играют официальные представительства нашей страны в Бразилии (посольство, торгпредство, генеральные консульства и др.), а также здешняя российская диаспора и русская православная церковь. Вместе они выступают как центр гуманитарного влияния и притяжения российской цивилизации. Одновременно «мягкая сила» России становится для различных групп соотечественников ценностным ориентиром, консолидирующим и укрепляющим национальное самосознание. В свою очередь для российской «мягкой силы» наша колония является действенным каналом распространения российских ценностей в сознании населения и властных элит.

9. Требуется учитывать наличие различного рода препятствий, ограничивающих эффективность «мягкой силы» в российско-бразильских отношениях. К ним относятся, прежде всего, определенные проблемы в формировании позитивного образа России в Латинской Америке в целом и в Бразилии в частности. В представлении бразильцев о России (правопреемнице СССР) сохраняется значительное количество стереотипов и фобий, имеющих в том числе негативные оттенки (сформировавшиеся в годы «холодной войны», приостановления дипломатических отношений и иных последствий периода военных режимов в Бразилии). Указанные факторы в зависимости от конкретной политической ситуации усиливают или снижают эффективность российской «мягкой силы». Этот факт предопределяет целесообразность выработки Россией внешнеполитического курса, направленного на утверждение благоприятного имиджа страны за рубежом, включая латиноамериканский мир и такую его важную составляющую, как Бразилия.

Теоретическая и практическая значимость работы определяются, с одной стороны, методологической и прикладной актуальностью темы, с другой – характером полученных автором теоретических и утилитарных результатов. Диссертация развивает и конкретизирует основные положения Концепции внешней политики Российской Федерации в части, касающейся «мягкой силы» и ее использования в дипломатической деятельности.

Исследование дает подходы к пониманию современных тенденций и закономерностей эволюции системы международных отношений, связанных с появлением новых политических сил, претендующих на роль самостоятельных полюсов в формирующемся миропорядке. Результаты работы позволяют рассматривать «мягкую силу» в качестве важного фактора не только развития российско-бразильских связей, но и инструмента создания институционального дизайна «стратегического партнерства» на различных уровнях взаимодействия политических элит двух стран.

Практический интерес могут представлять рекомендации автора по использованию методов «мягкой силы» в интересах развития российско-бразильских отношений в глобальном и региональном форматах. Кроме того, выявлены и конкретизированы основные каналы доведения (до сознания бразильской политической элиты) управляющего воздействия «мягкой силы»; указаны акторы, которые могли бы выступать в качестве субъектов «мягкой силы» при обосновании их роли в российском культурно-ценностном влиянии на политическую жизнь Бразилии. Все это позволяет организовать применение фактора «мягкой силы» на системном уровне, стимулируя соответствующим образом разные сегменты бразильского общества. В диссертации присутствует обширный фактографический материал по исследуемой проблематике, который достоин внимания российских ученых, политиков и дипломатов. Основные результаты, выводы и обобщения настоящей работы также могут быть использованы в учебном процессе в вузах, для подготовки и повышения квалификации специалистов по международным отношениям и информационному управлению, дипломатических работников МИД РФ, политологов и конфликтологов.

Апробация диссертационного исследования.

Основные положения исследования нашли отражение в монографиях и статьях автора, опубликованных в ряде отечественных и иностранных журналов (в том числе рекомендованных ВАК) и сборников, а также в его выступлениях на российских и зарубежных научных конференциях: II Всероссийском научно-образовательном форуме «Политология – XXI век: политические ценности и политические стратегии» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2013); конференции «Ломоносов 2014», секции «Политические науки» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014); научно-практической конференции «Бразилия-Россия: мосты культуры» (Рио-де-Жанейро, Федеральный университет, 2010); круглом столе

«Гуманитарные аспекты сотрудничества в БРИКС» в Центре изучения стран БРИКС (Рио-де-Жанейро, BRICS Policy Center, 2014) и др.

Результаты научной работы применяются в деятельности профильных подразделений МИД РФ, в том числе в рамках обеспечения официальных визитов в Бразилию (включая Рио-де-Жанейро) российских представителей на высоком и высшем уровнях, а также в учебном процессе в Дипакадемии МИД РФ и МГИМО (Университет).

Структура диссертации соответствует целям, задачам и логике исследования и состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников, документов и литературы.

I. Теоретико-методологические аспекты исследования роли «мягкой силы» во внешней политике России.

1.1. «Мягкая сила» как политический ресурс и инструмент реализации внешней политики современного государства.

Для того, чтобы установить роль и место инструментов «мягкой силы» в развитии российско-бразильских отношений на глобальном и региональном уровнях, необходимо определиться с происхождением этого термина, выяснить, какое внутреннее содержание вкладывают его авторы в понятие «мягкой силы», установить, на решение каких конкретно задач ориентирован инструментарий «мягкой силы» и какие именно возможности открываются перед политиками и дипломатами, обладающими данным ресурсом и умеющими применять его на практике.

Следует отметить, что страной происхождения понятия «мягкая сила» являются США. В научной среде этот термин возник в результате исследовательской и публицистической деятельности двух авторов – последователей школы американского неолиберализма: Дж. Ная¹⁵ и Р. Кеохейна¹⁶, которые впервые поставили под сомнение некоторые базовые постулаты школы политического реализма:

¹⁵ Nye Joseph S. Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs Group, 2004; Nye Joseph S. Jr. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. – New York: Oxford University Press, 2002; Най-младший Дж. После Ирака: мощь и стратегия США. // *Россия в глобальной политике*, 2003, № 3 и др.

¹⁶ Кеохейн Р.О., сформулировавший, совместно с Дж. Наем, модель транснациональных отношений: Keohane R. *Power and Governance in a Partially Globalized*

- во-первых, утверждение о том, что политическое поведение современных акторов международных отношений может быть объяснено их национальными интересами, совпадение которых порождает сотрудничество и интеграцию, а пересечение или наложение друг на друга – конфликт, причем на любом уровне, включая глобальный;

- во-вторых, тезис о том, что формат и особенности внешней политики главных акторов межгосударственных связей - современных наций-государств – определяются их стремлением к поддержанию баланса сил в мировых делах, благоприятного для них самих и их национальных приоритетов.

Базовой идеей Дж. Найа стала мысль о том, что в современной политике при выборе той или иной стратегии решающую роль играют не прагматически сформулированные национальные интересы, а культурно-цивилизационные нормы и ценности, воздействующие на эмоционально-образную сферу человеческого восприятия и побуждающие людей выстраивать свое поведение в соответствии с добровольно принимаемыми и разделяемыми ими идеалами и шаблонами. С точки зрения Дж. Найа и других представителей школы политического неолиберализма, сегодня «главными регуляторами международных отношений выступают универсальные нравственные нормы, которые кодифицируются в правовые императивы и базирующиеся на их основе международные институты»¹⁷.

Как считает Дж. Най, сегодня возможности великих держав использовать традиционные силовые ресурсы для достижения внешнеполитических целей неуклонно снижаются: «сила становится все менее применяемой, менее осязаемой и менее принудительной»¹⁸. Б. Бади и М.-К. Смутс в этой связи указывают, что мир 1990-х годов «находится в поисках новых отношений и новых субъектов. Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе очень мало средств эффективного влияния на

World. 2002; Keohane R., Joseph S. Nye Jr. Power and Interdependence: World Politics in Transition. 1977.

¹⁷ Цыганков П.А. Международные отношения. – М., 1996; Finnemore M. National interests in international society. – Itaca, N.Y., 1997; Krasner S. Frail reeds: Institutions in the international system. Paper presented at the conference, What is Institutionalism Now? 14–15 October 1994, University of Maryland, College Park.

¹⁸ Цыганков П.А. Международные отношения. – М., 1996.

происходящие процессы, заставляя прибегать к опосредованным и всегда дорогостоящим способам принуждения»¹⁹.

Процесс воздействия идеалов и ценностей на сознание общества и отдельных граждан Дж. Най описал как «мягкую силу», способную направить любой политической инструментарий на выполнение поставленной ей задачи без обязательного в таких случаях (с точки зрения реалистов) силового принуждения, то есть добровольно. Сформулированная им концепция «мягкой силы» определяет ее как «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек»²⁰. Такое воздействие, считает Дж. Най, может осуществляться с помощью трех основных компонентов: культуры, идеологии и внешней политики.²¹ Позднее к ним стали относить привлекательность внутренней политики, экономические достижения и даже образ жизни и ценности, в первую очередь американские.

По сути, в трактовке Дж. Найа и его последователей-неолибералов «мягкая сила» – это способность управлять политическим сознанием и поведением соперников путем воздействия на их системы ценностей, мировоззрение и культурно-цивилизационные архетипы. В результате «мягкую силу» стали рассматривать как набор особых инструментов или технологий воздействия на сознание, способных обеспечить «добровольную подчиняемость» общества и входящих в него граждан. Проводниками «мягкой силы» стали выступать культурные обмены, гуманитарное сотрудничество и публичная дипломатия, которую несколько раньше – в 1965 г. – Э. Джуиллион определил как «отношения между государствами, которые не задействуют традиционные связи правительств»²².

Можно с уверенностью утверждать, что на уровне международных отношений «мягкая сила» выступает одновременно и как инструмент, и как ресурс политического воздействия и внешнего управления. Такая двойственность в интерпретации понятия «мягкая сила» не случайна: «мягкая сила» не только расширяет арсенал возможностей и средств внешнеполитического воздействия современного государства, но и увеличивает саму возможность государства влиять на протекающие мировые процессы на различных уровнях – от формирования актуальной глобальной

¹⁹ Цыганков П.А. Международные отношения. – М., 1996.

²⁰ Nye Joseph S. Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs Group, 2004.

²¹ Nye J. *Soft Power* // *Foreign Policy*. 1990. Autumn. № 80. Pag. 167.

²² Bardos A. *Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession* // *Virginia Quarterly Review*, Summer 2001. – Код доступа: http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy

повестки до конфигурирования и переконфигурирования самой системы государственных связей и отдельных ее фрагментов.

В роли инструмента влияния «мягкая сила» ассоциируется с современными технологиями политического манипулирования, пропаганды, внешнего управления сознанием и поведением, в том числе и в измененных состояниях. В целом эти технологии обеспечивают эффективное внедрение (перенос) ценностей и концепций англосаксонской цивилизации в сознание других обществ и первоначальное укоренение их, нередко сопровождающееся вытеснением прежних, традиционных для данной культуры подходов, норм и идеалов. В результате такого воздействия и обработки сознания граждане других стран отказываются от традиционного жизненного уклада и послушно начинают строить в своих государствах либерально-демократическое общество по американским лекалам – так, как это было в странах Восточной Европы и Балтии, отчасти, продолжается в Афганистане.

В роли ресурса «мягкая сила» выступает потому, что в современном мире она является одной из основных составляющих совокупной мощи государства, претендующего на мировое лидерство. В понимании американских политиков и ученых, «мягкая сила» позволяет подчинять волю руководства других государств и, соответственно, волю властных элит добровольно, без «боя» и прессинга, благодаря технологиям когнитивного воздействия. Попадая под такое влияние – «очарование, чары или гипноз «мягкой силы», многие лидеры иностранных государств незаметно для самих себя становятся проводниками чужой внешней политики, в основном – линии Соединенных Штатов как крупнейшего источника «мягкой силы». В результате США естественным образом, без принуждения, приобретают значительное число союзников-сателлитов в любом из регионов планеты, ресурсы которых они используют для того, чтобы формировать новый глобальный порядок, центрированный на ценностях и образе жизни англосаксонского мира.

По мнению последователей Д. Ная, с помощью «жесткой силы» можно решить только частные вопросы, связанные с принуждением конкретного государства (группы влияния) или обеспечением кратковременного преимущества в конфликтной ситуации; глобальные же задачи решаются на уровне восприятия или невосприятия другими акторами международных отношений общего культурного (в отдельных случаях – цивилизационного) превосходства государства, претендующего на глобальное лидерство.

Прямым следствием такого рода признания является объединение различных государств под верховенством одного лидера в рамках так называемых «волевых коалиций», сцементированных общими ценностями, идеалами и идеологическими аксиомами. Пример такого объединения лежит в истории второй иракской войны 2003-2004 гг. и во многих других подобного рода военно-политических кампаниях, проводимых США как под собственным флагом, так и под прикрытием мандатов ООН, ОБСЕ, НАТО.

Англосаксонские ценности не только несут «отсталым народам» новые принципы и горизонты гуманизма и человеколюбия, но и дают представление о совершенной картине мира, идеальном и непротиворечивом мироустройстве, в котором нет (и не может быть) места конфликтам, потрясающим основы современного общества. В представлении большинства американцев такой идеальной картиной планетарного обустройства является «демократический мир», концепция, предполагающая реальную возможность выстраивания во всех государствах земного шара демократической модели общества по североамериканскому образцу. Конфликты в условиях всеобщего «демократического мира» невозможны, поскольку в представлении американских либералов они порождаются столкновением ценностей (так называемые «конфликты ценностей»), а ценности у всех одинаковые – демократические; принципиальная универсальность демократических ценностей делает возможным их перенесение на любую культурно-цивилизационную и этническую почву. Это определяет и объясняет высокую эффективность и результативность «мягкой силы» в мировой политике и международных отношениях.

В работах представителей школы политического реализма – в основном, так называемых «ястребов» из числа генералитета и руководителей военно-промышленного комплекса США – зачастую звучит мнение о том, что в политике Соединенных Штатов «мягкая сила» – это не метод воздействия на политических оппонентов, а спекулятивная схема заигрывания с ними, «игра в демократию», единственным результатом которой становится формирование иллюзии всеобщего умиротворения, а под ее пеленой, дескать, скрываются нерешенные проблемы, обостряющиеся противоречия и различные язвы реформируемого общества. Центральный посыл политических реалистов заключается в том, что в современных условиях нарастающей хаотизации международных отношений только «жесткая сила» и эффективна. Однако и они не могут игнорировать успешность ряда проектов неолибералов, основанных на возможностях

«мягкой силы» и технологий ценностного управления сознанием и политическим поведением, например, таких как «цветные революции». В результате им приходится время от времени признавать, что стабильность формируемого американцами нового мирового порядка не может основываться только на силовом принуждении, и в этом плане политика США нуждается в использовании новых методов и подходов, рассчитанных на перспективу, в первую очередь, «мягкой силы».

В ответ на критику со стороны реалистов представители школы либерализма резонно замечают, что ни в одном из конфликтов, в которых американцы принимали участие с позиций «жесткой силы», им не удалось добиться окончательного и долговременного разрешения существующих глубинных противоречий, лежащих в основе конфликта. «Жесткая сила» позволяла быстро и эффективно подавить активность противоборствующих сторон, охладить их наступательный запал, распылить ресурсы (в том числе боевые), загнать каждого в свой угол и, тем самым, временно создать для участников конфликта условия, в которых продолжение вооруженной борьбы либо попросту невозможно, либо весьма затруднительно. Вместе с тем, практика показала, что «жесткая сила» не способна разрешать объективные разногласия, лежащие в основе конфликтов – сразу после ухода миротворцев, обеспечивающих пассивацию очага напряженности методами силового воздействия и сдерживания, конфликт имеет все шансы вспыхнуть с новой силой, причем с той же точки эскалации, в которой его застало вмешательство миротворческих сил. То есть, после снятия силового давления (сопряженного, например, с выводом американского военного присутствия в районе вооруженного противостояния) ситуация в зоне конфликта довольно быстро возвращается в исходную точку, а позиции сторон, помимо антагонизма к друг другу, приобретают дополнительно еще и ярко выраженную антиамериканскую окраску. Решение этой проблемы, порождаемой политикой реализма, неолибералы видят в эффективном использовании военно-политического присутствия США в проблемных регионах для внедрения в сознание местного населения и властных элит идеалов и ценностей англосаксонской цивилизации, в «промыивании мозгов» гражданам с тем, чтобы их образ мыслей не противоречил задачам и действиям представителей временной «оккупационной власти». То есть, надо закреплять военные победы над противником, внедряя в его сознание американские взгляды и, тем самым, меняя ментальность. Результатом этого должна стать естественная эволюция

политических режимов в направлении строительства дружественного Соединенным Штатам либерально-демократического социума по североамериканской модели.

В российской политической традиции до сих пор (с небольшими оговорками) принято считать, что американские школы политического реализма и политического либерализма во многом антагонистичны, поскольку базируются на диаметрально противоположных принципах и подходах к формированию внешней политики, и, следовательно, находятся в состоянии острой конкуренции. Этот вывод кажется во многом самоочевидным, если ограничиться простым сравнением исходных базовых посылов реализма и либерализма. Кроме того, такое заключение подтверждается реальными фактами, вытекающими из анализа успехов и неудач внешней политики США в Афганистане и по отношению к постсоветским государствам Центральной Азии.

Как утверждает С.А. Николаев, политика Вашингтона в Центральной Азии носила противоречивый характер²³, что является основным объяснением ее низкой результативности по сравнению, например, с активно утверждающим свои интересы в этом регионе Китаем. Первоначально, в 1990-х годах, Центральная Азия была для Соединенных Штатов на глубокой периферии их национальных приоритетов и привлекала исключительно как источник поставок сырья – углеводородов, редкоземельных металлов, возможно, урана. При этом США выстраивали с авторитарными режимами центральноазиатских республик исключительно прагматичные отношения, в основе которых лежала легко вычисляемая и калькулируемая экономическая выгода. В результате американцы содействовали становлению новых государств и укреплению правящих элит только в тех случаях, когда это четко соответствовало их национальным дивидендам, то есть – в соответствии с классическими принципами политического реализма. Такое положение дел сохранялось вплоть до вторжения США и их союзников по антитеррористической коалиции в Афганистан.

С началом операции в Афганистане стратегическое значение Центральной Азии (ЦА) для Вашингтона кардинально изменилось: ЦА стала стратегическим тылом американской группировки, ведущей войну против Талибана, регионом, по которому протянулись маршруты снабжения группировки КФОР. От того, насколько стабильными и безопасными станут

²³ Николаев С.А. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991–2008 гг.) // Международная жизнь, 2011, № 2, С. 27–44.

эти маршруты, зависел успех всего предприятия в Афганистане, исход войны с талибами и дальнейшее закрепление США на подконтрольных территориях. Одновременно встал вопрос о надежности правящих режимов центральноазиатских государств, по территории которых протянулись линии коммуникаций. Сразу вспомнилось, что пока американцы интересовались в ЦА только экономической выгодой, местные политические элиты, получившие власть в результате распада СССР, успели эволюционировать в авторитарные режимы, основанные на принципах родовой, клановой власти, в большинстве своем – сильно коррумпированные и получающие значительные доходы от нелегального транзита наркотиков из того же Афганистана. Во многих республиках активно процветал исламизм, пришедший на смену коммунистической идеологии и сдерживаемый во многом благодаря военному присутствию России в Таджикистане. В ЦА действовали и хорошо организованные террористические группировки, солидарные с талибами и поддерживающие их в войне против американцев – такие, например, как Хизб-ут-Тахрир, «Партия исламского возрождения Узбекистана» и др. Это приводило к тому, что стратегические коммуникации США в операции в Афганистане оказались под угрозой.

Решение было найдено довольно простое – Белый дом пересмотрел свою политику в Центральной Азии и отказался от принципов реализма в пользу политического либерализма и «мягкой силы». Курс был взят на преобразование политических режимов в республиках ЦА в направлении их демократизации и строительства на основе либеральных ценностей «подлинно демократического общества». Главным инструментом преобразований (к которым ни одна из этих республик не стремилась) стали технологии «мягкой силы», больше известные под общим названием «цветных революций». В течение нескольких лет «цветные революции» прокатились волной по всему региону, причем в некоторых странах (Кыргызстане) они побеждали дважды (первая и вторая «тюльпановые революции»). В результате центрально-азиатский регион перешел в состояние политической нестабильности, которая многократно усилила и обострила риски, связанные с обеспечением группировки союзников по антитеррористической коалиции в Афганистане. Марионеточные правительства, пришедшие к власти при поддержке американцев на волне «цветных революций», внешне выглядели более демократичными, но при этом активно практиковали личное обогащение, занимались переделом собственности и выводом активов за рубеж (клан Бакиевых), чем породили

новые волны революционного движения, разрушающие государственную надстройку. В Узбекистане «цветная революция», известная как «Андижанский мятеж», первоначально развивалась успешно (боевики даже получили оружие), но затем была быстро подавлена решительными действиями правящей верхушки. После этого по требованию президента страны американцы были вынуждены ликвидировать военную базу на территории Узбекистана (в Ханабаде).

Противоречивость результатов «цветных революций» в ЦА побудила Вашингтон вернуться к принципам реализма во внешней политике с центральноазиатскими республиками, в традициях которого американцы и сегодня выстраивают внешнеполитические отношения с государствами этого региона. На передний план при этом снова выходят национальные приоритеты: США заинтересованы в том, чтобы операция по выводу войск из Афганистана прошла максимально гладко, спокойно, без эксцессов. В этом плане ЦА снова выполняет для Соединенных Штатов функцию стратегического тыла, который должен быть стабилен и безопасен.

Таким образом, в политике Белого дома в Центральной Азии прослеживаются как минимум два перехода от интересов к ценностям и снова к интересам. Эти резкие повороты в американской тактике сопровождались не менее радикальной перестройкой всей дипломатической концепции США в регионе, сменой целеполагания, задач, перемещением и перераспределением сил и средств, отказом от прежних приоритетов, в движении к которым уже были достигнуты определенные результаты. В итоге таких маневров внешняя политика США каждый раз теряла в своей эффективности и способности оперативно реагировать на динамично меняющуюся обстановку, бросала направления, где уже был получен первоначальный эффект. У союзников и, тем более, противников Соединенных Штатов создавалась картина нелогичности и противоречивости их политической линии, которая в силу своей изменчивости не способна добиться стратегически значимых целей, а, даже достигнув определенного успеха, не способна его удерживать и развивать. С таким мнением во многом можно согласиться. Однако делать заключение на этой почве о существующем в американской внешней политике конфликте между реалистами и либералами, между интересами и ценностями представляется, как минимум, преждевременным.

Аналогичная картина – с точки зрения переменчивости американской внешнеполитической деятельности, метаний от интересов к ценностям и

наоборот – наблюдается сегодня в Афганистане. В данном контексте нельзя не согласиться с мнением А.В. Манойло в том, что базовая концепция внешней политики США в Афганистане с момента начала масштабной антитеррористической операции в 2001 г. менялась, по меньшей мере, дважды²⁴, причем в последний раз – в 2012 году.

Американская администрация предприняла вторжение в Афганистан на волне борьбы с международным терроризмом – после террористических актов 11 сентября 2001 года. Ее главная цель на тот момент была предельно реалистична – перед военным руководством страны ставилась задача недопущения новых террористических актов на национальной территории, что подразумевало уничтожение опорных баз боевиков и террористов, где бы они ни находились, включая территорию других суверенных государств. В этом заключался основной на то время приоритет Соединенных Штатов. В результате внешняя политика США в отношении государств, «поддерживающих международный терроризм», стала формироваться в соответствии с принципами реализма, в сугубо прагматическом ключе: в 2001 г. США и их союзники вторглись в Афганистан с единственной целью – уничтожить базы террористов и тем самым исключить возможность повторной атаки на территории Соединенных Штатов. Поставленная задача была достигнута достаточно быстро: талибы, незадолго перед этим перешедшие к регулярной позиционной войне и сконцентрировавшие основные силы вдоль фронта с Северным Альянсом, были буквально за месяц полностью разбиты, загнаны в горы и рассеяны. Контроль над большинством стратегически важных объектов в Афганистане перешел международным силам безопасности.

Однако вскоре талибы возобновили свое сопротивление, перейдя к тактике диверсионно-партизанской войны, а США, решившие основные стратегические задачи, встали перед дилеммой выбора: если задачи решены, то из страны надо уходить; если уходить нецелесообразно, то надо придумать веский повод для того, чтобы остаться. Кроме того, возник вопрос о принципиальной обратимости политической ситуации в Афганистане: насколько велик риск того, что после вывода американских войск террористы вернутся на свои базы и снова станут угрожать территории США. В результате политика Вашингтона совершила первый резкий разворот – от интересов к ценностям – и перестала носить рациональный (прагматичный)

²⁴ Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане. // Национальная безопасность/nota bene, 2012, №3, С. 76–81.

характер, поставив задачу строительства в Афганистане демократического государства. Результат формирования такого государства в целом известен – именно неудачи в демократизации Афганистана побуждают администрацию Б. Обамы к выводу американского контингента в 2014 году. При этом происходит второе изменение в американской политике – от ценностей к интересам, от иррационального идеалистического либерализма к рациональному прагматичному реализму, цель которого – уйти из Афганистана без потерь, с «сохранением лица». Иначе говоря, с эволюцией ситуации в Афганистане происходит смена основных инструментов американского политического воздействия.

Эти примеры (ЦА и Афганистан) наглядно показывают, что в реальной политике США «мягкая» и «жесткая» силы не конкурируют, а взаимодополняют друг друга: американцы рассматривают их как единый набор инструментария внешнеполитического воздействия и на практике отдают предпочтение тем средствам, которые наиболее точно соответствуют текущей политической конъюнктуре – с точки зрения валидности, эффективности и способности канализировать ее в нужное направление. Этот принцип существует и проявляется в современной американской дипломатии как самостоятельно, так и в рамках новой концепции «умной силы», возникшей как реакция на агрессивную политику Дж. Буша младшего в Ираке.

Данный подход объясняется прежде всего тем, что главным критерием применения американцами в своей внешней политике «жесткой» или «мягкой» силы выступает цель, которую они преследуют, а также наличие или дефицит времени, отводимого для ее достижения. Так, если Вашингтону необходимо получить конкретный результат в данной точке политического процесса, «здесь и сейчас», то он без колебаний использует «жесткую силу», сводящуюся в большинстве случаев к прямому силовому принуждению. Это вполне закономерно, поскольку в краткосрочном измерении нет ничего более эффективного, чем «жесткая сила», которая подкреплена необходимыми ресурсами.

Вместе с тем слабое место «жесткой силы» состоит в том, что эффект, получаемый от ее применения, крайне недолговечен: он практически сразу исчезает при снятии внешнего поддерживающего давления. Для того, чтобы результат держался долго, необходимо все время сохранять силовой прессинг извне на уровне не ниже заданного: держать в зоне конфликта военный контингент и все время его наращивать. По мере ослабления силового компонента снижается и эффект «жесткой силы».

В отличие от «жесткой», «мягкая сила» позволяет получать результаты, сохраняющиеся в течение длительного времени без необходимости постоянного внешнего давления и вмешательства в дела реформируемых обществ. Примером эффективности «мягкой силы» могут служить результаты «цветных революций», в ходе которых к власти в ряде стран были приведены проамерикански настроенные режимы, выстраивающие свою внешнюю политику под лекала США. Типичный пример – режим М. Саакашвили, просуществовавший в Грузии два президентских срока. Все это время Грузия была сателлитом США и плацдармом для американской внешней экспансии, а в войне в Южной Осетии 2008 г. выступила даже в роли государства-provokatora, пожертвовав своими национальными интересами и жизнями граждан ради осуществления глобальных внешнеполитических амбиций Вашингтона. В то же время существенным изъяном «мягкой силы» является то, что для ее эффективного применения требуется время, которое тратится на подготовку к операции, формирование информационного фона, каналов передачи психологического воздействия, обработку массового сознания различных слоев социума и элит, формирование мирового общественного мнения, создание молодежного протестного движения (в случае с «цветными революциями» и революциями «арабской весны») и т.д. Данное обстоятельство применения инструментов «мягкой силы» американцы вынуждены учитывать в своей внешней политике, определяя ее оптимальные форматы.

В развитие идей и концепций «мягкой силы» внесли значительный вклад представители относительно новой и молодой (по сравнению с реализмом и либерализмом) школы англосаксонской политической мысли – американские конструктивисты. Они, правда, предпочитают не пользоваться технологией «конкурирующего течения» – термином «мягкая сила», но при этом выдвигают собственный концепт, который можно считать результатом модернизации классического понятия «мягкой силы» с перенесением в него тех нововведений, которые разработаны самими конструктивистами. Конструктивизм «подчеркивает социальный характер межгосударственных отношений: международная система создается, воспроизводится и может трансформироваться только через взаимодействие агентов»²⁵. А. Вендт «придает агентам и структуре равный онтологический статус, подчеркивая

²⁵ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 366.

их взаимную обусловленность в социальном процессе»²⁶. В отличие от политического реализма американский конструктивизм понимает под структурными изменениями системы международных отношений «изменения «культуры», а не полярности»²⁷.

Так же, как и неолибералы, американские конструктивисты разделяют мнение о том, что успешность стратегии внешней политики современного государства зависит в первую очередь от ценностей, носителем которых оно выступает, и от его способности распространять (экспортировать) эти ценности, непрерывно расширяя ареал их присутствия. Современные международные конфликты также являются «конфликтами ценностей», в которых столкновение подходов, идеалов и моральных принципов порождает те противоречия, которые переводят взаимодействие акторов международных отношений в формат конфликтных ситуаций. Вместе с тем конструктивисты вносят в неолиберальный концепт «мягкой силы» свои дополнения: по их мнению, ценности, выступающие у неолибералов в качестве неизменной величины, на самом деле таковой не являются – это переменная «составляющая уравнения», которая возникает и исчезает в зависимости от текущей политической конъюнктуры и даже в зависимости от особенностей конкретной политической ситуации. Ценности – не набор фундаментальных констант, они изменяемы и могут создаваться под конкретные потребности или под решение заданной цели. В рамках концепции «мягкой силы», предлагаемой конструктивистами, этот инструмент становится чрезвычайно гибким и универсальным, поскольку предполагает не только конструирование политической реальности, основываясь на базовом наборе ценностей, но и допускает построение самих ценностей, содержащихся в этом наборе. В результате ценности приобретают синтетический характер и становятся объектом управления; ценностная база, лежащая в основе американской внешней политики, не является постоянной величиной (даже если речь идет о незыблемых либеральных и

²⁶ Wendt A. The Agent – Structure Problem in International Relations Theory // *International Organization*. – Vol. 41, no. 3. – Summer 1987. – P. 335-370; Zehfuss M. Constructivisms in International Relations: Wendt, Onuf, and Kratochwill // *Constructing International Relations: The Next Generation*. Ed. by K. Fierke and K.E. Jorgensen. – N.Y.: M.E.Sharpe, 2001. – P. 54–75; Gould H. What Is at Stake in the Agent – Structure Debate // *International Relations in a Constructed World*. Ed. by V. Kubalkova, N. Onuf, P. Kowert. – N.Y.: M.E.Sharpe, 1998. – P. 79–98.

²⁷ Wendt A. Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics // *International Organization*. – Vol. 46, no. 2. – Spring 1992. – P. 391–425.

демократических постулатах) и в каждом отдельном случае может быть сформирована под конкретную цель и задачу.

В понимании неолибералов такое в принципе невозможно: с их точки зрения, базовый набор ценностей определяется культурно-цивилизационным кодом, парадигмой той цивилизации, о которой писал С. Хантингтон в своих работах о столкновении цивилизаций. Ценности, в их понимании, не могут быть величиной переменной, поскольку тогда вся затянувшаяся дискуссия о существовании универсальных ценностей, под которыми англосаксы понимают либеральные нормы и демократические институты, сразу теряет всякий смысл.

Конструктивисты считают, что знания о демократии и ее «миролюбии» культурно, исторически и политически обусловлены²⁸. Принцип культурной обусловленности подразумевает, что «демократия с позиций конструктивизма не обладает универсальностью форм, а существующие демократические стандарты могут подойти не каждому. Характер выборности, роль исполнительной власти, права оппозиции, наличие и типы внутрисистемных противовесов, развитость многопартийности и структура гражданского общества – все это следует рассматривать как продукт конкретных социальных обстоятельств, а не как «тождество» или «девиацию» по отношению к единственному, раз и навсегда данному образцу»²⁹. Эти соображения иллюстрируют как сам подход конструктивистов к ценностям, распространяемым с помощью инструментов «мягкой силы», так и их отношение к «универсальности» и изменчивости таких ценностей, как демократия, либерализм, права и свободы человека и т.д.

В трактовке конструктивистов в современном мире одновременно существует огромное число наборов ценностей, альтернативных друг другу. В это число, наряду с другими, входят и классические ценности англосаксонского либерализма и демократии, в пользу которых многие государства делают свой добровольный выбор. Принадлежность к определенному комплексу ценностей формирует идентичность, различия в которой становятся основной причиной международных конфликтов, носящих, по мнению конструктивистов, характер «конфликтов идентификации». Даже этничность в учении конструктивистов представляется как «процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они объединены естественными и

²⁸ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира». // Международные процессы, 2005, № 3.

²⁹ Там же.

даже природными связями, единым типом культуры и идеей или мифом об общности происхождения и общей истории. То, в какой мере эти признаки соединяются в единое целое, называемое «этничностью», зависит от многих социальных факторов, и прежде всего от спроса на этничность, порождаемую эпохой и отдельными людьми»³⁰. Сами же конфликты представляют собой соперничество «за культурные смыслы и культурное самоопределение, а не за власть или утверждение идеалов либерализма. И власть, и свобода, настаивают конструктивисты, это лишь варианты такого рода смыслов и представляют собой частные случаи самоопределения в системе международных отношений»³¹. То есть, «мягкая сила», в понимании конструктивистов – это инструмент самоопределения акторов (или, в терминах конструктивизма, агентов) в системе международных связей, в ходе применения которого они выстраивают взаимоотношения между собой, вступают в союзы, коалиции, объединения, принимающие характер, в том числе и «стратегического партнерства», развиваемого, например, в российско-бразильских отношениях. Этот взгляд конструктивистов фокусирует внимание на еще одном природном свойстве англосаксонской «мягкой силы», которое становится чрезвычайно важным для быстро набирающих политическую и экономическую мощь развивающихся стран типа Индии, Бразилии, Китая, стремящихся стать признанными мировыми лидерами, то есть кардинально изменить свою идентичность.

Концепция «мягкой силы», впервые выдвинутая неолибералами, сегодня также не стоит на месте и продолжает развиваться, порождая новые конструкции, в которых классическое определение «мягкой силы» выступает в качестве базы, фундамента исходного положения. Речь идет о стремительно набирающем популярность в США и других англосаксонских странах концепте «умной силы» (smart power), представляющей собой некий симбиоз жесткого и мягкого воздействия: согласно Дж. Наю, «умная сила» – это особая форма политической власти, обладающая способностью «сочетать «жесткую» и «мягкую» силу» для формирования выигрышной стратегии»³². «Умная сила» включает в себя «стратегическое применение дипломатии,

³⁰ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.; Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2005.

³¹ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира». // Международные процессы, 2005, № 3.

³² Nye Jr., Joseph S. In Mideast, the goal is 'smart power', Boston Globe (19 августа 2006 г.); Nye, along with Richard Armitage chaired a commission for the Center for Strategic and International Studies entitled the CSIS Commission on Smart Power. – Код доступа: <http://csis.org/program/smart-power-initiative>

убеждения, развитие компетенций, проецирование власти и влияния экономически эффективными способами, имеющими политическую и социальную легитимность, – по существу, применение военной силы и всех форм дипломатии»³³.

Главным популяризатором данного термина считают Хиллари Клинтон, которая, будучи сенатором от штата Нью-Йорк, неоднократно использовала его в ходе сенатских слушаний 13 января 2009 года во время своей выборной кампании на пост государственного секретаря в администрации Б. Обамы³⁴: «Мы должны использовать то, что называется «умной силой», – полный набор доступных нам инструментов – дипломатические, экономические, военные, политические, правовые и культурные, выбирая правильный инструмент, или набор инструментов, в каждой ситуации. С «умной силой» дипломатия (американская – А.Б.) будет в авангарде международной политики»³⁵. Ряд североамериканских экспертов считают «умную силу» не результатом эволюционного развития концепции «мягкой силы», а прямым ее конкурентом или, во всяком случае, полезной альтернативой³⁶.

В целом, появление концепции «умной силы» свидетельствует о том, что в современной политике США «мягкая сила» уже применяется в основном не в чистом виде, а в модифицированном, в сочетании с инструментами «жесткой силы», конструктивного воздействия, публичной дипломатии, традиционной дипломатии. «Мягкая сила» задает определенную идеологию и архитектуру англосаксонской внешнеполитической стратегии, в которую затем уже удачно вписывается инструментарий различного происхождения. В этом ее главная современная особенность и главное условие ее эффективности.

Важно уделить внимание разворачивающейся в последнее время дискуссии относительно того, в политику каких именно государств наиболее органично вписывается инструментарий «мягкой силы» – сильных государств-лидеров или слабых стран мировой периферии, озабоченных проблемой сохранения собственного суверенитета и фактом своего

³³ Crocker C.A. Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. – US Institute of Peace Press, 2007.

³⁴ The total number of times it was used by Clinton was 4 for the opening statement and 9 for the actual Senate hearing. Etheridge, Eric. How «Soft Power» Got «Smart». // The New York Times (14 января 2009 г.).

³⁵ Clinton: Use «Smart Power» In Diplomacy, CBS News (13 января 2009 г.).

³⁶ Benen S. Smart Power, Washington Monthly (13 января 2009 г.); Goldenberg Ian. It's Time to Stop Talking About Soft Power, The American Prospect (29 мая 2008 г.) и др.

существования в качестве самостоятельной политической единицы. Здесь сталкиваются две различные точки зрения:

- одни считают, что «мягкая сила» присуща только великим державам, признанным мировым игрокам, которые «настолько сильны, что их совокупная государственная мощь идеализируется другими участниками международных отношений и превращается ими в бренд»³⁷. Отсюда следует, что наличие «мягкой силы» в арсенале инструментов внешней политики того или иного государства может считаться индикатором (маркером) его особого статуса лидера международных отношений, в котором оно либо уже состоялось, либо должно состояться в самой ближайшей перспективе;

- другие, наоборот, считают, что наибольшую пользу «мягкая сила» может принести относительно слабым странам, которые не в состоянии обеспечить себе мощный военно-политический потенциал и имидж влиятельной военной силы в мировой политике – для этого им попросту не хватает средств; нехватку военно-политических и экономических ресурсов они частично могут компенсировать своим культурным влиянием, которое должно заменить и то, и другое. В этом есть определенный резон: многие относительно слабые в военном отношении государства обладают яркой, динамично развивающейся, богатой культурой, с высокой проникающей способностью и сильным влиянием на сознание современного общества и на общечеловеческую цивилизацию в целом. Примером такого подхода, помимо небольших, стабильных и весьма привлекательных с социально-экономической и демократической точек зрения западных государств (например, Швейцария, скандинавские страны), можно привести достижения латиноамериканского мира, известного своими музыкальными и танцевальными традициями, футболом, карнавалом и многими другими составляющими.

В этом споре автор склоняется в основном к первой точке зрения, считая, что появление «мягкой силы» в политике современных государств, в первую очередь, свидетельствует об их состоятельности в роли новых глобальных лидеров, а также о том, что с этими государствами пора начать серьезно считаться; это представляется наиболее важным качественным выводом, полезным как при текущей оценке политической роли того или иного актора, так и для среднесрочного прогноза. Такое заключение, кстати, справедливо в отношении современной Бразилии, сочетающей политику

³⁷ Манойло А.В. Брендинг «мягкой силы» в политике современных мировых лидеров. // *ВВ: Международные отношения*, 2014, № 3.

превращения в державу, имеющую внерегиональные интересы, с выработкой собственного формата и модели «мягкой силы». Вместе с тем, нельзя не отметить, что инструменты «мягкой силы» могут быть полезны и для слабых «игроков», государств так называемого «третьего мира», для которых технологии «мягкой силы» могут играть роль асимметричного ответа на проводимую в отношении них политику давления со стороны великих держав, на попытки возрождения неокOLONиализма и внешнюю экспансию.

По определенным параметрам под категорию стран, не без оснований рассчитывающих с помощью «мягкой силы» компенсировать дефицит военно-политических и экономических ресурсов (потенциала «жесткой силы»), как представляется, подпадает и современная Россия, которая обладает культурой исключительно высокого уровня, с многовековыми традициями, сформировавшимися в результате развития как православно-славянской цивилизации, так и культур других народов, населяющих территорию нашего государства. И хотя Россия считается великой державой, ее оборонная мощь в результате распада СССР оказалась заметно ослабленной, а экономика, так и не успев окрепнуть после кризисов конца 1990-х – начала 2000-х годов, постоянно сталкивается с турбулентными явлениями, провоцируемыми прежде всего мировыми финансовыми и экономическими потрясениями. В этих условиях «мягкая сила» может стать тем самым инструментом, в котором Россия сегодня остро нуждается. В данном контексте появление термина «мягкая сила» в новой редакции Концепции внешней политики России от 12 февраля 2013 года³⁸ является закономерным и своевременным.

Вместе с тем, обращаясь к национальным форматам, моделям и разновидностям «мягкой силы», разрабатываемыми неанглосаксонскими странами – Россией, Бразилией, Индией, Китаем, даже Германией и Францией, следует отметить, что все они базируются на общем фундаменте классической концепции «мягкой силы» США, но при этом имеют разнообразные подходы к прочтению тех или иных норм, постулатов и дефиниций. Это и определяет национальные особенности различных моделей «мягкой силы», внедряемых странами, имеющими свою культурно-цивилизационную парадигму (не англосаксонскую) и, как следствие, собственное мировоззрение.

³⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации. Код доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения 13.11.2013 г.).

1.2. Основные подходы к использованию «мягкой силы» в интересах реализации внешней политики Российской Федерации

В современной российской политической науке и практике термин «мягкая сила» получил чрезвычайно широкое толкование. Объясняется это тем, что концепт «мягкой силы» был заимствован из англосаксонской неолиберальной литературы, переведен на русский язык сразу несколькими авторами, даже не поставившими перед собой задачу согласовать (синхронизировать) эти переводы друг с другом и, тем самым, вложивших в оболочку понятия «мягкая сила» свой собственный смысл, не вполне отвечающий существу определения его творцов. Некоторые российские исследователи вообще обошлись без перевода (английский в России знают многие), полагаясь в понимании сути «мягкой силы» целиком и полностью на собственную интуицию. В результате на свет появилось множество интерпретаций этого термина, часто весьма далеких от оригинала и порождающих определенную путаницу в изучении опыта применения инструментов «мягкой силы» во внешней политике современных государств. По мнению А.В. Демидова, генерального консула РФ в Карачи (Пакистан), «анализ выступлений государственных и политических деятелей разных стран, включая Россию, трудов отечественных и зарубежных политологов, оперирующих этим понятием, показывает отсутствие единого понимания значения «мягкой силы», его исторических и геополитических корней»³⁹. С этим утверждением можно согласиться.

Классики российской политической науки предпочитают рассматривать «мягкую силу» сквозь призму воззрений американских авторов, относящихся к трем основным школам – неореализму, неолиберализму и конструктивизму, которые, в зависимости от своего мировоззрения, приверженности традициям и того положения, которые они занимают на «баррикадах научных баталий», либо поддерживают точку зрения Дж. Ная и его последователей, давая при этом свою интерпретацию уточняющего характера, либо с той или иной степенью активности критикуют этот подход, выдвигая взамен неореалистические или конструктивистские концепты. Сравнительный анализ точек зрения этих авторов, приведенный, например, в работах П.А. Цыганкова (МГУ им.

³⁹ Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу». // Международные отношения. 2014, № 2.

М.В. Ломоносова)⁴⁰ или Т.А. Алексеевой (МГИМО (У) МИД РФ)⁴¹, позволяет убедиться в том, что даже в самом сердце американской политической науки значение этого термина остается во многом дискуссионным.

Часто термин «мягкая сила» и близкие ему понятия публичной дипломатии, «умной силы», «цветных революций» смешивают и используют как синонимы, описывающие с разных сторон одно и то же явление. В различных кругах российских ученых, политиков и дипломатов растет обеспокоенность тем, что «в современном мире, для которого характерны процессы глобализации, т.е. выстраивания политических и социально-экономических стандартов по единой модели, предлагаемой единственной сверхдержавой, в последнее время для решения межгосударственных проблем на смену традиционным боевым операциям стали приходиться технологии непрямых действий, зачастую подрывающих государство-соперника изнутри. Названий таким технологиям много: «мягкая сила», «умная сила», «управляемый хаос» и т.д. Под всеми этими дефинициями подразумеваются различные средства, подрывающие политический и экономический потенциал государства. Более того, к таким инструментам можно отнести и т.н. «твиттерные» революции, искусственно созданные оппозиции, раскручивающие протестные движения. Характерной особенностью реализации рассматриваемых стратегий в нужной Западу стране и даже в целом регионе является то, что к событиям, происходящим там открыто, применяются двойные стандарты»⁴². В этой версии различия между «мягкой силой» и «умной силой», «цветными революциями», технологиями «управляемого хаоса» и рефлексивного контроля стираются перед лицом тех системных рисков и угроз международной безопасности, которые, как считает А.В. Демидов⁴³, несут эти явления.

По мнению Г.Ю. Филимонова, «мягкая сила» – «символическое понятие, отражающее американское политическое мировоззрение и подходы США к пониманию специфики невоенных компонентов внешнеполитического

⁴⁰ Цыганков П.А. Международные отношения. – М., 1996.

⁴¹ Алексеева Т.А. Современные политические теории: опыт Запада: Курс лекций. – М.: РОССПЭН, 2000, 479 с.

⁴² Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу». // Международные отношения, 2014, № 2.

⁴³ Там же.

могущества государства»⁴⁴. При этом ученый полагает, что российскую «мягкую силу» «необходимо рассматривать в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов, формирующих новую, в корне отличную от предыдущих, систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений среди международных акторов начинают уступать место сетевым структурам»⁴⁵. А.И. Сухарев считает, что «мягкая сила» – это «одна из форм внешнеполитической стратегии государства, а также комплексный механизм влияния через систему «привлекательных предпочтений»⁴⁶, набор политтехнологических приемов, методов и средств, имеющий свою самостоятельную функциональную и видовую нишу в политике⁴⁷. Согласно утверждению исследователя, «мягкая сила» «ориентирована на оказание влияния и побуждение оппонента (партнера) действовать в заданных политических параметрах»⁴⁸. Как утверждает В.М. Капицын, негосударственные акторы – основные проводники «мягкой силы», «существуя в «другом измерении» международных отношений, оказывают непосредственное влияние на мировые процессы, зачастую пользуясь почти исключительно ресурсами soft power. Например, международная организация «Human Rights Watch» опубликовала в 2003 г. доклад, в котором содержалась жесткая критика американской стратегии борьбы с терроризмом. В течение последующих 10 дней в мировых СМИ было зафиксировано 288 упоминаний этого доклада и организации»⁴⁹.

Существует и противоположный взгляд на проблему формирования российской «мягкой силы» и поиска собственной модели «мягкого» внешнеполитического воздействия: ряд российских исследователей считают, что Россия «почти безвозвратно утратила свой довольно значительный потенциал «мягкой силы», который достался ей после распада Советского Союза... Ресурс этот был (отчасти еще и остается) довольно существенным,

⁴⁴ Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации. // Международные отношения, 2014, № 1, С. 104–107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира. Автореферат диссертации на соискание ученой степени док. полит. наук. 23.00.04. – М., 2011, С. 44.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Капицын, В.М. Космополитизм – компонент «мягкой силы» и глобального управления: [Текст] // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2009, № 10, С. 70.

он включает в себя: информационно-культурное влияние России на страны СНГ, возможность беспрепятственного распространения продукции российской теле- и киноиндустрии, музыкальных произведений (пусть иногда не очень высокого качества), научно-образовательную привлекательность российских ВУЗов»⁵⁰. Однако, по мнению А.А. Казанцева, В.Н. Меркушева, он (потенциал российской «мягкой силы») настолько ослаблен, что говорить о реальном вкладе «мягкой силы» в реализацию отечественной внешней политики, как минимум, преждевременно: «когда-то Россия распространяла свое влияние благодаря русскому языку. Но эти каналы воздействия отошли в прошлое»⁵¹. Согласно позиции Ф.В. Шелова-Коведяева, «даже если РФ изредка и прибегает к «мягкой силе», то главным образом для укрепления своей же «жесткой силы» и для реализации задач, далеких от повышения собственной «привлекательности»⁵².

В результате продолжающейся дискуссии, принимающей порой острые формы, в российской политической науке сформировалось несколько основных подходов к толкованию термина «мягкая сила»:

- представители первого подхода полагают, что в определении «мягкой силы» надо исходить из базовой формулировки, разработанной школой политического неолиберализма в лице таких видных теоретиков, как Дж. Най-мл.⁵³ и Р. Кеохейн⁵⁴. Этот подход методичен и вполне обоснован, обладает своей стержневой логикой: поскольку происходит перенос определенной терминологии из американской политической науки в российскую, необходимо придерживаться точного перевода той дефиниции, которую выработали специалисты США, и, двигаясь от этой отправной точки, формировать собственные конструкции и концепции, адаптированные под российские условия. Таким образом, нет смысла искать свое определение «мягкой силы» – соперничать в этом деле с неолиберальными англосаксами все равно, что заново изобретать велосипед. Эта ступень уже пройдена; необходимо делать шаг на следующий уровень развития данной концепции, где уже достаточно свободного пространства для того, чтобы внести в

⁵⁰ Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России: [Текст] / М.М. Лебедева, Ж. Фор // Вестник МГИМО (У) МИД РФ, 2009, № 6, С. 200.

⁵¹ Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы»: [Текст] // Полис (Политические исследования), 2008, № 2, С. 122.

⁵² Шелов-Коведяев Ф.В. Мировой кризис и инструментарий «мягкой силы» для России: [Текст] // Безопасность Евразии, 2009, № 3, С. 218.

⁵³ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs Group, 2004.

⁵⁴ Keohane R. *Power and Governance in a Partially Globalized World*. 2002; Keohane R., Joseph S. Nye Jr. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. 1977.

англосаксонскую доктрину «мягкой силы» элементы российско-славянско-православной политической культуры и традиции;

- представители второго подхода отождествляют «мягкую силу» с публичной дипломатией, гуманитарным сотрудничеством, культурным влиянием и обменом, зачастую приравнивая «мягкую силу» к одному из этих понятий. При интуитивном (нестрогом) понимании «мягкой силы» такой взгляд не вызывает в целом возражений даже у специалистов-практиков (за исключением тех самых американских неолибералов, которые об этом просто не знают). Главный признак «мягкой силы» для представителей данного подхода заключается в особом составе акторов, являющихся носителями и проводниками «мягкой силы» в мировой политике и государственных связях: это так называемые негосударственные акторы международных отношений, особые участники мировой политики, «акторы вне суверенитета» (такие как неправительственные организации, движения, фонды, транснациональные корпорации, интернациональные политические партии и союзы). То есть, все те силы, которым традиционная Вестфальская система, основанная на примате наций-государств, отказывает в правах и в особой роли в мировой политике. В этом контексте нередко упоминают Ватикан или Русскую православную церковь⁵⁵, рассматривая эти организации как важные институты «мягкой силы»;

- представители третьего подхода связывают с «мягкой силой» технологии информационно-психологического воздействия на массовое сознание и поведение, применяющиеся в мировой политике в двух основных организационных формах – в формате информационной (информационно-психологической) войны и в виде специальных психологических операций. При этом сторонники данного подхода отмечают, что формат использования инструментов «мягкой силы» (под которыми они понимают технологии психологического управления индивидуальным и массовым сознанием и поведением) применяется в рамках определенного набора культурно-цивилизационных парадигм и моделей управления международными конфликтами, к которым принадлежат специалисты по применению «мягкой силы»⁵⁶;

⁵⁵ Зенков А.Р. Взаимодействие религиозных организаций и государства в современной России (на примере Русской православной церкви) / Диссертация канд. полит. наук, 23.00.04. – М., 2013.

⁵⁶ Карпович О.Г. Сравнительный анализ концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами России, США и Европейского Союза. / О.Г. Карпович. // Вестник российской нации, 2012, № 2.

- представители четвертого подхода в основной своей массе придерживаются мнения о том, что «мягкую силу» определяют особые признаки, отличающие ее от другого концепта американской политической мысли – «жесткой силы». Линия этого раздела, по мнению сторонников данной теории, проходит по границе отношения к возможности применения в политике прямого силового принуждения: «мягкая сила» – это те методы политического воздействия, которые, с одной стороны, отличаются от приемов традиционной дипломатии, а с другой – предполагают только «несиловую» форму оказания политического влияния. Чем и принципиально отличаются от «жесткой силы», подразумевающей широкое использование именно грубых насильственных методов «убеждения» оппонентов, силового давления и даже государственного шантажа (как это было в войне в Югославии). Главным маркером в этом подходе для определения «мягкой силы» служит понятие «несиловое воздействие».

Несколько лучше обстоит дело с понятием «публичная дипломатия», которую в российской научной среде часто путают с «мягкой силой» (или, по меньшей мере, не совсем корректно разделяют эти два термина). Публичная дипломатия («публичная» – в оригинале звучит как «общественная», «народная», «негосударственная») – явление, возникшее в результате эрозии Вестфальской системы: ее медленный распад ведет к тому, что в современном мире функции международных отношений выполняют уже не только классические акторы этой системы – нации-государства, но и различные общественные организации, международные движения, фонды, транснациональные корпорации, структуры гражданского общества – так называемые (по Дж. Розенау) «акторы вне суверенитета»⁵⁷. Основные элементы современной концепции «публичной дипломатии» сформулировал еще в 1965 г. американский политолог, декан Школы права и дипломатии им. А.Б. Флэтчера (при Университете Тафтса) Эдмунд Джуллион. Он писал, что под публичной дипломатией понимаются «средства, при помощи которых правительства, частные группы, отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения»⁵⁸. Согласно выдвинутой им и ставшей уже классической формулировке, публичная дипломатия – это «отношения между государствами, которые не задействуют традиционные связи

⁵⁷ Rosenau J. The Scientific Study of Foreign Policy. – N.Y., 1971; Rosenau J. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. – Harvester Wheasheaf, 1990.

⁵⁸ Definitions of Public Diplomacy // Код доступа: <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions>

правительств»⁵⁹. По мнению Э. Джуиллиона, публичная дипломатия имеет дело с влиянием общественных установок на осуществление внешней политики и включает в себя измерения международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии (культивирование правительствами общественного мнения в других странах, воздействие на процесс межкультурных коммуникаций). При этом публичная дипломатия использует для достижения политических целей формат открытого диалога между частными лицами и негосударственными структурами различных стран. Сам термин «публичная дипломатия» был «официально употреблен в 1977 г. в докладе комиссии Мэрфи – подкомиссии палаты представителей по организации правительственного внешнеполитического аппарата. В докладе комиссии Мэрфи функциями публичной дипломатии были признаны идеологическая защита и обоснование внешнеполитических акций»⁶⁰.

Вместе с тем, как справедливо утверждает А.Э. Галумов, «такое определение публичной дипломатии не совпадает с трактовкой, данной этому понятию официальной американской администрацией, собственно и давшей начало развитию публичной дипломатии... Согласно дефиниции администрации США, публичная дипломатия – это прежде всего влияние на общественное мнение в странах, с которыми осуществляется взаимодействие с целью воздействия на внешнюю политику этих стран. При этом данная дипломатия вполне может осуществляться и на правительственном уровне»⁶¹. С этим мнением можно согласиться: публичная дипломатия не может состоять только из неформальных и несколько анархичных по своей природе деловых связей негосударственных акторов международных отношений, хотя именно руками последних публичная дипломатия и делается. На наш взгляд, публичная дипломатия – это инструмент реализации внешней политики современного государства, в котором властью используются возможности негосударственных акторов оказывать влияние на политические элиты других стран и процесс выработки этими элитами управленческих решений, в том числе – благодаря влиянию специально сформированного общественного мнения, а также – каналы такого взаимодействия, создаваемые по линии МЭО, гуманитарного сотрудничества

⁵⁹ Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession // Virginia Quarterly Review, Summer 2001. – Код доступа: http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy

⁶⁰ Public Diplomacy and the Future, Hearing before the Subcommittee on International Relations. H. R. 95-th Congress / 1st Session. Washington, DC, 1977, p. 685.

⁶¹ Галумов А.Э. Опыт публичной дипломатии в формировании имиджа Европейского союза в Российской Федерации. / Диссертация канд. полит. наук, 23.00.04. – М., 2012, С. 19.

и культурного обмена. «Актеры вне суверенитета», являясь основными субъектами публичной дипломатии, могут выстраивать эти связи и каналы самостоятельно, и даже оказывать частное влияние на правительственные структуры зарубежных стран, но при этом государство из этого процесса не устраняется, а управляет им в неявной форме, создавая условия для динамичного развития этих отношений, различного рода стимулы (как экономического, так и идеологического, ценностного характера), формируя правовое поле, благоприятствующее усилению активности негосударственных «игроков» в установлении культурных связей с аналогичными партнерами в других государствах.

Подтверждением этого авторского тезиса может служить тот факт, что в своем базовом виде механизм публичной дипломатии сформировался в США к концу 70-х гг. XX века «на основании того, что была создана система правительственных учреждений, реализующих на практике функции публичной дипломатии: Агентство международного развития и сотрудничества, Агентство по контролю над вооружениями и разоружению, Информационное агентство США, Корпус мира; в структуру посольств США за рубежом вошли подразделения в форме специальных атташатов по разным направлениям, реализующие задачи публичной дипломатии, а именно осуществляющие пропаганду в пользу США на территории принимающих стран»⁶². Администрация Р. Рейгана «модернизировала систему правительственных учреждений, профилирующихся на публичной дипломатии: при Белом доме была создана группа специального планирования по вопросам публичной дипломатии, которой подчинялись следующие межведомственные комиссии: по международной информации, международной политике, международному радиовещанию и общественным делам»⁶³. Администрация президента США Б. Клинтона «обогатила публичную дипломатию новым инструментом – так называемой челночной дипломатией»⁶⁴. Роль государства в формировании облика публичной дипломатии при этом становится очевидной.

Однако, несмотря на существующую четкость и однозначность в понимании публичной дипломатии, установившуюся среди западных ученых (в США и ЕС), в России это понятие продолжают путать и с «мягкой силой»,

⁶² Галумов А.Э. Опыт публичной дипломатии в формировании имиджа Европейского союза в Российской Федерации. / Диссертация канд. полит. наук, 23.00.04. – М., 2012, С. 39.

⁶³ Попов В.И. Современная дипломатия. Теория и практика. – М.: Научная книга, 2000, с. 484.

⁶⁴ Там же.

и с пропагандой, и даже с пиаром. Все отмеченные выше термины используют в своем арсенале инструменты и технологии информационно-психологического управления общественным мнением, воздействуют на индивидуальное и массовое сознание граждан, но – в интересах различных социальных групп, имеющих как политическую природу, так и не относящихся напрямую к государственной власти. Отсюда вытекают и различия: так, по мнению В.А. Кононенко, «в отличие от пропаганды, главное в публичной дипломатии – не только донести свою точку зрения, но и выстроить доверительные отношения с аудиторией».⁶⁵

Пиар отличается от публичной дипломатии прежде всего характером преследуемых целей и тем, что в первом случае благоприобретателем выступает частная компания, а во втором – государство, действующее через своих агентов в негосударственном секторе. Вместе с тем, можно отметить, что, «когда речь идет о государственном пиаре, то есть деятельности государственных органов, направленных на установление связей с общественностью, и если объектом будет зарубежная общественность, то можно говорить о том, что осуществляется публичная дипломатия»⁶⁶.

Соотношение же между публичной дипломатией и «мягкой силой» можно определить по аналогии связи между концепцией внешнеполитической деятельности («мягкая сила») и инструментом реализации этой концепции (публичная дипломатия). Вместе с тем, близость формулировок «мягкой силы» и публичной дипломатии, создающая пространство для интерпретации и вольного толкования терминов и понятий, продолжает выступать основной причиной путаницы, которая проникает даже в официальные документы, причем не только Российской Федерации, но и других государств и многосторонних образований (например, ЕС).

Следует отметить, что вплоть до февраля 2013 г. ни в одном из российских программных документов и нормативных актов термин «мягкая сила» не фигурировал. Ситуация изменилась с принятием 12 февраля 2013 г. новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой под «мягкой силой» понимается «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие

⁶⁵ Кононенко В.А. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006, Т. 4, № 2, С. 195.

⁶⁶ Галумов А.Э. Опыт публичной дипломатии в формировании имиджа Европейского союза в Российской Федерации. / Диссертация канд. полит. наук, 23.00.04. – М., 2012, С. 43.

альтернативные классической дипломатии методы и технологии»⁶⁷. Это – первый факт официального закрепления этого термина англосаксонского происхождения в нормативных документах нашей страны, свидетельствующий как о его окончательной институализации в правовом поле России, так и об определенных качественных сдвигах, которые произошли в сознании российского руководства, принявшего решение использовать позитивную часть американского опыта «мягкого» управления мировыми политическими процессами в интересах России и ее внешней политики. В известной мере появление этой формулировки в новой редакции Концепции внешней политики РФ зафиксировало и так уже состоявшийся факт, который указывает на то, что в современном мире все большее число государств используют в своей внешнеполитической деятельности инструменты и технологии «мягкой силы», вырабатывая при этом свои схемы и форматы ее применения, и Россия не может оставаться вне этого процесса. Игнорировать потенциал и возможности «мягкой силы», со всеми ее системными недостатками и политическими рисками, нельзя – слишком велика опасность оказаться на обочине мировых процессов. Если в оборонном секторе приоритет определяет разработка и владение государством новейшими военными технологиями, то во внешней политике таковыми выступают инструменты «мягкой» и «умной» силы. Вместе с тем, слепое копирование англосаксонских шаблонов и схем чревато для нашего государства различными рисками и издержками – с учетом особенностей и приоритетов культурно-цивилизационной парадигмы Соединенных Штатов.

Появление в Концепции внешней политики РФ нового термина «мягкая сила» отражает тот факт, что в сегодняшнем, быстро меняющемся, нестабильном и менее предсказуемом мире значение «мягкой силы» объективно возрастает. Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании к Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. подчеркнул, что «в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей

⁶⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации. Код доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения 13.11.2013 г.).

гуманизма и разнообразия мира»⁶⁸. В этом смысле возможности российской «мягкой силы» огромны и не лимитированы какими-либо рамками.

Наряду с традиционной дипломатией, активное задействование возможностей «мягкой силы» позволяет добиваться эффективных, а главное более долговременных результатов в деле обеспечения и продвижения национальных интересов. Это осознается все большим количеством государств, претендующих на роль мировых акторов: они стремятся не быть лишь объектами применения «мягкой силы», но и активно участвовать с ее помощью в формировании собственного положительного имиджа за рубежом и обеспечения геополитических позиций. Не случайно Президент России В.В. Путин, выступая еще 9 июля 2012 г. на совещании послов и постоянных представителей РФ, подчеркнул, что российская политика «мягкой силы» предусматривает продвижение интересов страны путем привлечения симпатий к ней, демонстрации ее достижений в материальной и духовной культуре, а также в интеллектуальной сфере⁶⁹.

Введение Дж. Наем и его соавтором по ряду работ Р. Кеохейном в научный лексикон термина «мягкая сила» не означает, что это явление представляет собой исключительно американское изобретение. Отдельные элементы «мягкой», а точнее сказать «культурной или просвещенной» силы, проявлялись в прошлые века в политике целого ряда европейских государств, включая Россию. Во внешней политике СССР – в условиях противоборства двух сверхдержав, разных политических систем и идеологий – активно и достаточно успешно применялись элементы «мягкой силы» наряду с традиционной государственной пропагандой. О ренессансе «мягкой силы» можно говорить в связи с появлением на карте мира новой демократической России, особенно при нынешнем укреплении и консолидации ее социально-экономического положения, международного влияния и авторитета. Применительно к Бразилии и в целом Латинской Америке уместно привести высказывание заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова: «Мы должны работать, используя свои преимущества... позитивное отношение людей к России, отсутствие преубеждений, понимание того, что наша страна – важная международная

⁶⁸ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. Код доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения 17.12.2013 г.).

⁶⁹ Выступление президента В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации по теме «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности». Код доступа: <http://kremlin.ru/news/15902>

сила, источник полицентричного, многополярного мироустройства. Понимание этого должно помочь нам утвердить в Латинской Америке свою роль».⁷⁰

Вполне закономерно, что в новой редакции Концепции внешней политики РФ «мягкой силе» (в ее российском измерении) придается приоритетное значение. Этим мы как бы стремимся нагнать и сравняться с Соединенными Штатами, где «мягкая сила» во многих случаях уже применяется в рамках новой стратегической концепции «умной силы» – в комбинации с методами «жесткой силы» и конструктивного воздействия. При этом в самом тексте Концепции российская версия «мягкой силы» представляет нечто среднее (эклетика) между ее американским определением и американским же понятием публичной дипломатии, в чем можно убедиться, сравнив с формулировкой Э. Джуиллиона⁷¹. В этом, скорее всего, нет прямого умысла – просто разработчики концепции либо не слишком различали между собой эти два понятия, либо не смогли провести между ними разделительную линию. Такое часто имеет место, когда содержание того или иного определения понимается скорее интуитивно, чем детерминированно, многочисленные интерпретации политиков и исследователей еще больше размывают его границы и внутреннюю структуру, делая понятие вариативным, и на все это накладываются еще и трудности перевода с иностранных языков.

Вместе с тем российский термин «мягкой силы», приведенный в Концепции внешней политики РФ 2013 года, помимо американского аналога, имеет более раннего предшественника в лице толкования, данного в 2012 году В.В. Путиным: «мягкая сила» – это комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия»⁷². Обе формулировки – и более ранняя, прозвучавшая в газете «Московские новости» в феврале 2012 г., и более поздняя, структурно оформившаяся в Концепции внешней политики РФ 2013 года, в определенной мере синонимичны, перекликаются друг с другом и, вместе с тем, демонстрируют определенную эволюционную тенденцию развития уже не американского, а собственно российского концепта «мягкой силы».

⁷⁰ Рябков С.А. Латинская Америка требует особого подхода. // Международная жизнь, 2012, № 2, стр. 14.

⁷¹ Согласно Э. Джуиллиону (1965 г.), публичная дипломатия – это отношения между государствами, которые не задействуют традиционные связи правительств. См.: Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession // Virginia Quarterly Review, Summer 2001 // Код доступа: http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy

⁷² Путин В.В. Россия и меняющийся мир. // Московские новости. 27 февраля 2012 г.

Несмотря на определенную скороспелость промежуточной формулировки «мягкой силы» и очевидное заимствование ряда ее элементов из западных аналогов, появление и закрепление (фиксация) данного термина в отечественном правовом поле представляется значительным шагом вперед не только в выборе новых целей и приоритетов российской внешней политики, но и в наведении порядка в методологическом плане, в подведении всего многообразия трактовок «мягкой силы» под единый знаменатель, начало которому положено в определении, приведенном в Концепции внешней политики РФ 2013 года. Как следствие, появление этого термина в официальных документах РФ послужило толчком для новых исследований российских авторов, опирающихся уже на эту трактовку как на некоторую базовую основу для разработки новых конструкций, как на политический детерминант. Одной из таких недавних работ является диссертация Г.Ю. Филимонова, защищенная в Дипломатической академии МИД РФ. Несмотря на то, что она посвящена «мягкой силе» США, есть в ней и российская составляющая⁷³.

Г.Ю. Филимонов рассматривает «мягкую силу» как ресурс и инструмент управления массовым политическим сознанием и поведением, поднимая вопрос о «формировании комплексной многоуровневой и инновационной стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации, восстановления и развития арсенала «мягкой силы» России на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье»⁷⁴. При этом он выделяет несколько различных стратегий «мягкой силы», разворачивающихся в различных сегментах информационного пространства: в эфире СМИ, в сетях (в том числе социальных), в блогосфере, причисляя к операциям «мягкой силы» информационные и кибернетические войны, «цветные» и «твиттерные» революции, ненасильственное сопротивление и др. В результате, отталкиваясь от базового определения «мягкой силы», приведенной в Концепции внешней политики РФ 2013 года, Г.Ю. Филимонов выдвигает два собственных авторских определения «мягкой силы», которые являются конкретизацией исходного толкования, описывая «мягкую силу» как явление (первое определение) и процесс (второе определение): во-первых, «мягкая сила» – это сложная многоуровневая система, которая позволяет государству решать свои тактические и

⁷³ Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации. // Международные отношения, 2014, № 1, С. 104–107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.

⁷⁴ Там же.

стратегические задачи на международной арене в официальном и неофициальном направлениях»⁷⁵; во-вторых, «мягкая сила» – это инновационная высокоинтеллектуальная система управления сознанием, призванная усилить поддержку внешнеполитических инициатив государства среди зарубежных аудиторий. Отличительная особенность – акцент на формировании новых систем знания и стандартов управления, в том числе внешней политикой»⁷⁶.

Под «официальным механизмом» реализации «мягкой силы» Г.Ю. Филимонов подразумевает «государственное регулирование сферы внешней политики и публичной дипломатии»; под «неофициальным» – «неформальные каналы решения внешнеполитических задач в гуманитарной сфере»⁷⁷.

В этом подходе налицо попытка перейти от определения «мягкой силы» как инструмента внешней политики государства к описанию и характеристике «мягкой силы» как явления в политической жизни общества, в том числе российского. Тем самым закладываются основы для применения к исследованию роли и места «мягкой силы» методологии уровневого анализа. Помимо этого, звучит призыв сделать следующий шаг в эволюции российской концепции «мягкой силы» и перейти от дефиниции к формированию комплексной стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации – призыв, безусловно, актуальный и своевременный.

Вместе с тем, по мнению Т.А. Алексеевой, «сама по себе идея распространения собственного влияния на окружающий мир посредством «мягкой силы» не является такой уж новой. Так, у США и Запада в прошлом был очень удачный исторический опыт применения «мягкой силы», в частности, во времена «холодной войны». Несомненным успехом такого подхода можно назвать радиовещание «Голоса Америки», радио «Свобода», «Би-Би-Си», а также «Самиздат» – издание за границей запрещенной в СССР литературы»⁷⁸. То есть, все новое – это хорошо забытое старое.

По мнению руководителя Россотрудничества К.И. Косачева, «мягкая сила» должна стать неременным атрибутом российской внешней политики, поскольку в современных условиях «экономия [на «мягкой силе» – А.Б.]

⁷⁵ Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации. // *Международные отношения*, 2014, № 1, С. 104–107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Алексеева Т.А. *Насилие и демократия в политике США: [Текст]* // *Международные процессы*, 2008, № 2, С. 33.

недешево обходится нашей стране, когда приходится латать пробелы в «мягкой силе» значительно более дорогими средствами, в том числе «жесткими»⁷⁹. Источником российской «мягкой силы» в первую очередь должно быть гражданское общество, его институты и структуры, способные развивать и поддерживать связи с соотечественниками, с русскоязычными диаспорами, с политическими элитами зарубежных стран, разделяющими российские ценности и подходы к формированию внешней политики: «...настоящему «мягкая сила» России набирает вкус и цвет, когда о том, какие мы на самом деле, а не в зеркале прессы и в изложении недобросовестных интерпретаторов, и о том, насколько мы нужны другим странам и народам, говорим не мы сами, а люди и партнеры за рубежом»⁸⁰. Государство, по мнению российского политика, этим заниматься не должно, так как «доверия к нему [к инициативам, исходящим от действующей власти – А.Б.] все равно не будет»⁸¹.

Что касается возможностей использования «мягкой силы» в интересах внешней политики Российской Федерации, то они, безусловно, велики как с учетом особенностей международного статуса России, так и ввиду давних исторических традиций патронажной линии российского государства (еще начиная со времен Империи) в отношении зависимых стран, становлению современной государственности которых наша страна во многом содействовала. В годы СССР был наработан колоссальный авторитет среди населения и политических элит развивающихся стран, многие из которых только вышли из эпохи колониализма, а некоторые были напрямую обязаны обретению независимости усилиям Советского Союза. Этот авторитет во многом сохранился в различных регионах мира, население которых рассматривает демократическую Россию как преемника СССР. Такое реноме, существующее, в том числе, благодаря привлекательности российских культурно-цивилизационных ценностей, может являться фундаментом для нового формата российской внешней политики, основанной на собственных «мягких» и «гибких» методах воздействия.

«Мягкая сила» России может и должна служить исполнению ее цивилизационной миссии, оформившейся еще в имперский период: на мировой арене Россия выступает за сохранение культурного и

⁷⁹ Интервью руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) Косачева К.И. газете «Ведомости», опубликованное 13 марта 2014 года.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

цивилизационного многообразия наций и народов, населяющих нашу планету, высказывается против возрождения политики неоколониализма и глобальной унификации, разделения мира на «золотой миллиард» и сырьевые придатки. Эти концепты российской политики придают отечественной «мягкой силе» глубокие морально-нравственные скрепы. Формирующаяся сегодня отечественная культурно-цивилизационная модель управления международными конфликтами, основанная на российском ресурсе «мягкой силы», в качестве одного из основных подходов выдвигает альтернативность в выборе условий урегулирования и разрешения разногласий, которая сочетается с принципом свободы выбора участниками конфликта того или иного варианта из предлагаемого миротворцами разнообразного их набора, в котором конфликтующие стороны находят для себя наилучшее решение из многих возможных (принцип наилучшей альтернативы)⁸². Этим российский подход к «мягкой силе» в разрешении споров принципиально отличается от позиции США, которые в конфликтах стремятся преобразовать политические системы своих оппонентов под собственную модель «демократического» мира, путем безусловного приема противоборствующими сторонами базовых ценностей англосаксонской цивилизации – либеральных свобод, демократических институтов, индивидуализма и неопротестантизма.

Как считает К.И. Косачев, в государственном перевороте 2014 года на Украине «мягкая сила» США и ЕС сыграла далеко не последнюю роль: «наши конкуренты и оппоненты все эти годы наращивали свое влияние на украинские умы массированным задействованием инструментария «мягкой силы»⁸³, в то время как Россия полагалась в основном на возможности традиционной дипломатии и работала не с народом, а с узкими группами украинской элиты. Если бы Россия ответила на «мягкую силу» Евромайдана собственной «мягкой силой», многое (если не все) бы могло сложиться иначе.

Многие российские исследователи видят в отечественной «мягкой силе» фактор, способный противостоять «цветным революциям» и

⁸² Карпович О.Г. Сравнительный анализ концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами России, США и Европейского Союза. / О.Г. Карпович. // Вестник российской нации, 2012, № 2.

⁸³ Интервью руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) Косачева К.И. газете «Ведомости», опубликованное 13 марта 2014 года.

повторению в России и в ближнем зарубежье сценария «арабской весны»⁸⁴, особенно в связи с недавними событиями на Украине (Евромайдан 2014 г.). Это утверждение, с нашей точки зрения, имеет все основания: во-первых, революции «арабской весны» – это технологии англосаксонской «мягкой силы», а «мягкой силе» другого государства можно оптимально противодействовать, располагая аналогичным арсеналом инструментов внешнего воздействия; во-вторых, в «цветных революциях» напрочь отсутствует такая важная составляющая любой настоящей революции, как революционная идеология – тот набор идеалов и ценностей, который движет истинными революционерами, подавляющее большинство которых – идеалисты. Между тем, ценности и идеалы – это ведущий базовый элемент и основание «мягкой силы», без них «мягкие» технологии теряют в своей эффективности. А в российской «мягкой силе» этот компонент – ценности и идеалы, закрепившиеся в массовом сознании и подсознании в виде культурно-исторических архетипов, безусловно, присутствуют и становятся как никогда сильны в условиях внешнеполитических кризисов и перемен. В этом преимущество российской «мягкой силы», которое позволит ей эффективно противостоять сценариям и технологиям «цветных революций» и «управляемого хаоса».

Кроме того, в современном мире Россия выступает не в одиночку, а в союзе с партнерами и единомышленниками, с которыми она выстраивает дружеские отношения. Основной формат этих связей известен – это уровень «стратегического партнерства», который у России существует со многими государствами: с Индией, Китаем, Бразилией (например, в формате БРИКС), странами Центральной Азии (в рамках ШОС и ОДКБ) и т.д. В поддержании прочности этих отношений ключевую роль играют факторы «мягкой силы», культурного и цивилизационного притяжения, которые обеспечивают сближение государств на основании одинаково понимаемых и разделяемых ими ценностей, идеалов, взглядов, в том числе – на мировую политику, формирующийся миропорядок и на создание международной повестки дня. В этом плане использование «мягкой силы» открывает большие перспективы для продвижения Россией отношений с другими государствами, включая Бразилию. Важнейшим сегментом российской «мягкой силы» в целом является «формирование внешней культурной

⁸⁴ Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу». // Международные отношения, 2014, № 2.

стратегии России, развитие внешней культурной политики и культурной дипломатии»⁸⁵ на каналах международного гуманитарного сотрудничества.

В этом плане некоторые наши исследователи выступают за разработку концепции «национальной культурной безопасности» России, которая бы «иллюстрировала совершенствование российских подходов к формированию «оборонительно-наступательного» потенциала отечественной «мягкой силы» и взвешенной политики культурного протекционизма, а также эффективно содействовала наращиванию потенциалов «мягкой силы» и восстановлению комплексного культурно-информационного преобладания Российской Федерации на постсоветском пространстве»⁸⁶. Очевидно, эта инициатива заслуживает внимания и дальнейшей разработки.

1.3. Сходства и различия в подходах России и США к использованию «мягкой силы» во внешней политике.

Прежде чем приступить к исследованию возможностей отечественной «мягкой силы» в современных российско-бразильских отношениях, необходимо уяснить, чем наш подход к «мягкой силе» отличается от классического американского, прошедшего проверку в реальной политической практике США в различных регионах мира. Эта задача представляется очевидной в контексте темы данного исследования, в первую очередь, потому, что американская концепция «мягкой силы» уже давно признана классической; ее истоки лежат во взглядах одной из двух наиболее влиятельных школ научной мысли Соединенных Штатов – политического либерализма.

Несмотря на многие достоинства этой концепции и не менее явные недостатки, неоднократно проявлявшиеся на протяжении последних двух десятилетий на огромном пространстве от Триполи до Кабула, суть «мягкой силы» США остается для других, более молодых подходов к «мягкой силе» национальных государств некоей отправной точкой, тем самым теоретико-методологическим фундаментом, на базе которого выстроены практически все новые положения «мягкой силы». Любая «свежая» теория «мягкой силы» при ближайшем рассмотрении оказывается модификацией классической американской схемы, адаптированной под индивидуальные культурно-

⁸⁵ Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации. // Международные отношения, 2014, № 1, С. 104–107. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9419.

⁸⁶ Там же.

цивилизационные особенности того или иного государства, нации или народа. Россия в этом отношении, скорее всего, не является исключением. В данном контексте степень схожести и отличия российской концепции «мягкой силы», закрепленной в новой редакции Концепции внешней политики РФ в 2013 году, и ее американского прототипа – «мягкой силы» по Дж. Наю – будет определять и эффективность нового инструментария реализации российской внешней политики в отношениях России с другими странами, в том числе и с Бразилией. Эта задача требует применения аппарата сравнительно-политологического анализа.

Современные методы компаративистики, основанные на сравнении различных политических явлений, протекающих в разных регионах земного шара, но при этом имеющих общую природу, причины возникновения и, возможно, схожие закономерности эволюции, находят сегодня в политических исследованиях чрезвычайно широкое применение. Их основное достоинство – возможность использования метода аналогии в предсказании эволюции тех или иных процессов, исходя из выявленных в результате сравнительного анализа сходств и различий в объектах исследования. Джованни Сартори рассматривал сравнительную политологию как ядро, основу политической науки, поскольку «именно сравнение позволяет наблюдать за динамикой развития политологии, за общими тенденциями»⁸⁷.

Морис Дюверже считал, что компаративистика специфики власти дает возможность «понять разницу между ее типом и проявлением в других сообществах»⁸⁸. Гарольд Д. Лассуэл утверждал, что научный подход – это «метод обнаружения связей между переменными величинами, основанными не столько на количественном, сколько на качественном, номинальном анализе.... В свою очередь, выявление сходного и различного позволяет проникнуть в глубь проблемы различия политической сферы разных сообществ, государств»⁸⁹. Рональд Х. Чилкот сделал следующие выводы: «сравнительное исследование интегрируется с теорией, цель которой – сформулировать законы, тенденции, определив наиболее значимые переменные в их динамике»⁹⁰.

Таким образом, компаративный политический анализ – это не только метод, но и теория, связанная с описанием, изучением, синтезом принципов,

⁸⁷ Sartori G The Theory of Democracy Revised. Chatham House Publishers, Inc., Chatham House, N.J., 1987.

⁸⁸ Duverger M. La sociologie politique, P., 1966, 3 éd., P., 1968.

⁸⁹ Harold D.L. The analysis of political behavior. 1947.

⁹⁰ Чилкот Р.Х. Теория сравнительной политологии. В поисках парадигмы. – М.: Инфра-М, 2001.

тенденций и закономерностей функционирования и развития современных политических систем и институтов, протекания политических процессов, эволюции феноменов и явлений. Одним из таких объектов приложения методов сравнительного анализа является «мягкая сила», выступающая одновременно и как явление, феномен современной мировой политики, и как инструмент внешнеполитического воздействия.

Прежде всего, следует отметить, что США, как страна происхождения и главный разработчик концепции «мягкой силы», с изобретением этого понятия не остановилась в своем развитии, а практически сразу же перешла к выработке новой теории – «умной силы», причем даже не дожидаясь подтверждения критических замечаний, высказываемых в адрес «мягкой силы» конкретной политической практикой. Россия же долгое время сторонилась этого термина, считавшегося американизмом, и только под нажимом обстоятельств (в современном мире великим державам без собственной «мягкой силы» существовать невозможно) впервые в 2013 году внесла его в свои официальные документы. Причем сделала это скорее вынужденно, чем осознанно (на волне «цветных революций», «арабской весны», являющихся организационными технологиями той самой американской «мягкой силы»), во многом следуя общему тренду политической конъюнктуры и, в определенной степени, стремясь тем самым догнать США. В этом состоит первое качественное отличие российской «мягкой силы» от американской: если Соединенные Штаты, взяв на вооружение «мягкую силу» Ная, сразу же начали ставить эксперименты по сочетанию (комбинированию) «мягкой силы» с «жесткой силой», несколько ранее изобретенной реалистами, то Россия просто поставила перед собой цель выработать формулу «мягкой силы», которая была бы не хуже американской. Той самой «мягкой силы», от которой американцы уже во многом ушли в сторону «умной силы». Таким образом, в отношении «мягкой силы» Россия сразу же встала на догоняющий путь развития. Чем подобный путь чреват и какие системные риски он содержит, хорошо известно.

Для того, чтобы применить к американской и российской концепциям методологию компаративного анализа, необходимо выбрать систему параметров, по которым эти два явления в данном исследовании будут сравниваться. Такими параметрами в диссертации будут выступать:

- общий концепт и смысловое содержание формулировок «мягкой силы»;

- инструментальный характер «мягкой силы», различия в целях, задачах и главных объектах приложения «мягкой силы» в ее американской и российской версиях;

- роль «мягкой силы» в реализации внешней политики современных государств (в российском и американском представлениях);

- мировоззренческая платформа «мягкой силы» США и России;

- сопоставление «мягкой силы» с традиционной дипломатией;

- формат использования «мягкой силы» в отношении других акторов международных отношений, не являющихся противниками США или России;

- эффективность «мягкой силы» во внешней политике США и РФ.

Сразу отметим, что выбранный нами для сравнительного анализа набор параметров не является исчерпывающим, полностью описывающим все индивидуальные особенности и характеристики российской и американской «мягкой силы» – он избран из соображений разумной достаточности при соотнесении с целями и задачами настоящей работы. Вместе с тем авторское право любого исследователя, который будет знакомиться с данным трудом, – дополнить приведенный выше набор параметров другими компонентами, которые он сочтет важными в данном контексте научных изысканий.

Что касается первого элемента – сравнения формулировок «мягкой силы» России и США, то следует отметить, что американская «мягкая сила» трактуется как способность управлять политическим сознанием и поведением соперников путем воздействия на их системы ценностей, мировоззрение и культурно-цивилизационные архетипы.

Российская же версия «мягкой силы»⁹¹, при внимательном рассмотрении, представляет нечто среднее (эклетику) между ее американским определением и американским же понятием «публичной дипломатии»⁹², которая в понимании США не является, а выступает ее основным проводником, каналом распространения «мягкого» силового воздействия на зарубежные аудитории, возникающего в результате деятельности так называемых (в неолиберализме) «негосударственных

⁹¹ «Мягкая сила» – «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии». См.: Концепция внешней политики Российской Федерации. Код доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения 13.11.2013 г.).

⁹² По поводу определения публичной дипломатии см.: Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession // Virginia Quarterly Review, Summer 2001 // Код доступа: http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy

акторов международных отношений», «акторов вне суверенитета». Налицо не просто перенос американской терминологии (и, соответственно, самой идеологии неолиберализма) на российскую почву, речь может идти о смешении понятий: если в российском понимании «мягкая сила» совпадает с американской трактовкой публичной дипломатии, то что же тогда представляет собой российская публичная дипломатия? Видимо, на «мягкой силе» эта терминологическая путаница отнюдь не заканчивается.

В итоге можно констатировать, что Россия, формулируя свой подход к «мягкой силе» во внешней политике государства, пошла по пути догоняющего развития, полагаясь на копирование англосаксонских терминов и конструкций, перенос их на российскую почву без должного критического отношения и адаптации к российским условиям и культурно-цивилизационным особенностям.

Что касается второго параметра – инструментального измерения «мягкой силы», то основное отличие российской «мягкой силы» от американской состоит в том, что в США «мягкую силу» рассматривают как инструмент, который формирует мировоззрение наций, народов и межнациональных сообществ, в том числе через конструирование политической реальности и управление общественным мнением; в российской же политике (как внешней, так и внутренней) «мягкая сила» выступает, скорее, как способ ретуширования существующей действительности и политической реальности, чем фактический инструмент управления внешнеполитическими процессами.

«Мягкая сила» США выступает в американской политике как компонент глобальной мощи государства, один из основных политических стилей, и применяется не только самостоятельно, но и в комбинации с инструментами «жесткой силы». Российская же «мягкая сила» разрабатывается как компенсирующая компонента для российской «жесткой силы», для полноценного использования которой во внешней политике стране не хватает ресурсов, военной мощи, зарубежного авторитета (в основном во взаимоотношениях с теми же США и со странами Запада, объединенными в союзы и коалиции) и экономического влияния.

По поводу третьего параметра – формата использования «мягкой силы» во внешней политике России и США – можно отметить, что американская «мягкая сила» используется как инструмент трансформации политических систем оппонентов под собственные стандарты англосаксонской цивилизации, как способ преобразования существующего миропорядка по

своим лекалам («цветные революции», «управляемый хаос»). Российская же «мягкая сила» не ставит задачу глобального изменения политической реальности, а обеспечивает свободу выбора наилучшей альтернативы для тех участников государственных отношений, которые вступают или уже вступили в конфликтное взаимодействие, то есть акцентирует свое внимание на мирном урегулировании и разрешении международных конфликтов⁹³. Это правильная стратегия, следование которой ведет к укреплению интернационального авторитета России и усилению ее влияния на мировой арене, в первую очередь в формате все той же «мягкой силы», культурного и цивилизационного воздействия, позволяя добиваться внешнеполитических успехов без применения военной силы.

США используют «мягкую силу» как фактор консолидации союзников и формирования «волевых коалиций», способных поддержать военно-политические операции Соединенных Штатов своими людскими и материальными ресурсами. Напротив, Россия стремится использовать «мягкую силу» в качестве инструмента конфигурирования региональных систем международных отношений, выстраивания формата «стратегического партнерства» с государствами, придерживающимися альтернативной (в сравнении с США) точки зрения на формирование нового миропорядка.

В отношении четвертого параметра (мировоззренческой платформы «мягкой силы») следует отметить, что во внешней политике США «мягкая сила» рассматривается как механизм трансформации существующего мирового устройства, управления глобальной политической реальностью, создания «демократического мира» и реализации мессианской роли «экспорта западных ценностей». Другими словами, в понимании Вашингтона «мягкая сила» – это одновременно и способ, и инструмент исполнения мессианского предназначения великой американской нации, несущей миру свет истинных демократических ценностей (в их североамериканской протестантской трактовке, разумеется). О реальности и выполнимости этих целей, преследуемых США, можно говорить по-разному, но в наличии своей мировоззренческой позиции американцам отказать нельзя. Между тем, в российской версии «мягкая сила» предназначена главным образом для того, чтобы служить маркером принадлежности к семейству великих держав (поскольку «мягкая сила» – это атрибут государств, обладающих бесспорной совокупной военно-политической и экономической мощью и способных

⁹³ Манойло А.В. Модели информационно-психологического управления международными конфликтами. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки, 2010, № 2, С. 85–95.

реально влиять на глобальные процессы), инструментом внешнего и внутреннего пиара, назначение которого – формировать позитивный имидж российского государства за рубежом и воздействовать на внутреннюю аудиторию, перенося на массовое сознание российских граждан те образы «успешного государства», которые должны, по идее, проецироваться на сферу внешней политики и международных связей.

Относительно пятого аспекта (соотношения «мягкой силы» и традиционной дипломатии во внешней политике США и РФ) приходится констатировать, что в России, согласно определению, приведенному в Концепции внешней политики 2013 года, «мягкая сила» разрабатывается как дополнение традиционной дипломатии. Между тем, в США – в американском понимании этого термина – «мягкая сила» не является альтернативой традиционной дипломатии, а выступает как неотъемлемая ее часть: примером тому служат концепции «демократического мира» и демократизации («естественного» распространения демократии).

Что касается шестого параметра, то эффективность «мягкой силы» США определяется прежде всего привлекательностью американского образа жизни и либерально-демократических ценностей, носителями которых выступает англосаксонская цивилизация. Эффективность российской «мягкой силы» определяется в основном культурно-цивилизационным влиянием на постсоветском пространстве, где Россия принимала активное участие в сохранении национального культурного разнообразия и в формировании основ и институтов государственности большинства бывших республик СССР, а также солидарностью с российским внешнеполитическим курсом и позицией других стран, наций и народов, обеспокоенных расширяющейся экспансией США. Особенно ярко эта солидарность, выступающая как фактор сближения, проявляется в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ).

Результативность американской «мягкой силы» подрывает антагонизм, который к США испытывают многие страны и народы, хотя бы один раз в своей истории испытывавшие на себе американскую политическую, экономическую или военную экстерриториальность (такие, как государства ЛАКБ).

Отдачу от «мягкой силы» России ограничивают укоренившиеся в сознании населения различных стран негативные стереотипы, сформировавшиеся в период «холодной войны», а также в ходе информационных противостояний, в которых Россия столкнулась с враждебной позицией Запада (конфликт в Южной Осетии 2008 года).

По мнению К.И. Косачева, «есть три объяснения тому, что России навязывается негативный образ. Первое — чисто историческое: многие воспринимают Россию как повторное издание Советского Союза, ожидая от нас той же модели поведения. Такие люди убеждены, что Россия по определению непредсказуема и агрессивна. На уровне обывателя сказки, которые рассказывали в середине прошлого века, что «будешь себя плохо вести — тебя русский заберет», никуда не исчезли. В этом плане Украине, Грузии, Казахстану и другим странам легче: они не ассоциируются с СССР, а Россия — очень плотно.

Второе связано с нынешней реально независимой внутренней и внешней политикой России. Мы действительно в последние годы не пасуем перед сложившимся мнением большинства, когда считаем себя правыми. И эта наша независимая линия легко накладывается на существующие фобии... В глазах устоявшегося общественного мнения любые современные действия России легко (и соблазнительно) дискредитировать с точки зрения бремени нашего прошлого.

Третье — недобросовестная конкуренция и намеренная дискредитация, когда речь идет о реализации крупных и стратегически важных проектов, будь то прокладка газопроводов или создание интеграционных союзов. Скажем, очень легко и опять же соблазнительно не просто привлечь Украину преимуществами Евросоюза, но и напугать ее Россией. Это фактор недобросовестной конкуренции»⁹⁴.

«Мягкая сила» становится все более определяющим элементом в повышении международного имиджа России. В Концепции внешней политики РФ 2013 года ей придается чрезвычайно важное значение. Предположительно, это связано с признанием российским руководством эффективности данного подхода к регулированию международных отношений и разрешению глобальных и региональных конфликтов, в котором инструменты «мягкой силы» играют роль основной движущей конструкции общественно-политических изменений. Вместе с тем сущность и содержание «мягкой силы» в российской концепции полностью не раскрыта, что позволяет предположить прямое заимствование смыслов у американских коллег из сферы англосаксонской политической школы и практики. Это не может не настораживать, поскольку копирование

⁹⁴ Интервью руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) Косачева К.И. газете «Ведомости», опубликованное 13 марта 2014 года.

американских шаблонов и перенос их на другую культурную почву дает зачастую противоположный (негативный) результат. Данная ситуация требует уточнения, конкретизации и расширенного толкования термина «мягкая сила» в ее российском понимании, прежде всего применительно к различным форматам двусторонних отношений, которые Россия выстраивает со своими стратегическими партнерами в мировой политике, в том числе с Федеративной республикой Бразилия.

1.4. Пределы эффективности «мягкой силы» в международных отношениях и мировой политике.

Говоря о «мягкой силе», о ее роли в мировых делах и во внешней политике современных государств, нельзя не отметить, что, как любой инструментарий, «мягкая сила» не универсальна: ее эффективность во многом зависит от конкретной политической ситуации, от текущей конъюнктуры, от особенностей информационной среды и модели коммуникации, от состава и характера акторов международных связей, на которых этот инструментарий проецируется, от их культурно-цивилизационной принадлежности, приверженности тем или иным ценностям, идеалам и принципам.

Англосаксонская концепция «мягкой силы» основывается на базовых допущениях, на определенном наборе аксиом, которые принципиально не проверяемы, но принимаются на веру: как в любой подобной теории, строгие концепции нередко зиждутся на общих посылах, справедливость которых на данном уровне развития науки понимается в основном интуитивно, через анализ и обобщение различных фрагментов эмпирического опыта. Одним из таких допущений является примат ценностей в мировой политике, тезис о том, что только они определяют современную политическую реальность, характер внешнеполитического соперничества и противостояния (в том числе на глобальном уровне) и природу современных международных конфликтов. Этот тезис у неолибералов все еще остается на уровне идеи, привлекательной с точки зрения внешней презентабельности и рекламы, но еще не располагающей строгой доказательной базой. Это вызывает обоснованную критику идей и концепций неолиберализма со стороны его главных конкурентов – неореализма и конструктивизма, не говоря уже о неомарксизме и других менее популярных или маргинальных течениях.

Вместе с тем реалисты, отвергая неолиберальный подход к объяснению международных процессов и явлений, не могут игнорировать тот факт, что и сама теория политического реализма, включая его новейшие версии, не свободна от непроверяемых допущений и гипотез, составляющих ее базис. К таким посылам аксиоматического порядка относится идея реалистов о том, что «в основе международной политики лежат объективные и неизменные законы политического поведения, корни которых следует искать в самой человеческой природе»⁹⁵, главным выражением которой (человеческой природы) является «интерес, определенный в терминах власти»⁹⁶. Схематическое объяснение социального образа действий человека в обществе, выраженное в наборе его интересов, которые могут совпадать или пересекаться с интересами других членов общества, реалисты переносят на сферу международных отношений, заменяя в этих конструкциях личность на государство (точнее, на нацию-государство), добавляя к термину «интерес» приставку «национальный» (в понимании англосаксов – государственный) и объясняя природу международных отношений постоянным, имманентным стремлением наций-государств (негосударственных акторов мировых связей, «акторов вне суверенитета» реалисты в качестве полноценных акторов системы МО не признают) к поддержанию баланса сил, способного обеспечить благоприятный статус-кво на мировой арене или изменить этот статус в свою пользу. При этом в базовых положениях политического реализма просматривается метод аналогий, который, хотя и позволяет выдвигать интересные предположения о природе межгосударственных отношений, но при этом не способен подвести под эту гипотезу (основанную на интуитивно понимаемом сходстве одних и тех же процессов, протекающих на различных уровнях жизни общества) строгую доказательную базу. В результате конструктивистам так легко удается в своих работах размыть фундамент неореализма, превратить ценности из детерминант в синтетические конструкции, существующие в множественных вариациях (или наборах), к тому же весьма подверженные дрейфу и эрозии.

Базовыми источниками знаний о пределах и ограничениях «мягкой силы» во внешней политике современных государств выступают четыре основных блока научной информации:

- критика теории неолиберализма представителями неореализма и конструктивизма;

⁹⁵ Цыганков П.А. Международные отношения. – М., 1996.

⁹⁶ Там же.

- эмпирический опыт использования инструментов «мягкой силы» в мировой политике, международных отношениях, политических конфликтах, особенно в тех случаях, когда это применение не было успешным; в основном этот опыт накоплен англосаксонскими государствами – США (страной происхождения концепции «мягкой силы») и Великобританией;

- определенный ракурс, который дают современные психологические подходы к исследованию объективных рисков, связанных с применением в рамках «мягкой силы» технологий политического манипулирования;

- культурно-цивилизационный подход к управлению современными международными конфликтами, устанавливающий парадигмальные рамки для применения инструментов «мягкой силы» представителями той или иной цивилизации: англосаксонской, романо-германской, ближневосточной, восточноазиатской, российской (отчасти, поскольку наша отечественная модель пока еще окончательно не сформировалась), латиноамериканской (включая Бразилию) и др.

Наиболее богатый и разнообразный материал в отношении пределов эффективности «мягкой силы» дают сами американцы, жители страны происхождения этого термина и понятия – США. Это представители ведущих научных школ политической мысли Соединенных Штатов: политического реализма (включая его новейшие версии) и политического конструктивизма.

Политические реалисты считают, что поведение акторов международных отношений является рационально обусловленным и подчиняется законам логики, прагматизма и рационализма. Оно направлено на поиск выгоды как в материальном, так и в идеологическом плане, и в обеспечении базовых потребностей в безопасности, устойчивом развитии, ресурсной поддержке. В этом плане теория либерализма представляется им идеалистической и иррациональной, основанной на принципиально недостижимых мечтах, слабо связанных с реальной жизнью. Стремление неолибералов экспортировать ценности и идеалы с тем, чтобы закладывать основу для строительства бесконечного числа демократий западного типа в различных регионах мира, вызывает у неореалистов непонимание: по их мнению, неолибералы занимаются благотворительностью, тратя и без того ограниченные средства госбюджета США на «просвещение дикарей». Для неореалистов сотрудничество с любыми партнерами имеет смысл и резон только тогда, когда оно сопряжено с получением реальных, конкретных и просчитываемых дивидендов. Именно наличие такой выгоды и придает

прочность, устойчивость и долговечность международным отношениям, а вовсе не следование универсальным ценностям, принятие которых другие нации и народы могут попросту имитировать в целях получения от США новых траншей на «продвижение демократии» и строительство «демократического общества будущего». Примеры этого они видят в попытках построить подобный социум в Афганистане и Ираке: и в том, и в другом случае американцам, дескать, удалось добиться лишь «имитационной демократии».

Это выявляет важнейший фактор ограничения эффективности англосаксонской «мягкой силы» в современных международных отношениях: ценности западного, либерально-демократического типа, при их перенесении в иную культурно-цивилизационную среду зачастую не находят понимания на Востоке, в обществах иного традиционного вида, а, следовательно, не укореняются в сознании большинства населения. Их попытки продвинуть интенсивными методами пропаганды и информационного воздействия вызывает у коренных жителей многих стран Востока не только активное отторжение, но и реакцию прямого сопротивления внешней информационной экспансии. Ярким примером такого неприятия являются карикатуры датского журналиста (арабского происхождения) на пророка Мохаммеда, помещенные в одной из датских газет в 2005 г. и вызвавшие яростный протест мусульманских общин по всему миру⁹⁷.

Практика управления международными конфликтами также демонстрирует, что слепой, шаблонный перенос англосаксонских схем, правовых норм и жизненных стандартов в иную культурную среду часто заканчивается провалом для американской внешней политики, увлеченной привлекательностью идеи всеобщего демократического мира и универсальных демократических же ценностей. Это подчеркивается сегодня многими учеными и экспертами, зарубежными и российскими⁹⁸. Часто в пример ставят политику США в Афганистане, указывая на то, что американцы ввязались в войну, вскоре перешедшую для них в «строительство нового подлинно демократического афганского общества», не имея в составе Государственного департамента даже экспертов по

⁹⁷ Код доступа: <http://www.aina.org/releases/20060201143237.htm>; Руа О. Карикатуры: геополитика возмущения. «Le Monde», 09.02.2006.

⁹⁸ Карпович О.Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях России, США и Европейского Союза. – М., 2011, 542 с.: ил.

мусульманскому Востоку: первые подобные специалисты появились в Госдепе одновременно с приходом К. Райс на должность помощника Президента США по национальной безопасности, то есть существенно позже начала военной операции в Афганистане. Причиной появления этих квалифицированных спецов стали первые серьезные неудачи американцев в экспорте демократии и транзите демократических ценностей: ранее американские знатоки по «мягкой силе» искренне верили, что их ценности универсальны для всего мира и стоит только их удачно презентовать афганскому населению, как оно сразу перейдет в новую «демократическую веру».

Итак, неолиберализм утверждает о принципиальной универсальности общечеловеческих ценностей, но практика применения «мягкой силы» доказывает обратное: демократические идеалы западного мира принимаются в своем «чистом» виде далеко не всеми народами, а в тех случаях, когда экспорт все-таки происходит, эти ценности приходится адаптировать и косметически маскировать под стандарты, представления и архетипы других культур и цивилизаций. С точки зрения либералов, это отход от принципов «мягкой силы», что не может не сказаться на понижении ее эффективности: иногда классические западные установки приходится изменять до такой степени, что ничего либерально-демократического в них уже не остается. В результате в событиях «арабской весны», имеющих характер «цветных революций», адаптированных под традиционные общества, англосаксонские либеральные и демократические ценности странам Ближнего Востока и Северной Африки несут на своих штыках монархии Персидского залива – Саудовская Аравия и Катар, политические режимы которых ни при каких условиях нельзя назвать ни либеральными, ни демократическими. При этом в Сирии в борьбе против Б. Асада американцы сотрудничают с теми самыми террористическими организациями, с которыми они вели «непримиримую борьбу», начиная с 2001 года: значительная часть группировок, воюющих против сирийского президента на стороне так называемой Сирийской свободной армии, составляют отряды моджахедов и боевики полевых командиров Аль-Кайды⁹⁹.

Более того, в Афганистане находит свое проявление ситуация, которая принципиально сводит на нет эффективность американской «мягкой силы»: речь идет о пуштунских племенах, которые в принципе не могут решить что-либо между собой. Принципиальная неспособность различных этно-

⁹⁹ Манойло А.В. Специфика цветных революций «арабской весны». // Известия Уральск. Федерального Ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2013, №3, С. 30–36.

политических сил Афганистана договариваться друг с другом является, по мнению учёных Института востоковедения РАН, основной причиной отсутствия мира на этой земле¹⁰⁰. В этих условиях если и существует какой-либо способ нормализовать ситуацию и замирить враждующие племена, то он может базироваться не на непонятных идеалах и ценностях, а на рациональном подходе, методе согласования интересов и прагматичных взаимных договоренностях, поддерживаемых вооруженной силой обеих сторон, выступающей в качестве гаранта соблюдения соглашений.

Наиболее острую критику американская «мягкая сила» (и не только ее формат, но и сама модель) встречает в Латинской Америке и Карибском бассейне (ЛАКБ). Для многих государств этого региона их отношения с США сформировались в результате борьбы двух противоположных идеологических концепций – монроизма и боливаризма, которые оказали влияние на эволюцию всей системы межамериканских отношений. По мнению Т.П. Петровой, «если в отдельных странах [Латинской Америки] это идеологическое противостояние с годами утрачивало свою актуальность, то в других странах оно приобретало новое звучание в современных условиях, примером чему может служить Боливарианская Республика Венесуэла»¹⁰¹, экс-лидер которой Р. Уго Чавес активно использовал идеологический фактор Боливарианской мирной революции при решении внутри- и внешнеполитических задач. Сегодня эту линию продолжает его приемник – действующий президент Н. Мадуро.

Результатом принятия в США официальной «доктрины Монро» (1823 г.) стало то, что на протяжении длительного времени Соединенные Штаты рассматривали латиноамериканский мир как собственный «задний двор». США стали активно и довольно бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских стран, которые, согласно упомянутой доктрине, вошли в сферу их национальных интересов. При этом суть «доктрины Монро» сводилась к следующему:

- во-первых, американский континент не должен больше считаться объектом притязаний других держав;

¹⁰⁰ Белокреницкий В.Я. Россия и «исламский треугольник» (Афганистан, Иран, Пакистан) // Афганистан: проблемы войны и мира. Выпуск 3. – М.: Институт востоковедения РАН, 2000, С. 123–131.

¹⁰¹ Петрова Т.П. Монроизм vs Боливаризм: отношения США – Перу. // Национальная безопасность / nota bene, 2012, № 2.

- во-вторых, вмешательство в дела только что освободившихся стран Америки будет рассмотрено как проявление враждебности к Соединенным Штатам¹⁰².

Правительства каждой страны ЛАКБ, включая и Бразилию, оказались фактически «перед выбором: либо добиваться решения этих проблем, опираясь на собственные силы и региональную солидарность, либо принять условия, которые были сформулированы США в «доктрине Монро»»¹⁰³.

Отношение глав государств данного региона к «доктрине Монро» было весьма настороженным: «большое сомнение в искренности американской доктрины выражали также лидеры других латиноамериканских стран, как С. Боливар, колумбиец Ф.П. Сантандер, аргентинец Б. Ривадавия и мексиканец Л. Аламан»¹⁰⁴. Чилиец Д. Порталес наиболее доходчиво выразил эту мысль: «Монро сказал, что Соединенные Штаты признают американскую независимость. Будьте бдительны, чтобы, избавившись от одного ига, не попасть под другое! Не стоит доверять тем, кто одобряет наше освобождение, но руки не протянул»¹⁰⁵. Это, однако, «не мешало руководству США активно использовать «доктрину Монро» в качестве мировоззренческого фактора для укрепления своих позиций в регионе и на международной арене»¹⁰⁶. В качестве инструмента реализации этой концепции США использовали идеологию «панамериканской солидарности под эгидой Белого дома, что на практике воплотилось в создание «межамериканской системы», главным компонентом которой стала ОАГ»¹⁰⁷. Это и послужило прообразом американской «мягкой силы», адаптированной под менталитет нарождающейся латиноамериканской цивилизации, трепетно относящейся к идеям единства, свободы и национальной независимости. По мнению Т.П. Петровой, формируя «мягкую силу» для Центральной и Южной Америки, «лидеры США трансформировали идеи Освободителя и создали на их основе идеологию панамериканизма, которую представляют как продукт коллективного творчества»¹⁰⁸. Однако на деле это проявилось в неоднократных попытках США превратить регион ЛАКБ в источник сырья и

¹⁰² Fragmento del septimo mensaje anual del Presidente Monroe al Congreso el 2 de diciembre de 1823.

¹⁰³ Петрова Т.П. Монроизм vs Боливаризма: отношения США – Перу. // Национальная безопасность / nota bene, 2012, № 2.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Ideario politico de Diego Portales. Cap.II. Santiago de Chile, 1830

¹⁰⁶ Петрова Т.П. Монроизм vs Боливаризма: отношения США – Перу. // Национальная безопасность / nota bene, 2012, № 2.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

дешевой рабочей силы, на эксплуатации которого североамериканцы получали значительные дивиденды. При этом малоразвитые страны Латинской Америки все больше беднели, нищета стала жизненным стандартом. В отличие от некоторых положительных аспектов деятельности «Союза ради прогресса» Вашингтон активно стремился сохранять за собой контроль над общей ситуацией в регионе путем содействия установлению и укреплению в латиноамериканских государствах диктаторских режимов, используя их коррумпированность в качестве института внешнего управления. Подобное развитие событий стало одной из ключевых причин для свержения правителей-диктаторов на Кубе и Никарагуа, возрождения боливарианских идей в ряде стран ЛАКБ.

В сфере внешней политики многие латиноамериканские государства продолжают сохранять настороженность и недоверие к США, подчас граничащие с враждебностью (хотя при этом они не редко вынуждены действовать с оглядкой на Вашингтон). Достаточно сказать, что Бразилия, довольно успешно строящая у себя гражданское общество, основанное на демократических принципах и традициях, в течение длительного времени сохраняет с США прохладные отношения, наиболее точно описываемые формулой «ни мира, ни войны»¹⁰⁹. Американская неолиберальная идеология, «несущая миру свет и ценности истинной демократии», находит понимание лишь у некоторой части населения из числа проамерикански ориентированных групп олигархии и политической элиты. Не случайно, что во время военной интервенции в Ливии, закончившейся уничтожением режима М. Каддафи, объединение АЛБА во главе с Венесуэлой развернуло полномасштабную информационно-психологическую войну против США и их союзников, принявшую характер столкновения англосаксонской и латиноамериканской цивилизаций в сфере ценностей и идеалов¹¹⁰, причины которой лишь отчасти можно объяснить тем, что при Каддафи Ливия входила в АЛБА в качестве ассоциированного члена (наряду с Ираном).

В современных исследованиях, посвященных эффективности «мягкой силы», значительное место занимает культурно-цивилизационный подход и связанные с ним модели управления международными конфликтами, в

¹⁰⁹ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 01.01.2014 г.)

¹¹⁰ Виноградова Е.А. Стратегическая коммуникация стран АЛБА на Ближнем Востоке: информационная война с Западом. // Мир и политика, 2012, № 7 (70).

основу которых положены культурно-цивилизационные парадигмы¹¹¹. Сторонники этой концепции утверждают, что технологии «мягкой силы» в нынешних условиях не могут задействоваться вне рамок культурно-цивилизационных парадигм, к которым принадлежат использующие их миротворцы¹¹², поскольку именно культурно-цивилизационный код миротворца определяет те рамки применения от природы универсальных технологий «мягкой силы» (информационно-психологического воздействия и управления), за которые он выйти не может ни при каких условиях (только если произойдет разрушение и распад личности, сопряженный с утратой ценностей и культурно-цивилизационной идентичности). Отсюда можно сделать вывод о том, что диапазон применения современных технологий «мягкой силы» в международных конфликтах (и во всей системе мировой политики и межгосударственных отношений в целом) ограничен культурно-цивилизационными представлениями конкретного внешнеполитического актора, вытекающими из его мировоззрения, цивилизационной парадигмы, к которой он принадлежит, и из ценностей, носителем которых он является.

Вместе с тем, эти же авторы приходят к выводу о том, что «...в современных миротворческих операциях, проводимых под эгидой США и базирующихся в основном на мощном англосаксонском потенциале «мягкой силы», информационных войнах и технологиях психологического разложения и подавления противников, происходит смена целеполагания: вместо того, чтобы прилагать все возможные усилия для скорейшего урегулирования международных конфликтов, мировые лидеры стремятся взять их под свой контроль, сделать управляемыми и в дальнейшем использовать в качестве инструмента воздействия на своих политических противников и оппонентов. Урегулированный же конфликт, как представляется, утрачивает «нужность» и «привлекательность», поскольку перестает быть инструментом политической борьбы для великих держав. В этом плане «мягкая сила» получает еще один набор рамочных ограничений, поскольку из нее нередко специально исключаются действительно «мягкие» инструменты и технологии воздействия, способные дать пасификационный эффект, а вместо этого используются более жесткие и агрессивные методы, постоянно поддерживающие на «малом пламени» международный конфликт, ставший инструментом внешнеполитического

¹¹¹ Карпович О.Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях России, США и Европейского Союза. – М., 2011, 542 с.: ил.

¹¹² Там же.

воздействия на других игроков и их национальные интересы, иначе говоря, поддерживающие его (конфликт) в рабочем состоянии – в «точке закипания».

Значительную роль в ограничении эффективности «мягкой силы» в международных отношениях и мировой политике играют те самые системные риски, которые порождаются расширяющейся практикой использования в операциях «мягкой силы» современных манипулятивных технологий. Не стоит спорить с теми авторами, которые утверждают, что манипулятивные технологии в определенные моменты способны резко повысить эффективность, действенность и проникающую способность «мягкой силы» – это реальный и многократно подтвержденный факт. Вместе с тем, любая модель «мягкой силы», основанная только на манипулятивном воздействии и пренебрегающая вариативностью инструментов и технологий, использованием других групп методов и способов «мягкого» воздействия, неизбежно приводит внешнюю политику государства к краху – наступал тот момент, когда все системные риски, порождаемые применением стратегий политического манипулирования, одновременно срабатывали, генерируя кумулятивный разрушающий эффект. Это связано в первую очередь с тем, что любая манипулятивная технология со временем приводит к раскрытию истинных планов ее автора и проводника, поскольку нет ничего тайного, что не стало бы в определенный момент явным. С манипуляторами это происходит довольно быстро: постепенно он, привыкнув к череде успехов и легких побед, утрачивает бдительность и осторожность, начинает «купаться в лучах славы» и относиться к своим соперникам и оппонентам с пренебрежением. В этот момент он и допускает – в основном, по халатности или элементарной неосмотрительности, – ошибки, которые приводят к раскрытию его планов и истинных целей в отношении как противников, так и союзников и партнеров. Практически всегда это вызывает резко негативную ответную реакцию (никто не любит, чтобы им управляли), к которой манипулятор, как правило, оказывается не готов, поскольку он даже не принимал в расчет такой вариант развития событий. Мало того, нередко самоуверенность манипулятора достигает такого уровня, что он попросту не замечает, что его истинные планы и намерения раскрыты, и продолжает свою игру, которая тут же оказывается под контролем его противников. В результате сам манипулятор становится – часто незаметно для себя – жертвой встречных закулисных игр и интриг, при которых его самого используют «втемную», нередко как расходный материал.

Большое значение для успешности «мягкой силы» имеет наличие у государства, использующего этот инструментарий, позитивного внешнеполитического имиджа. В этом плане задачам формирования собственного положительного образа за рубежом уделяют внимание практически все мировые лидеры (включая Россию), стремящиеся принимать деятельное участие в формировании международной повестки дня. В создании имиджа государства, обеспечивающего его позитивное восприятие другими акторами международных отношений, участвуют множество факторов; образ конструируется, превращаясь в политический бренд или марку, которые затем продвигаются в сознание целевых аудиторий технологиями политического маркетинга. Вместе с тем, не всегда такое построение бывает удачным: на образ государства влияют укоренившиеся в массовом сознании и подсознании мирового сообщества (включая его различные страты) стереотипы, шаблоны, предубеждения, архетипы. Нередко в качестве таких установок выступает «образ врага» или образ «внешней угрозы»¹¹³, которые бывает чрезвычайно сложно переломить или изменить. Так, в современном мире продолжает жить довольно большое количество устойчивых фобий и стереотипов, сформировавшихся еще в период «холодной войны». Многие из них прочно «приклеились» к современной России, выступающей на мировой арене в роли преемницы Советского Союза («империи зла»). Все это отражается на эффективности российской «мягкой силы», снижая ее влияние на мировые политические процессы и на отношения с другими государствами, включая страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ).

Подобного рода проблемы, ограничивающие эффективность российской «мягкой силы», существуют и в российско-бразильских отношениях. К ним относится прежде всего слабая концептуальная разработанность стратегии формирования позитивного имиджа Российской Федерации в государствах ЛАКБ, включая, конечно, и Бразилию. В представлении бразильцев о России – правопреемнице СССР – сохраняется значительное количество различных стереотипов, появившихся в годы «холодной войны», разрыва дипломатических отношений и иных последствий длительного периода военных режимов, которые имеют в ряде случаев негативный оттенок. Отмеченные факторы объективно воздействуют на результативность российской «мягкой силы», что, в свою очередь, требует

¹¹³ Хауер-Тюкаркина О.М. Образ врага в международных отношениях и его роль в формировании внешнеполитического курса государства. // Мир и политика. 2013, № 10.

выработки внешнеполитического курса, направленного на укрепление положительного образа России за рубежом, включая латиноамериканский мир и такую его важную составляющую, как современная Бразилия.

II. Российско-бразильские отношения в контексте мирового политического процесса.

2.1. Россия и Бразилия в системе мировой политики и международных отношений.

В нынешней мировой политике Бразилия – одно из наиболее перспективных государств, влияние и авторитет которого непрерывно растут. Доктор исторических наук, профессор, ведущий отечественный бразилианист Л.С. Окунева справедливо характеризует сегодняшнюю Бразилию как «современное демократическое государство, региональную державу, идущую по пути обновления, экономического социального реформирования, проводящую активную внешнюю политику, играющую весомую и все возрастающую роль на мировой арене, превращающуюся в государство с глобальными мировыми амбициями».¹¹⁴

В международных отношениях Бразилия следует своим путем, опираясь на собственные ценности и резервы политического воздействия, в том числе на инструменты и технологии «мягкой силы», являющейся важным атрибутом политической мощи великих держав. «Как многоэтническая страна с огромным культурным разнообразием и глобальными интересами, Бразилия пытается добиться взаимодействия между культурами и поддерживает многообразие идеологий и политических систем. Поэтому мы выступаем за сотрудничество с развитыми и развивающимися странами всех регионов мира»¹¹⁵.

Все большее число государств начинают рассматривать Бразилию в качестве новой глобальной силы и политического полюса в формирующемся многополярном мире. По мнению Л.С. Окуновой, «в мировой политике и в

¹¹⁴ Фаусту Б. Краткая история Бразилии. / Окунева Л.С. История Бразилии продолжается. Вместо послесловия. – М.: Весь мир, 2013, с. 415–416.

¹¹⁵ Роуссефф Д. Речь Президента Дилмы Роуссефф во время церемонии формирования учебной группы Дипакадемии (Института им. Рио Бранко) 2009/2011, Дворец Итамарати, 20 апреля 2011 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. Код доступа: <http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-formatura-da-turma-2009-2011-do-instituto-rio-branco> (дата обращения 27.01.2014 г.).

системе международных отношений Бразилия занимает особое место. Эта страна-гигант, «страна-континент» фокусирует в себе как специфику той группы государств, которые принято называть «крупными странами с нарождающимися рынками», так и черты развитых индустриальных государств, государств «центра», «первого мира».¹¹⁶ В этой двойственности, не лишенной некоторой противоречивости, заложены не только огромный экономический и хозяйственный, но и внешнеполитический потенциал и преимущества, в том числе в плане перспектив использования «мягкой силы». Не случайно даже американские политики и ученые, в известной степени склонные к американоцентричности, вынуждены признать, что «за последнее десятилетие Бразилия превратилась в глобальный бренд и глобальную державу... Бразилия готова заработать себе имя на глобальной арене, чтобы уравновесить влияние другой крупной державы... – Соединенных Штатов»¹¹⁷. Для этого действительно есть весомые основания: по мнению директора ИЛА РАН В.М. Давыдова, «сегодня Бразилия пользуется в мире заслуженным авторитетом как общество устойчивой демократии, как страна, уважающая права человека»¹¹⁸. Его мнение подтверждают слова Д. Роуссефф, действующего президента страны: «Бразилия верит в многосторонние отношения (многосторонность) как единственный эффективный и проверенный временем способ достигнуть устойчивого консенсуса на международной арене, создать гармонию там, где идут война и конфликты. Именно так мы завоевали уважение во всем мире. Именно так мы за последнее время достигли больших побед в нашей дипломатии, ... мы сумели провести Конференцию ООН по устойчивому развитию «Рио+20». Эти наши победы являются плодами последовательного и согласованного характера применения наших принципов»¹¹⁹.

¹¹⁶ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М., 2008, с. 8.

¹¹⁷ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 01.01.2014 г.).

¹¹⁸ Давыдов В., Филатов С. Бразилия – страна будущего в настоящем. [Электронный документ] / Код доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/28644727> (дата обращения 20.02.2014 г.).

¹¹⁹ Роуссефф Д. Речь Президента Дилмы Роуссефф на церемонии вступления в должность Министра иностранных дел Луиса Алберту Фигейреду Машаду, Дворец Планалту, 28 августа 2013 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. Код доступа: <http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-posse-do-ministro-de-estado-das-relacoes-exteriores-luiz-alberto-figueiredo-machado> (дата обращения 29.01.2014 г.).

За последние десятилетия Бразилия превратилась в крупную региональную силу, которая уверенно идет по пути преобразования в глобальную державу, имеющую свои национальные интересы в Европе, Латинской Америке, Азии и Африке. По мнению заместителя директора ИЛА РАН, профессора Б.Ф. Мартынова, «Федеративная Республика Бразилия – страна с четкими и детально проработанными внешнеполитическими интересами. Бразильская дипломатия вполне обоснованно считается одной из наиболее опытных и авторитетных на южноамериканском политическом пространстве»¹²⁰. В сфере международных отношений Бразилия «не только снискала безусловный авторитет в международном плане, но и становится одним из ключевых игроков на мировой арене»¹²¹. Вместе с тем нельзя не согласиться с В.М. Давыдовым в том, что «наивно представлять Бразилию идеальной страной. Одна из самых чувствительных проблем – крайнее социальное расслоение и поляризация общества»¹²².

Как полагает известная американская исследовательница Дж. Свейг, современные «устремления Бразилии подкрепляются ее впечатляющими социально-экономическими достижениями, дипломатическими успехами, а также амбициями и личными представлениями двух ее бывших президентов – Фернанду Энрике Кардозу и Луиса Инасиу Лула да Силвы»¹²³. Их основной вклад в становление Бразилии в роли мировой державы состоит в выработке новой внешнеполитической стратегии, базирующейся на глобальных интересах и собственных культурно-цивилизационных ценностях, основным элементом которой стало «создание условий для пересмотра модели развития и внешней политики»¹²⁴. По мнению их преемницы на посту главы государства – Д. Роуссефф, политика современной Бразилии пользуется популярностью среди развивающихся стран, поскольку Бразилия последовательно выступает «за принятие решений о выходе из внешних и внутренних кризисов путем переговоров; за уважение и суверенитет всех

¹²⁰ Мартынов Б. Бразилия в формате БРИКС. // Свободная мысль, № 11, 2012, С. 19–28.

¹²¹ Дабагян Э. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67.

¹²² Давыдов В., Филатов С. Бразилия – страна будущего в настоящем. [Электронный документ] / Код доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/28644727> (дата обращения 20.02.2014 г.).

¹²³ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 01.01.2014 г.).

¹²⁴ Batista P.N. A política externa de Collor: modernização ou retrocesso? – Política externa, 1999, N 4, p. 108, 122.

народов... мы защищаем принципы демократии как пути выхода из политического кризиса, применяем практику справедливых коммерческих отношений, рассматриваем устойчивое развитие как необходимое и актуальное обязательство для сегодняшнего и будущего поколений, выступаем за искоренение нищеты и бедности, сокращение социального неравенства во всех точках мира и предлагаем наши социальные технологии для поддержания всех инициатив на данном направлении»¹²⁵. Успешность этой стратегии подкрепляются амбициями бразильской элиты, также имеющими глобальный характер.

Согласно убеждению отечественного латиноамериканиста Э.С. Дабагяна, «о растущем весе и влиянии этой страны [Бразилии – А.Б.] наглядно свидетельствовали два знаковых события сентября 2011 г. Нынешний президент Д. Роуссефф открыла дискуссию на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В ее концептуальном, по сути, выступлении акцентировалось внимание на таких ключевых проблемах современного этапа международной политической и экономической жизни, как всеобщая безопасность, реформирование глобальных финансовых институтов, взаимоотношения развитых и развивающихся регионов, права человека, изменение климата, предлагались способы их совместного решения»¹²⁶. По мнению Б.Ф. Мартынова, «стоит отметить и другое важное обстоятельство – характерный для современной Бразилии внутривнутриполитический консенсус по принципиальным направлениям развития страны и ее нынешнему и будущему позиционированию в мире. Идеологические различия внутри этого общенационального консенсуса на сегодняшний день следует признать минимальными, не выходящими за рамки тактических решений»¹²⁷. Внутренняя политическая стабильность и несомненные достижения в решении политических, социальных и экономических проблем не просто придают внешнеполитическому курсу Бразилии устойчивость и уверенность в собственных силах, но и делают бразильскую модель роста

¹²⁵ Роуссефф Д. Речь Президента Дилмы Роуссефф на церемонии вступления в должность Министра иностранных дел Луиса Алберту Фигейреду Машаду, Дворец Планалту, 28 августа 2013 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. Код доступа: <http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-posse-do-ministro-de-estado-das-relacoes-exterores-luiz-alberto-figueiredo-machado> (дата обращения 29.01.2014 г.).

¹²⁶ Дабагян Э. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67.

¹²⁷ Мартынов Б. Бразилия в формате БРИКС. // Свободная мысль, 2012, № 11, С. 19–28.

привлекательной для многих развивающихся стран мира, формируя ресурсную базу бразильской «мягкой силы».

Влияние Бразилии в современном мире (и, особенно, в сообществе развивающихся государств) непрерывно возрастает. Доказательством этому служит ее активная многовекторная внешняя политика, в рамках которой Бразилия постоянно устанавливает новые связи, заключает соглашения о сотрудничестве, утверждает свое присутствие на различных континентах в статусе политического и экономического партнера, посредника, арбитра, миротворца, системного интегратора и антикризисного управляющего. Примером является дипломатия Лулы да Силва, который непрерывно участвовал в переговорах с главами различных государств и фактически жил и работал в самолете. Не менее активно продвигает внешнеполитические интересы Бразилии и его преемница на посту президента страны – Д. Роуссефф, которая продолжает политику многовекторности в отношениях с США, ЕС, партнерами по БРИКС, государствами Латинской Америки и Карибского Бассейна, Ближнего Востока, Африки и т.д., причем – в различных форматах. Так, в 2011 году Д. Роуссефф вместе с Б. Обамой выдвинули новую глобальную инициативу «Открытое правительство», которая получила поддержку еще шести государств Америки, Европы, Азии и Африки. Цель инициативы – «содействие прозрачности государственного управления, борьба с коррупцией и привлечение к этим процессам организаций гражданского общества»¹²⁸. Кроме того, на саммите ЕС в октябре 2011 года Д. Роуссефф заявила, что Бразилия «готова оказать европейцам помощь в преодолении кризиса, заметив, что для этого требуются не только материальные ресурсы, но и политический консенсус»¹²⁹. Согласно оценкам российских ученых-международников, это «весомое подтверждение превращения Бразилии в мощный полюс многополярного мира»¹³⁰.

По мнению президента Д. Роуссефф, «за последние годы международный авторитет Бразилии значительно вырос... Страна стала обладать активным голосом, ..., к которому прислушиваются... Партнерство с развивающимися странами, главным образом, с БРИКС, становится все более крепким. Отношения с государствами Юга стали более тесными, особенно с африканскими странами, ... Мы ... никогда не откажем в поддержке наиболее бедным странам, пытающимся преодолеть отставание в

¹²⁸ Независимая газета. 22.09.2011.

¹²⁹ El Nuevo Herald. 04.10.2011.

¹³⁰ Дабагян Э. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67.

развитии и приблизить свое население к базовым парадигмам цивилизации»¹³¹.

Вместе с тем следует отметить, что концепция внешней политики Бразилии до сих пор находится в стадии разработки. На этом направлении в бразильском обществе разворачивается активная дискуссия.

Особые отношения складываются у Бразилии с Соединенными Штатами. Именно американец П. Кеннеди¹³² одним из первых разглядел «в докладе аналитика Джима О'Нила из инвестиционного банка «Goldman Sachs» не просто интересный экономический феномен восхождения новых держав-гигантов, а начало эпохального сдвига в структуре мировой политики»¹³³. Некоторые американские ученые считают, что Вашингтону рано или поздно «придется принять появившуюся по соседству новую державу и осознать, что она определяет себя в глобальном контексте»¹³⁴. Вместе с тем «многомерная идентичность страны уже давно беспокоит американских политиков»¹³⁵, побуждая рассматривать ее не только как набирающего силу потенциального конкурента, но и как источник угроз той модели мирового порядка, которую возводят Соединенные Штаты, участвуя в множественных войнах и вооруженных конфликтах.

По мнению американской исследовательницы Дж. Свейг, «конкуренция за дипломатическое и политическое влияние в Латинской Америке только начинается. Архитекторы внешней политики Лула да Силва и Д. Роуссефф утверждают, что интересы Бразилии в Латинской Америке неминуемо приведут к соперничеству с США, хотя и не очень острому»¹³⁶. Этот вывод действительно подтверждается конкретной политической практикой, анализом взаимоотношений Бразилиа и Вашингтона. Вместе с тем нельзя утверждать, что Бразилия, становясь глобальной державой,

¹³¹ Роуссефф Д. Речь Президента Дилмы Роуссефф на церемонии вступления в должность Министра иностранных дел Луиса Алберту Фигейреду Машаду, Дворец Планалту, 28 августа 2013 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. Код доступа: <http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-posse-do-ministro-de-estado-das-relacoes-exteriores-luiz-alberto-figueiredo-machado> (дата обращения 29.01.2014 г.).

¹³² P. Kennedy. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. ISBN 0 - 394 - 54674 - 1, 1987.

¹³³ Жебит А.А. BRICS: перспектива глобального управления. // Латинская Америка, 2012, № 1, С. 36–50.

¹³⁴ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 04.01.2014 г.).

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

автоматически превращается в антагониста США, хотя американцев в Бразилии, мягко говоря, не любят: «по некоторым вопросам конфликты между США и Бразилией никуда не денутся. Но в целом Бразилия не настроена ни антиамерикански, ни проамерикански. Например, бросая вызов Соединенным Штатам по вопросам о Гондурасе, Колумбии и Иране, она одновременно вела переговоры о первом с 1977 г. соглашении по военному сотрудничеству, вместе с администрацией Обамы работала над разрешением конфликта вокруг хлопкового рынка и созданием открытого канала для взаимодействия в сфере изменения климата и международных экономических институтов»¹³⁷. Таким образом, отношения между Вашингтоном и Бразилией балансируют относительно точки равновесия, характеризуемой формулой «ни мира, ни войны», что, однако, не становится препятствием к сближению позиций двух стран по вопросам международной повестки дня, в которых их национальные интересы совпадают. Для более точной характеристики этой формы двухстороннего диалога администрация Б. Обамы и правительство Л.И. Лулы да Силвы ввели термин «глобальный партнерский диалог».

Для превращения в глобальную державу, имеющую свои национальные интересы на различных континентах и способную влиять на формирование международной повестки дня, у современной Бразилии есть необходимые ресурсы: страна занимает пятое место в мире по территории и входит в десятку крупнейших экономик мира. К 2010 году «Бразилия стала восьмой экономикой мира по объему ВВП, девятой – по объему промышленного производства, двенадцатой – по добыче нефти, шестой – по выпуску автомобилей, третьей – по производству авиационной техники»¹³⁸. За период с 2003 по 2009 гг. ВВП Бразилии увеличился на 27,6%, в 2010 году экономический рост составил 7,5%, что явилось самым высоким показателем за последние 25 лет. С такими темпами роста экономики Бразилия ставит себе задачу обогнать не только успешно развивающиеся, но и некоторые развитые страны мира. Справедливости ради надо заметить, что в условиях нынешней финансово-экономической турбулентности в мире приращивание ВВП страны несколько снизилось (в 2012 г. 2,4%), однако бразильское правительство намерено восстановить прежние темпы роста экономики в интересах обеспечения намеченных планов развития.

¹³⁷ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 04.01.2014 г.).

¹³⁸ Известия. 03.11.2010.

Причины такого успеха объясняются довольно просто: согласно убеждению Дж. Свейг, «без кровопролития и аннексий Бразилии удалось консолидировать многонациональную и многорасовую демократию, стабилизировать сильную рыночную экономику и взрастить многомиллионный средний класс. Бразильцы, представляющие разные этнические группы и разные слои общества, уверены, что эти достижения дают их стране право считаться глобальной державой и вести себя соответствующим образом»¹³⁹.

Как полагают многие российские и зарубежные ученые, успехи Бразилии в формировании нового мирового порядка, состоящего из множества полюсов, очевидны: «в мире действительно формируется иной порядок. Уходит в прошлое эпоха, когда судьбы человечества вершились привилегированными странами. Теперь в этом процессе активно участвуют восходящие гиганты «второго эшелона», среди которых Бразилия занимает видное место»¹⁴⁰. Бразилия «начала проводить наступательную и полномасштабную внешнюю политику. Она намерена обеспечить себе постоянное место в расширенном Совете Безопасности ООН, организовать крупные и мелкие развивающиеся страны в более мощную коалицию в рамках торговых переговоров Дохийского раунда и... расширить права голоса для себя и других во Всемирном банке и Международном валютном фонде»¹⁴¹. Более того, в современном мире «соотношение сил настолько изменилось, что теперь развитые государства просят у развивающихся, в частности у БРИКС, помощи в преодолении экономических неурядиц»¹⁴². В этом плане весьма показателен тезис Э.С. Дабагяна о том, что данный, на первый взгляд, парадокс имеет свое вполне логическое объяснение: «это показатель веса и влияния объединения, в создание которого Бразилия внесла неоценимый вклад»¹⁴³. С таким утверждением можно согласиться.

На современном этапе «идея превращения Бразилии в великую державу, похоже, обрела, наконец, под собой твердую почву. Выработка

¹³⁹ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 05.01.2014 г.).

¹⁴⁰ Дабагян Э. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67.

¹⁴¹ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 01.01.2014 г.).

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Дабагян Э. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67.

(зачастую методом проб и ошибок) национально-ориентированной модели развития, акцентирующей стимулирование внутреннего потребительского спроса, сокращение бедности и ликвидацию неграмотности, ознаменовалась к концу первого десятилетия нового века существенным приростом ВВП (2012 год – 7-е место в мире), ростом среднего класса и прорывами на некоторых направлениях инновационного развития (гражданское авиастроение, технологии глубоководного бурения, биотехнологии, развитие нетрадиционных видов энергии)¹⁴⁴. Важную роль в трансформации Бразилии из региональной державы в новый полюс политической системы мира играет нефтяной фактор: существенным источником экономического и внешнеполитического подъема государства стало «обнаружение и освоение на континентальном шельфе Бразилии и в прилегающей ей морской экономической зоне крупных запасов нефти. Начав ее экспорт в 2006 году, Бразилия заявила о намерении войти в десятку крупнейших мировых производителей нефти уже к 2025 году»¹⁴⁵. В данном контексте национальные интересы Бразилии уже вышли за пределы южноамериканского континента и присутствуют на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и во всех тех регионах, которые служат источниками углеводородов для мировой экономики. Не случайно Бразилия стремится активно участвовать в ближневосточном урегулировании, проявляя деятельный интерес к нефтеносным регионам и странам-экспортерам нефти: Ирану, Саудовской Аравии, Катару и др.

Как любая глобальная держава, Бразилия проводит активную многоуровневую дипломатию, направленную на достижение конкретных и реалистичных целей. Основой для этого служит объективно существующий прорыв в экономической и социальной сферах. Именно он «создал прочный фундамент для проведения разновекторной и сбалансированной внешней политики. С приходом к власти в январе 2011 г. Д. Роуссефф, первой в истории женщины-президента, в этот курс вносятся определенные изменения при сохранении преемственности по основным направлениям»¹⁴⁶. В качестве доказательства стоит привести одно из ее программных высказываний: «В рамках стран БРИКС мы боремся за создание нового многополярного экономического и политического порядка, более справедливого и демократичного. Во всех мировых форумах мы являемся сторонниками

¹⁴⁴ Мартынов Б. Бразилия в формате БРИКС. // Свободная мысль, 2012, № 11, С. 19–28.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Дабагян Э. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67.

многосторонних подходов (многосторонности), разоружения и принятия решений путем переговоров, выступаем против любых угроз международному миру»¹⁴⁷.

Внешнеполитическая стратегия Бразилии «тщательно продумана и исключительно точно выстроена, концентрируется на магистральных направлениях, каждое из которых в конечном итоге преследует цель решения ключевой задачи – добиться достойного места в мире, адекватного экономическому и политическому потенциалу латиноамериканского гиганта»¹⁴⁸. Президентская (по сути – «челночная») «дипломатия Л. Лулы да Силвы обеспечила политике Бразилии многовекторность»¹⁴⁹, а победа на президентских выборах Д. Роуссефф, «с одной стороны, стала гарантией продолжения стратегического курса [Лулы – А.Б.], ..., а с другой – открыла путь к обновлению бразильской внешней политики, ее отдельных направлений и дипломатического почерка»¹⁵⁰. В «Директивах правительства Бразилии» в пункте о защите национального суверенитета заявлено: страна «верна принципам невмешательства, соблюдения прав человека, борьбе за мир и разоружение. Бразилия продолжит конструктивный диалог с суверенными развитыми и развивающимися странами в рамках деятельности таких двусторонних и многосторонних организаций, как Г-20»¹⁵¹. В геополитическом плане это находит выражение в позиции «мягкого балансирования» между центрами силы, мировыми лидерами, их военно-политическими союзами с другими странами, в интересах развития и продвижения собственных концепций лидерства и глобального управления. В прикладном же аспекте «позиция «гибкого балансирования» проявляется в мягком противостоянии BRICS позициям США и Евросоюза в отношении событий в Ливии на примере воздержания от голосования за резолюцию № 1973 (2011 г.) Совета Безопасности ООН, а также в близких позициях по

¹⁴⁷ Роуссефф Д. Выступление на Всемирном социальном форуме – Диалоги между гражданским обществом и правительством, Порту-Алегре, 26 января 2012 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. Код доступа: <http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-durante-o-forum-social-mundial-2013-dialogos-entre-sociedade-civil-e-governo> (дата обращения 21.01.2014 г.).

¹⁴⁸ Дабагян Э. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67.

¹⁴⁹ Борзова А.Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. // Латинская Америка, 2011, № 11, С. 18–30.

¹⁵⁰ Мартынов Б. Бразилия в формате БРИКС. // Свободная мысль, 2012, № 11, С. 19–28.

¹⁵¹ www.precidencia.gov.br/diretrizes-de-governo/view

заявлению Председателя Совета Безопасности ООН о нарушении прав человека в Сирии от 3 августа 2011 года»¹⁵².

Важно отметить, что дипломатии Лулы да Силвы, обеспечившей вхождение Бразилии в разряд мировых внешнеполитических держав, действительно «была свойственна творческая, энергичная, активная позиция»¹⁵³. Р. Рикуперо, бразильский политик, ученый и дипломат, сравнивает «харизматичную и яркую дипломатию Л.И. да Лулы Силвы с деятельностью французского президента Шарля де Голля»¹⁵⁴, отметив однако при этом, что «его харизматичность и идеологические воззрения могут оказаться рискованными для сферы международных отношений»¹⁵⁵. С. Аморим описал его внешнюю политику как «активную и высокоуровневую»¹⁵⁶. По мнению бразильского ученого, сотрудника Центра изучения современной культуры¹⁵⁷ М.Ф. де Оливейры, «целью многосторонней дипломатии Лулы, ориентированной на формирование устойчивых союзов и коалиций, было создание благоприятных условий для экономического роста, консолидации демократии и борьбы с нищетой в развивающихся государствах»¹⁵⁸. Судя по тому, что явных провалов или просчетов при его президентстве не произошло, Лула да Силва свою миссию выполнил, доказав собственное полное соответствие требованиям конкретной исторической эпохи: «экономическая и политическая стабилизация в период президентства Лулы усилили роль Бразилии как глобального игрока»¹⁵⁹. В результате его правления Бразилия стала восприниматься как «региональная держава с глобальными амбициями»¹⁶⁰.

А.Ю. Борзова в своей работе «Формирование политической стратегии современной Бразилии»¹⁶¹ приводит сравнение политических стилей двух предшественников нынешнего президента страны: Луиса Лулы да Силвы и

¹⁵² Жебит А.А. BRICS: перспектива глобального управления. // Латинская Америка, 2012, № 1, С. 36–50.

¹⁵³ Борзова А.Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. // Латинская Америка, 2011, № 11, С. 18–30.

¹⁵⁴ P. Ricupero. A Sombra de Charles de Gaulle: Uma Diplomacia Carismática e Intransferível. – Novos Estudos, 2010, N 87, p. 39–40.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ P.R.de Almeida. Uma Política Externa Engajada: a diplomacia do Governo Lula. Код доступа: <http://www.advivo.com.br/sites/default/files/documentos>

¹⁵⁷ Centro de Estudos de Cultura Contemporanea, CEDEC.

¹⁵⁸ M.Fernandes de Oliveira. Alianças e coalizões internacionais do governo Lula: o Ibas e o G-20. – Revista Brasileira de Política Internacional, 2005, N 2.

¹⁵⁹ P.Ricupero. A Sombra de Charles de Gaulle: Uma Diplomacia Carismática e Intransferível. – Novos Estudos, 2010, N 87, p. 39–40.

¹⁶⁰ Борзова А.Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. // Латинская Америка, 2011, № 11, С. 18–30.

¹⁶¹ Там же.

Фернандо Энрике Кардозо. При этом она опирается на мнение П.Р. де Алмейды¹⁶², который отмечал, что «правительство Кардозо, умеренного сторонника мультилатерализма, делало упор на международное право и следовало принципу «большого равенства» в отношениях с великими державами. Лула же является ярким поборником мультилатерализма и принципа суверенитета и равенства всех стран. В отношениях со средними державами Кардозо выступал за развитие политических связей, за диалог со странами Юга, а Лула использовал тактику стратегических союзов с этими государствами и стремился к реальной координации действий, например, в рамках сотрудничества между Индией, Бразилией и Южной Африкой»¹⁶³.

В сфере международных экономических отношений «Кардозо выступал за открытость экономики для прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и поддерживал «Вашингтонский консенсус». Лула решительно его отвергал, защищал экономический суверенитет Бразилии и одобрял инициированный в 2003 г. президентом Аргентины Н. Киршнером «Консенсус Буэнос-Айреса», содержащий рекомендации по социальной и экономической политике в латиноамериканских странах¹⁶⁴. Л.И. Лула да Силва предпочел «социальную устойчивость и правительственные меры по социальной поддержке населения»¹⁶⁵... Наступательная энергичная дипломатия Лулы да Силвы привела к образованию Группы двадцати (Г-20). Оба правительства – и Лулы, и Кардозо – выступали за «решительные меры по борьбе с проблемами международного терроризма и наркотрафика»¹⁶⁶.

Изучая политический курс предшественника нынешнего главы государства, П. Рикуперо выделил четыре стратегических направления внешней политики Л. Лулы да Силвы: «становление Бразилии как глобального политического актора первого эшелона в полицентричной международной системе (для достижения этой цели используются Г-20, BRICS, IBSA, деятельность в рамках ООН); обеспечение на мировом рынке благоприятных экономических условий для бразильской сельскохозяйственной продукции, что было отражено во время Дохийского раунда переговоров ВТО; укрепление связей по линии Юг–Юг; сотрудничество с новыми

¹⁶² P.R.de Almeida. Uma Política Externa Engajada: a diplomacia do Governo Lula. Код доступа: <http://www.advivo.com.br/sites/default/files/documentos>

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Борзова А.Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. // Латинская Америка, 2011, № 11, С. 18–30.

¹⁶⁶ Там же.

индустриальными странами (НИС), такими как Китай, Индия, ЮАР; создание альтернативных союзов и форумов: BRIC, Бразилия – Карибское сообщество (Caribbean Community, CARICOM); формирование политико-стратегического и торгово-экономического пространства для развития южноамериканского интеграционного объединения на основе постепенного расширения Mercosur»¹⁶⁷. Л.И. Лула да Силва стремился «вернуть в международный дискурс понятие развития и отстаивал во внешней политике интересы развивающихся стран»¹⁶⁸. Реализованная в годы его президентского правления «стратегия периферийной державы» «за короткий период вывела Бразилию в ранг глобальных игроков»¹⁶⁹.

С. Аморим не случайно подчеркивал, что основная стратегическая цель Бразилии – «работать над «новой конфигурацией мировой торговой и дипломатической географии», подразумевающей переход к многополюсному порядку, где международные правовые нормы и институты больше не будут давать привилегии развитым странам за счет Бразилии»¹⁷⁰. Это утверждение подтверждает высказывание исследователя и политолога В. Грабендорфа: «Бразилия никогда не уставала ратовать за необходимость строительства более справедливого мирового порядка, характеризующегося большим участием стран Юга в принятии решений»¹⁷¹. Еще более красноречиво звучит заявление Лулы, сделанное им в 2009 году: в современном мире «необходимо построить новый международный порядок – устойчивый, многосторонний, менее асимметричный, свободный от гегемонии и управляемый демократическими институтами»¹⁷². В этом и других стратегических направлениях Бразилия проводит последовательную, взвешенную и весьма прагматичную политику, что укрепляет ее устремление быть активным мировым актором.

Бразилия, как новая глобальная держава, стремится обеспечить себе статус постоянного члена в Совете Безопасности ООН, расширить свои полномочия (получить право голоса) во Всемирном банке и Международном

¹⁶⁷ P. Ricupero. A Sombra de Charles de Gaulle: Uma Diplomacia Carismática e Intransferível. – Novos Estudos, 2010, N 87, p. 39–40.

¹⁶⁸ M. Fernandes de Oliveira. Alianças e coalizões internacionais do governo Lula: o Ibas e o G-20. – Revista Brasileira de Política Internacional, 2005, № 2.

¹⁶⁹ Борзова А.Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. // Латинская Америка, 2011, № 11, С. 18–30.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Grabendorff W. Brasil: de colosio regional a potencia global // Nueva Sociedad (Buenos Aires). 2010. N 226. P. 163.

¹⁷² Борзова А.Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. // Латинская Америка, 2011, № 11, С. 18–30.

валютном фонде. Она выступает «в поддержку системы международных отношений, основанной на многополярности, на соблюдении норм международного права и на мирном урегулировании спорных вопросов. Центральное место в этой системе отводится Организации Объединенных Наций»¹⁷³. Согласно заявлению Д. Роуссефф, «Бразилия готова взять на себя обязательства постоянного члена Совета Безопасности ООН. Мы живем в мире с нашими соседями уже более 140 лет. У нас с ними успешно идут процессы интеграции и сотрудничества. По конституционным обязательствам мы отказываемся от использования ядерной энергии в немирных целях. Я с гордостью заявляю, что Бразилия – вектор мира, стабильности и процветания в своем регионе и за его пределами»¹⁷⁴. В соответствии с базовыми принципами бразильской дипломатии, «одностороннее использование силы незаконно, а военная интервенция оправдана, если она осуществляется с санкции таких международных институтов, как СБ ООН. В 2003 г. Лула выступил в ООН против американского вторжения в Ирак, считая, что оно дискредитирует ООН»¹⁷⁵.

Внешняя политика Бразилии направлена на укрепление авторитета ООН и расширение членства в Совете Безопасности. Ее стремление войти в расширенный состав СБ ООН поддерживается совокупным политическим весом и ресурсами G4, куда, помимо Бразилии, еще входят Германия, Индия и Япония. Эти четыре страны «согласились поддерживать друг друга в борьбе за место постоянного члена в СБ ООН»¹⁷⁶. В то же время бразильское руководство «убеждено, что необходимость более эффективного решения вопросов современной эпохи требует реформирования и обновления ООН и Совета Безопасности»¹⁷⁷; число членов ООН значительно возросло, из них большинство представляют Африку, Азию и Латинскую Америку, что делает сохранение Совета Безопасности в его нынешнем виде и составе бессмысленным делом. Бразилия считает, что необходимо расширить состав

¹⁷³ Дабагян Э. Бразилия на мировой арене. // *Мировая экономика и международные отношения*, 2012, № 3, С. 59–67.

¹⁷⁴ Роуссефф Д. Речь Президента Бразильской Республики на открытии Общей дискуссии дебатов 66-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк-США, 21 сентября 2011 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. Код доступа: <http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-abertura-do-debate-geral-da-66a-assembleia-geral-das-nacoes-unidas-nova-iorque-eua> (дата обращения 24.01.2014 г.).

¹⁷⁵ Борзова А.Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. // *Латинская Америка*, 2011, № 11, С. 18–30.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Дабагян Э. Бразилия на мировой арене. // *Мировая экономика и международные отношения*, 2012, № 3, С. 59–67.

СБ ООН «путем введения новых постоянных и непостоянных членов, обеспечить включение в него развивающихся стран»¹⁷⁸. Кроме того, следует «реструктурировать Совбез и дать в нем представительство поднимающимся гигантам в соответствии с местом, которое они занимают на международной сцене»¹⁷⁹, в рамках конструктивной реформы ООН. Эта позиция Бразилии разделяется многими членами всемирной организации. Впрочем, практическое решение данного вопроса в значительной степени зависит от подхода США.

Как один из мировых лидеров Бразилия имеет и активно продвигает собственную позицию по сирийской, иранской проблемам и по всему спектру вопросов ближневосточного урегулирования, предлагая альтернативные решения затянувшихся кризисов. По словам Д. Роуссефф, «Бразилия твердо верит в использование диалога, дипломатии как главного инструмента поддержания мира и содействия стабильности. Мы верим, что более широкий и целостный взгляд на возникновение конфликтов современности должен становиться все более приоритетным в повестке ООН. На Гаити, как и в других странах мира – в Африке, Азии и на Ближнем Востоке – в прошлом и настоящем Бразилия находится в поисках прочного партнерства и формул сотрудничества, основанного на взаимном уважении»¹⁸⁰. Причины такого курса Бразилии на мировой арене неслучайны и имеют собственное логическое объяснение.

В период президентства Лулы да Силвы Бразилия стала активно развивать интеграционную политику со странами, расположенными южнее линии экватора, которая получила название «повестки Юг-Юг». Иран, претендующий на статус великой региональной державы, оказался весьма подходящим для развития бразильских идей интеграции потенциалов развивающихся стран и выхода на уровень глобальной политики уже не в одиночку, а в виде коалиции. Иран, «...занимающий стратегически важное местоположение, обладающий огромными сырьевыми и людскими ресурсами, слабо развитой экономикой и серьезными политическими

¹⁷⁸ Дабагян Э. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Роуссефф Д. Речь Президента Дилмы Роуссефф во время церемонии презентации бразильского контингента ООН по стабилизации на Гаити – Порт-о-Пренс/Гаити, 1 февраля 2012 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. Код доступа: <http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-durante-cerimonia-de-apresentacao-do-contingente-brasileiro-da-missao-das-nacoes-unidas-para-a-estabilizacao-do-haiti-minustah-porto-principe-haiti> (дата обращения 22.01.2014 г.).

амбициями, стал одной из стран, привлекавшей внимание бразильской администрации как в экономическом, так и в политическом плане»¹⁸¹. Кроме того, острота конфликта по линии США-Иран предоставила Бразилии уникальный шанс наглядно продемонстрировать свою возросшую внешнеполитическую мощь, заявить о себе в новом статусе глобальной державы, предлагающей собственный путь развития мировой цивилизации, во многом альтернативный идеям, концепциям и политике США. Она отлично справилась с этой задачей, удачно вписавшись (в качестве третьей стороны) в формат самого ближневосточного урегулирования и в процесс ядерного разоружения Ирана: Бразилия «поддержала стремление Тегерана к использованию атомной энергии в мирных целях еще в 2007 г., несмотря на давление со стороны США»¹⁸². Во многом, успехи страны в этом направлении были связаны с неудачами, которые постигли традиционных переговорщиков, заметно увязших в тонкостях персидской дипломатии и потерявших способность выдвигать альтернативные решения в рамках ВАТНА. Так, Л.И. Лула да Силва провел переговоры с турецким правительством, «в ходе которых было достигнуто соглашение о транспортировке в Турцию иранских ядерных отходов»¹⁸³. Вместе с тем, по мнению американских исследователей, «предложенная в 2008 г. Лулой да Силвой и министром иностранных дел Селсу Аморимом альтернатива санкциям ООН против Ирана была, возможно, самым противоречивым – а для некоторых необъяснимым – примером новых международных амбиций Бразилии. Вместе с Турцией Бразилия пыталась возродить инициативу, впервые предложенную администрацией Обамы. Речь шла о том, чтобы убедить Иран отправлять уран для обогащения за границу»¹⁸⁴.

Следует отметить, что повестка «Юг-Юг» предполагает интенсификацию интеграционных процессов в Евразии, Африке и Латинской Америке по самым различным географическим направлениям. Нельзя сказать, что Иран стал для Бразилии в период правления Лулы центральной осью интеграционной политики, главным направлением приложения ее усилий по повышению статуса стран третьего мира: в то время президент рассматривал политику Бразилии в отношении Ирана и «иранской

¹⁸¹ Ковтун М. В. Бразилия и Иран: экономическое и политическое сближение при Луле. // Латинская Америка, 2012, № 6, С. 21–27.

¹⁸² <http://online.wsj.com/article/SB125867454290856575.html>

¹⁸³ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 01.01.2014 г.).

¹⁸⁴ Там же.

проблемы» как составную часть ближневосточного урегулирования в целом, в котором Бразилия должна играть ведущую роль. Л. Лула да Силва неоднократно подчеркивал «потенциал Бразилии как посредника на переговорах между израильтянами и палестинцами»¹⁸⁵. За короткий промежуток времени он, помимо визита в ИРИ, посетил Палестину, Иорданию и Израиль. В результате Бразилия признала Палестинскую автономию (в границах 1967 года), а вслед за ней это сделало и большинство государств Центральной и Южной Америки (ЦЮА). При всем при том, что Ближний Восток – регион, не самый близкий по отношению к ЦЮА, такая политика правительства Лулы имела вполне ощутимую поддержку и внутри страны: около десяти миллионов бразильских граждан являются выходцами с Ближнего и Среднего Востока.

Отрицательным фактором в этой политике стало то, «что действия бразильского руководства встретили неоднозначную реакцию мирового сообщества. Одни весьма ревниво отнеслись к вмешательству чужака в традиционную сферу влияния узкой группы привилегированных стран, обвинив Бразилию в торпедировании их усилий»¹⁸⁶. Другие, напротив, «приветствовали эти шаги, поскольку надеялись, что привлечение к переговорам нового участника будет способствовать выходу из тупика»¹⁸⁷. Неоднозначным оказалось восприятие политики Лулы, особенно его сближение с Ираном, и внутри страны – противники тогдашнего бразильского президента обвиняли его в заигрывании с маргиналами, а также в том, что он растерял за короткое время весь международный авторитет (прежде всего, в глазах США и ЕС), который Бразилия накапливала десятилетиями, проводя взвешенную, осторожную и сбалансированную внешнюю политику, не вмешиваясь в чужие конфликты и не вторгаясь в зоны чужих интересов. Речь шла о том, что Бразилия «своими действиями по уходу за Ираном в такой критический момент вполне может растерять новообретенный вес и репутацию в международных кругах»¹⁸⁸. Однако это не повлияло на решимость Лулы да Силвы отстаивать собственную позицию в отношении иранской проблемы: «попытки госсекретаря США Хилари

¹⁸⁵ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 01.01.2014 г.).

¹⁸⁶ El Nuevo Herald. 23.09.2011.

¹⁸⁷ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 01.01.2014 г.).

¹⁸⁸ <http://online.wsj.com/article/SB125867454290856575.html>

Клинтон переубедить бразильскую сторону не увенчались успехом»¹⁸⁹; «бразильский президент весьма четко сказал, что не хочет, чтобы с Ираном повторилось то же, что произошло с Ираком»¹⁹⁰. Согласно оценкам экспертов, «эти события следует считать беспрецедентными: Бразилия впервые оказалась в центре международной дипломатии»¹⁹¹.

По мнению Дж. Свейг, соглашение по ядерному топливу «принесло бы успех бразильцам по ряду аспектов: ... вызов фундаментальному представлению Вашингтона о том, что санкции ведут к более серьезным переговорам; укрепление морального авторитета Бразилии как единственного члена БРИК, не являющегося ядерной державой; подтверждение позиции МИДа, что старые правила управления международными институтами – на уровне Совета Безопасности или в рамках режима ядерного нераспространения – необходимо обновить, учитывая появление новых держав, начиная с самой Бразилии»¹⁹².

Преемница Лулы на посту президента страны Дилма Роуссефф в целом не изменила намеченному курсу, хотя и заметно сместила акценты в сторону большей практичности и селективности и в отношении проблемы Ирана, и касательно ближневосточного урегулирования. Выступая на 66-ой сессии Генассамблеи ООН (на церемонии открытия), Д. Роуссефф отметила, что «признание палестинского государства поможет достижению прочного мира на Востоке. Только свободная и суверенная Палестина способна удовлетворить требования Израиля в отношении безопасности»¹⁹³. Вместе с тем Д. Роуссефф выступила с резкой критикой Ирана в отношении соблюдения им прав человека, раскритиковав такие виды наказаний как забивание камнями¹⁹⁴. Ее сегодняшняя позиция по Ирану отличается большим прагматизмом, чем позиция Лулы. Это связано с неготовностью лишиться раз рискнуть, вступая в конфликт с Соединенными Штатами, и нежелание их провоцировать.

На региональном уровне Бразилия укрепляет свои позиции среди незападных мировых и региональных партнеров, обеспокоенных

¹⁸⁹ Ковтун М.В. Бразилия и Иран: экономическое и политическое сближение при Луле. // Латинская Америка, 2012, № 6, С. 21–27.

¹⁹⁰ [http://gl.globo.com/Noticias/Politica/0"MUL1388940 - 5601,00.html](http://gl.globo.com/Noticias/Politica/0)

¹⁹¹ El Nuevo Herald. 18.05.2010.

¹⁹² Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 01.01.2014 г.).

¹⁹³ El Nuevo Herald. 23.09.2011.

¹⁹⁴ <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/12/03>

экспансионистским курсом Соединенных Штатов и их военно-политических союзников. Американский политолог Р. Кэган, анализирующий региональную политику Бразилии, утверждает, что на этом уровне (в отношении стран третьего мира и развивающихся стран) Бразилия реализует стратегию средней, или, как он еще называет, периферийной державы. «Поскольку у периферийной державы недостаточно материальных ресурсов, чтобы противостоять гегемонистским устремлениям супердержав или играть ведущую роль в формировании международной системы, им остается действовать в рамках многосторонней дипломатии. Для стратегии амбициозной периферийной державы характерны три направления деятельности: укрепление международного права и международных институтов; создание союзов для преодоления дипломатической и экономической асимметрии однополярной системы и укрепление влияния государства; региональное измерение внешней политики»¹⁹⁵. Именно этот почерк и характерен для дипломатии современной Бразилии. Страна стремится к «более справедливому распределению мирового богатства и власти», призывая к «формированию новой архитектуры глобального управления через инициативы по линии «Юг – Юг», стимулируя интеграцию Южной Америки без участия США»¹⁹⁶, выдвигая собственные инициативы по глобальному управлению и урегулированию крупных международных конфликтов. Этот интеграционный проект является стержневым в политике Д. Роуссефф: «Мы гордимся ... организациями МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южной Америки), УНАСУЛ (Союз южноамериканских наций) и СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна), поскольку для нашей внешней политики они являются фундаментальными структурами для того, чтобы мы продолжали следовать по пути развития и укрепления наших демократических институтов»¹⁹⁷.

В контексте стратегии многостороннего сотрудничества Бразилия укрепляет связи с Россией, Китаем и Индией в рамках региональных международных организаций и форумов, таких как БРИКС. Следует

¹⁹⁵ Борзова А.Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. // Латинская Америка, 2011, № 11, С. 18–30.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Речь Президента Дилмы Роуссефф на церемонии вступления в должность Министра иностранных дел Луиса Алберту Фигейреду Машаду, Дворец Планалту, 28 августа 2013 г. [Электронный ресурс] Официальный сайт Президента Бразилии. Код доступа: <http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-posse-do-ministro-de-estado-das-relacoes-exterores-luiz-alberto-figueiredo-machado> (дата обращения 29.01.2014 г.).

отметить, что «в недрах бразильского внешнеполитического ведомства давно исподволь прорабатывалась концепция объединения усилий стран БРИК в борьбе за новый экономический порядок. Именно на этом акцентировал внимание Лула в 2002 г. в своей речи в Вашингтоне накануне вступления в должность президента»¹⁹⁸.

БРИКС является одним из локомотивов межрегиональной интеграционной политики Бразилии. В настоящий момент в составе БРИКС находятся так называемые «гиганты второго эшелона», на долю которых приходится 25% мирового ВВП, 30% территории Земли, 45% населения мира¹⁹⁹. Эти страны активно сотрудничают на различных международных площадках, в том числе в G-20, созданной по их инициативе²⁰⁰. «Небезосновательно определение, данное коалиции российским переговорщиком по BRICS, послом по особым поручениям Вадимом Луковым. Он квалифицировал BRICS как «альянс реформаторов», имея в виду их общую нацеленность на реорганизацию ключевых международных, прежде всего, финансово-экономических институтов»²⁰¹. На одной из научных конференций по БРИКС весьма актуально прозвучали слова Министра иностранных дел России С.В. Лаврова о том, что «БРИКС, будучи примером сетевой дипломатии, не является блоком «против», а скорее объединением «за», и подчеркнула важность данного направления внешней политики как для укрепления международных позиций, так и для социально-экономических потребностей Российской Федерации в модернизации и инновационном развитии»²⁰².

Вместе с тем бывший глава МИД Бразилии С. Аморим не считает БРИКС политической организацией и не согласен с тем, что цель этого объединения – ослабление влияния США в мире: «Когда пала Берлинская стена, все боялись, что мир станет однополярным и будет жить под диктовку США, но эти страхи оказались напрасными. Мир становится разнообразнее, и BRICS – часть этого процесса, но не единственная часть»²⁰³. Страны, участвующие в этом клубе, по словам экс-министра, хотят «построить

¹⁹⁸ A Política Externa do Brasil. Brasília, 2003. P. 16.

¹⁹⁹ Международная жизнь. – М., 2011, № 6.

²⁰⁰ Паниев Ю.Н. Российско-латиноамериканское деловое сотрудничество: достижения и недостатки. // Латинская Америка, 2012, № 12, С. 6–14.

²⁰¹ Независимая газета, 05.03.2012.

²⁰² Лихачев К.А. BRICS в системе международных отношений. // Латинская Америка, 2013, № 4, С. 100–104.

²⁰³ Christian Science Monitor. Brazilian President Lula: BRIC countries must forge a transparent system of global governance. Код доступа: <http://www.csmonitor.com/layout/set/print/content/view>

лучший и более многосторонний мир»²⁰⁴. Эта конструкция – БРИКС – полностью соответствует бразильской концепции «этики солидарности», выдвинутой бывшим главой государства Ф.Э. Кардозо.

Как справедливо отмечает Б.Ф. Мартынов, Бразилия стремится к равноправному партнерству с США и странами Запада, однако «новый вектор ее мировосприятия направлен на преференциальное сотрудничество с государствами, которые имеют с ней не только «похожие» размеры, но и «похожие» проблемы. Участие в формате БРИКС для Бразилии с этой точки зрения представляется вполне обоснованным и органичным, дополняющим ее «стратегию величия» как существенными новыми компонентами, так и некоторыми новыми возможностями. Это участие по-разному отражается как на традиционных для этой страны направлениях ее внешней политики – латиноамериканском, североамериканском и южноатлантическом, так и на новых, четко обозначившихся лишь в последнее десятилетие, – азиатском и общеглобальном»²⁰⁵.

Можно согласиться и с мнением известного исследователя Э.С. Дабагяна в том, что во многом именно «благодаря Бразилии латиноамериканские интеграционные процессы вышли за рамки региона. В 1999 году в г. Бразилиа состоялся первый саммит Латино-Карибской Америки и Европейского союза. ... В 2007 году в г. Лиссабоне прошел саммит ЕС-Бразилия. Событие свидетельствовало о понимании руководством Европейского Союза растущей роли латиноамериканского гиганта в современном мире. ... Было подписано соглашение о стратегическом партнерстве, открывавшее новые пути сотрудничества. ... Связи ЕС с Бразилией [оказались] подняты до уровня отношений с такими державами, как США, Россия, Индия и Китай»²⁰⁶.

Для нашего исследования важно отметить, что, по мнению Б.Ф. Мартынова, «развитие БРИКС строится согласно парадигме «мягкого восхождения» и уважении к международному праву, что подтверждает растущую роль «мягкой силы» в современных международных отношениях. Группа БРИКС вливает «свежую кровь в международные отношения» и обладает некоторыми очевидными преимуществами: стереоскопическим видением проблем (генезис, структуру, эволюцию), уважением к международному праву (на примере Бразилии, которая мирным путем решила

²⁰⁴ <http://www.inopressa.ru/newsweek/2009/06/26/14:46:00/bric>

²⁰⁵ Мартынов Б.Ф. Бразилия в формате БРИКС. // Свободная мысль, 2012, № 11, С. 19–28.

²⁰⁶ Дабагян Э.С. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67.

территориальные споры)»²⁰⁷. С таким подходом нельзя не согласиться, еще раз подчеркнув особую роль «мягкой силы» в бразильской внешней политике, в отношениях этой страны с другими государствами.

Бразилия не только стремится объединить развивающиеся страны на Евразийском пространстве, в Африке, но и активно поддерживает интеграционные процессы в Центральной и Южной Америке. Она «продолжает играть главную роль в Общем рынке Южного конуса (MERCOSUR), в который также входят Аргентина, Уругвай, Парагвай, Боливия и Чили, а теперь готовы вступить и другие страны. Становление этой интеграционной группировки пришлось на президентство Ф.Э. Кардозо»²⁰⁸.

В декабре 2004 года именно по инициативе Бразилии «было создано Южноамериканское сообщество наций в составе 12 государств. Эта группировка охватила территорию в 17,3 млн. км², с населением численностью свыше 400 млн. человек. Совокупный ВВП Южноамериканского сообщества превышает 1 трлн. долл. Оно является крупнейшим в мире экспортером продовольствия, обладает богатейшими залежами энергетического и минерального сырья. Важным этапом в развитии объединения стало принятое в 2007 г. решение о его преобразовании в Союз южноамериканских наций. В перспективе мыслится превращение данной группировки в некое подобие Евросоюза с прозрачными границами, единой валютой и наднациональными органами»²⁰⁹.

В идеологическом плане интеграционная политика Бразилии обеспечивается упомянутой выше концепцией «этики солидарности». Согласно этой концепции, «на международной арене необходимо прилагать совместные усилия, направленные на развитие, преодоление насилия, отчуждения, голода и маргинализации. Международное сотрудничество должно было стать решающим фактором консолидации и стабилизации мировой экономики, обеспечить эффективность макроэкономических реформ и устойчивое развитие. ... Каждая страна имеет «право на развитие», и оно должно учитываться мировым сообществом»²¹⁰. Интеграция при этом должна стать основным инструментом регионального развития и отстаивания национальных интересов развивающихся стран. Одной из главных задач

²⁰⁷ Лихачев К.А. BRICS в системе международных отношений. // Латинская Америка, 2013, № 4, С. 100–104.

²⁰⁸ Дабагян Э.С. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М., 2008, с. 501–506.

Ф.Э. Кардозо на протяжении всего его президентского правления стала «защита MERCOSUR и южноамериканской интеграции от предложенного США проекта Межамериканской зоны свободной торговли»²¹¹. Фернандо Энрике Кардозо был прагматиком, реалистично смотрел на мир и не стремился его кардинально изменить, признавая только путь эволюционного развития.

В своей внешней политике Бразилия также стремится организовать латиноамериканский мир и португалоговорящие страны Африки (повестка «Юг–Юг») в самостоятельную трансконтинентальную силу с собственной идеей и идеологией развития, предлагающую реальную альтернативу как американской концепции «демократического мира», так и Боливарианской модели стран АЛБА. Не случайно Л.И. Лула да Силва на саммите Союза южноамериканских наций в июле 2008 года особо подчеркнул, что современная Бразилия «призвана играть роль своеобразного моста между правительствами различных идеологических взглядов и добиваться политического, экономического, социального и культурного равновесия на континенте»²¹². В ответ мексиканский президент Ф. Кальдерон высказал следующее: «Бразилия является великим лидером и мы, не скрывая, это признаем. Как хорошо, что так происходит. Мы нуждаемся в ответственном лидерстве»²¹³.

В свою очередь, Д. Роуссефф считает, что «Бразилия получила огромную международную проекцию менее, чем за десятилетие. Сегодня мы входим в ряды «Большой двадцатки» (Г-20), нас приглашают принимать участие в крупных дебатах и принятии международных решений. Жозе Гразиану, Роберту Азеведу и Паулу Вануччи – бразильцы, на которых возлагается огромная международная ответственность в Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, Всемирной торговой организации и Комиссии по защите прав человека ОАГ»²¹⁴.

Все вышеперечисленные стратегические инициативы Бразилии неизменно носят открытый, неконфронтационный характер, в них

²¹¹ http://www.cidob.org/es/documentacion/biografias_lideres_politicos

²¹² http://www.efeservicios.com/clientes/buscadores/detalles/noticia_texto.asp 22.07.2008 (дата обращения 20.02.2014 г.).

²¹³ <http://www.infolatam.com/2010/12/30/especial-brasil-lula-da-silva-el-hombre-que-ca>

²¹⁴ Речь Президента Дилмы Роуссефф во время церемонии формирования учебной группы Дипакадемии (Института им. Рио Бранко), Дворец Итамарати, 17 июня 2013 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. Код доступа: <http://www.itamaraty.gov.br/sala-de-imprensa/discursos-artigos-entrevistas-e-outras-comunicacoes/presidente-da-republica-federativa-do-brasil/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-durante-cerimonia-de-formatura-da-turma-2011-2013-do-instituto-rio-branco> (дата обращения 30.01.2014 г.).

отсутствует направленность против третьих стран. По мнению Э.С. Дабагяна, Бразилия «делает многое для повышения роли развивающихся стран в мировой экономике и политике. Она пытается сплотить эти страны вокруг концепции нового финансового миропорядка и побудить развитые государства осознать реалии, сложившиеся сегодня в сфере мировых финансов»²¹⁵. Это действительно так: Бразилия выступает локомотивом развития сообщества стран «третьего мира», используя возможности финансовых инструментов, технологий и институтов. Это ее принципиальная позиция: выступая на открытии саммита Г-20 в 2008 году, Лула да Силва открыто высказался за «увеличение роли развивающихся стран в финансовой системе. По его мнению, события показали, что развитые государства уже не способны решать все проблемы самостоятельно. Надлежит строить иную «финансовую архитектуру». Это глобальный кризис, требующий глобальных решений»²¹⁶.

В.М. Давыдов весьма точно замечает, что до сегодняшнего момента крупнейшим политическим форумом в Западном полушарии была Организация американских государств. «Ее особенность состоит в том, что в эту организацию входят США, но не входит Куба. Между тем, Бразилия стала одним из инициаторов образования Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК). Оно было создано с участием Кубы и без участия Соединенных Штатов, которые опасаются, что сфера деятельности ОАГ будет сужаться, а сфера действия СЕЛАК расширяться»²¹⁷. В этом проявляется особый стиль внешней политики Бразилии, обращенной к братьям по латиноамериканскому миру и имеющей явно выраженный интеграционный вектор.

Вместе с тем, несмотря на все решительные шаги, подкрепленные реально существующей стратегией глобального уровня, стремление Бразилии принимать заметное участие в формировании международной повестки дня и та активность, которую она развивает в сирийском и иранском вопросах, во-многом остаются лишь определенной пробой сил и приобретением первого опыта в решении глобальных проблем, стоящих перед формирующимся многополярным миром. По мнению Дж. Свейг, «многие американцы до сих пор придерживаются примитивной и

²¹⁵ Дабагян Э.С. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3, С. 59–67.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Давыдов В., Филатов С. Бразилия – страна будущего в настоящем. [Электронный документ] / Код доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/28644727> (дата обращения 20.02.2014 г.).

некорректной точки зрения, что Бразилия должна вести себя как латиноамериканская страна. Вашингтону нужно понять, что бразильцы в меньшей степени считают себя латиноамериканцами, а в первую очередь бразильцами, в которых соединилась культура Африки, Европы, Ближнего Востока, Азии и местных коренных народов. Бразильские стратеги признают, что суть и качество отношений с соседями определяют их положение в XXI веке в такой же (если не большей) степени, чем двусторонние отношения с Соединенными Штатами»²¹⁸. Данный тезис показывает, что необратимость изменений, связанных с возрастающей ролью Бразилии в мировой политике, приходится признавать даже американцам, причем наиболее дальновидные из них уже сегодня заявляют, что чем раньше это произойдет, тем лучше для самих Соединенных Штатов. Но стереотипы в американском восприятии Бразилии все еще сильны, на их преодоление бразильцам потребуется время, ресурсы и помощь других великих держав, таких как Россия.

В этой ситуации Бразилия нуждается в поддержке (в первую очередь, моральной) со стороны уже состоявшихся великих держав, от мнения которых зависит, войдет ли Бразилия в их «клуб» и признают ли ее новый глобальный статус менее значимые акторы международных отношений. И многие державы идут ей навстречу. Так, выступая в 2012 году на совещании послов и постоянных представителей России в МИД РФ, Президент В.В. Путин заявил: «Мы продолжим курс на расширение сотрудничества со странами Латинской Америки и Африки. Еще несколько лет назад этому направлению уделялось недостаточное внимание»²¹⁹. В связи с этим российский обозреватель и политолог Ю.Н. Паниев высказывает мнение о том, что «беспрецедентная интенсивность российско-латиноамериканского диалога связана с тем, что в нашем государственном руководстве осознали стратегическое значение региона»²²⁰. По мнению В.М. Давыдова, Бразилия «заслуживает более высокого места в мировой иерархии. И неслучайно она нашла в этом поддержку и понимание целого ряда других стран, входящих в круг новых центров экономического и политического влияния. Речь идет о

²¹⁸ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 01.01.2014 г.).

²¹⁹ <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902>

²²⁰ Паниев Ю.Н. Российско-латиноамериканское деловое сотрудничество: достижения и недостатки. // Латинская Америка, 2012, № 12, С. 6–14.

Китае, Индии, России, Южной Африке»²²¹. Однако, при всем при этом В.М. Давыдов полагает, что «Россия все еще недостаточно осознала вес и значение Бразилии в современном и будущем мире»²²².

На этот счет есть и другие мнения. Как считает профессор Федерального университета Рио-де-Жанейро А.А. Жебит, «нынешнее участие России в БРИКС говорит о том, что российское руководство на данный момент разделяет основные идеи и интересы «южного» подхода к современным международным отношениям, хотя возникают и различия во взглядах, например, на сроки, методы и степень реформирования международной системы»²²³.

Россия, в отличие от США, в целом готова предоставлять Бразилии поддержку ее инициатив на мировой арене; сам факт ее наличия придает внешней политике Бразилии устойчивость и уверенность в собственных силах, способности достигнуть в ближайшей перспективе те цели, которые Бразилия как новая глобальная держава перед собой поставила. В этом плане «политика России на латиноамериканском направлении становится более инициативной»²²⁴.

По мнению В.М. Давыдова, «сегодня у нас есть понимание того, что с Бразилией нужно целенаправленно выстраивать отношения в широком диапазоне – и в формате «пятерки» БРИКС, и на двустороннем уровне. ... Наши отношения приобретают стержневой характер на многих направлениях. У нас близкие ценности, близкие задачи, и, действуя совместно, солидарно, мы можем достичь гораздо большего, чем по отдельности»²²⁵. В развитие этого тезиса А.А. Жебит проводит следующую мысль: Россию и Бразилию сближает то, что ««южная» повестка дня нашла место в российской внешней политике по той причине, что в начальный период своего существования как нового государства после распада СССР Российская Федерация была отнесена к категории стран с формирующейся рыночной экономикой, что ставило ее на одну доску с развивающимся

²²¹ Давыдов В., Филатов С. Бразилия – страна будущего в настоящем. [Электронный документ] / Код доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/28644727> (дата обращения 20.02.2014 г.).

²²² Там же.

²²³ Жебит А.А. BRICS: перспектива глобального управления. // Латинская Америка, 2012, № 1, С. 36–50.

²²⁴ Паниев Ю.Н. Российско-латиноамериканское деловое сотрудничество: достижения и недостатки. // Латинская Америка, 2012, № 12, С. 6–14.

²²⁵ Давыдов В., Филатов С. Бразилия – страна будущего в настоящем. [Электронный документ] / Код доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/28644727> (дата обращения 20.02.2014 г.).

миром. Этот факт рассматривается ... с позиций исторического опыта, согласно которому Россия, признанная рыночной экономикой только в 2002 г., в течение целого десятилетия познавала несправедливость экономического неравенства, характерного для подавляющей части развивающегося мира в течение нескольких послевоенных и последовавших за процессами деколонизации десятилетий»²²⁶. Как отмечает Ю.Н. Паниев, «Ф.Э. Кардозо часто подчеркивал, что Бразилия – это тропическая Россия, и между нашими странами много общего. Обе страны схожи не только по таким параметрам, как размеры территории и численность населения, но и по основным макроэкономическим показателям. Россия и Бразилия занимают аналогичные позиции в международном разделении труда, ... Во внешней политике наши цели тоже совпадают – формирование нового полицентричного мироустройства и углубление интеграционных процессов на региональном уровне»²²⁷.

В этом заключается один из основных каналов воздействия российской «мягкой силы»: заручившись моральной поддержкой и авторитетом России, Бразилия выстраивает на этом фундаменте собственную концепцию глобальной внешней политики. При этом подъем Бразилии совпадает с относительным спадом влияния США в Латинской Америке и появлением новых центров силы в Азии.

Особого внимания заслуживает анализ особенностей двусторонних отношений Бразилии с США. По мнению исследователя Е.К. Воеводовой, «у Бразилии имелись разногласия с Вашингтоном. Тем не менее, излагая в Национальном конгрессе концептуальные основы внешнеполитической программы, Лула подчеркивал: «Мы будем стараться поддержать с США отношения зрелого союза, базирующегося на обоюдных интересах и взаимном уважении»»²²⁸.

Власти США считают Бразилию «своеобразным посредником, буфером, амортизирующим их отношения с леворадикальными режимами Латинской Америки. Согласно оценкам эксперта Л. Матоса Диаса, причины позитивных сдвигов в бразильско-американских связях состоят в том, что Бразилия предпочитает гасить конфликты, а не раздувать их. Это очень важно для Соединенных Штатов, стремящихся избегать дополнительных

²²⁶ Жебит А.А. BRICS: перспектива глобального управления. // Латинская Америка, 2012, № 1, С. 36–50.

²²⁷ Паниев Ю.Н. Российско-латиноамериканское деловое сотрудничество: достижения и недостатки. // Латинская Америка, 2012, № 12, С. 6–14.

²²⁸ Воеводова Е.К. Бразильско-американские отношения в начале XXI века // Латинская Америка, 2011, № 7, С. 58.

проблем»²²⁹. Не случайно Б. Обама именно с посещения Бразилии начал свое турне по Латинской Америке в 2011 году.

По мнению бразильских ученых, это означает, что американо-бразильский диалог «вступил в полосу кардинальных изменений. Вполне вероятно, что в будущем именно этот вектор будет оказывать заметное влияние не только на региональную систему международных отношений в Западном полушарии, но и на мир в целом. ... Бразилия и Вашингтон наконец-то нашли совместные точки соприкосновения и готовы начать стратегический диалог...»²³⁰. Это подчеркивает также и тот факт, что «за короткое время с момента прихода к власти Д. Роуссефф, наиболее зримые перемены произошли именно в области отношений Бразилии с США»²³¹.

Вместе с тем, явно пользуясь благоприятной для нее текущей политической конъюнктурой, Бразилия стремится заполнить своим влиянием то пространство, которое оставляют Соединенные Штаты, отступая под натиском мирового экономического кризиса и растущего самосознания народов Латинской Америки, приводимых в движение общенациональной Боливарианской идеей. Как отмечает Дж. Свейг, «такая динамика укрепляет основную идею бразильской внешней политики: поскольку на международной арене есть место и задачи для нового глобального игрока, Бразилия вполне может стать «Маккинтошом» для американского РС – с соответствующими моральными идеалами и международной повесткой дня»²³². Ее тезис логически дополняет В.М. Давыдов, отмечая, что, конечно, «речь идет не о том, что Бразилия – это антитеза Соединенным Штатам в Западном полушарии. Но вместе с тем Бразилия – единственная страна, которая способна принять на себя роль альтернативного полюса на пространстве двух Америк. И на весах истории она выглядит достаточно убедительно по отношению даже к той роли, которую ныне играют США. Бразилия хорошо осознает эту свою миссию»²³³.

²²⁹ Дабагян Э.С. Бразилия на мировой арене. // *Мировая экономика и международные отношения*, 2012, № 3, С. 59–67.

²³⁰ Jorge I. Dominguez, Rafael Fernandez de Castro. *Contemporary U.S. – Latin American Relations. Cooperation or Conflict in the 21st Century?* New York: Routledge. 2010. 252 p.

²³¹ Дабагян Э.С. Бразилия на мировой арене. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012, № 3, С. 59–67.

²³² Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010. № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 01.01.2014 г.).

²³³ Давыдов В., Филатов С. Бразилия – страна будущего в настоящем. [Электронный документ] / Код доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/28644727> (дата обращения 20.02.2014 г.).

Следует выделить еще одно знаковое высказывание Дж. Свейг, дающее взгляд на Бразилию из США: «В конечном итоге, результат может быть таким: сильная, уверенная в себе Бразилия, которая вносит значительный вклад в мир и процветание не только на региональном, но и на глобальном уровне. Возможно, единственный и самый важный способ, которым США могут повлиять на бразильскую внешнюю политику, – это дать понять на словах и на деле, что Вашингтон не считает подъем Бразилии игрой с нулевой суммой, угрожающей американским интересам, а воспринимает это как появление не совсем привычного, хотя иногда очень необходимого глобального партнера»²³⁴.

Для достижения этого стратегического результата Бразилия готова предложить как собственную модель политико-экономического развития, так и свою международную повестку дня. В.М. Давыдов отмечает, что Бразилия «характеризуется укреплением демократических институтов, пристойным осуществлением электоральных процессов. Вопросы поддержания демократического развития, утверждения демократических норм политической жизни весьма чувствительны в Бразилии. ... Последние десятилетия делалось все возможное для восстановления ... справедливости, для того чтобы сумрачное прошлое [период военной диктатуры – А.Б.] никогда не вернулось»²³⁵. Д. Роуссефф ведет активную борьбу с коррупцией, проявляя в этом твердость духа во имя социальной справедливости и без колебаний устраняя скомпрометировавшие себя фигуры с политической сцены. С точки зрения В.М. Давыдова, «сейчас в мире не так много стран, где наличествует столь высокий уровень доверия к власти, уровень национального согласия»²³⁶.

В укреплении внешнеполитических позиций в Центральной и Южной Америке, и не только в ней (в Европе, Азии, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, наконец, в России), Бразилия опирается на собственный ресурс «мягкой силы», основанный на соответствующих культурных ценностях, моральных идеалах и мировоззренческих установках. Д. Роуссефф подчеркивает, что «мы [то есть Бразилия и ее народ – А.Б.] еще раз подтверждаем взаимосвязь мира, безопасности, развития и социальной

²³⁴ Дж. Свейг. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010. № 6. [Электронный ресурс] / Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726> (дата обращения 01.01.2014 г.).

²³⁵ Давыдов В., Филатов С. Бразилия – страна будущего в настоящем. [Электронный документ] / Код доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/28644727> (дата обращения 20.02.2014 г.).

²³⁶ Там же.

справедливости. Это вопрос, который мы, без всякого сомнения, поставили в международную повестку дня: вопрос о помощи населению различных стран, социальные льготы, социальная интеграция, ... У них [других стран – А.Б.] имеется огромное желание ознакомиться и получить доступ к нашей политике социальной интеграции, ..., которую Бразилия использовала для того, чтобы стать страной, которая прислушивается к нуждам своего народа»²³⁷.

Примечательно стремление Бразилии принимать деятельное участие в урегулировании и разрешении международных конфликтов вне культурно-цивилизационного ареала латиноамериканского мира – в Ливии, Сирии и Иране. В этих конфликтах, не имеющих прямого отношения к экономическим интересам Бразилии, она стремится играть роль, традиционно отводимую только признанным мировым лидерам и великим державам, пытается конкурировать с Соединенными Штатами и выдвигать собственные альтернативы регионального и глобального развития.

Не стоит полагать, что подобные усилия Бразилии способны поколебать решимость Вашингтона настаивать на силовом решении сирийской и иранской проблем; вместе с тем, конфликты, в которых Бразилия выступает в образе «посла мира», позитивно влияют на ее международный имидж, поднимают авторитет и приносят Бразилии значительные моральные дивиденды и симпатии как в глазах латиноамериканцев, так и в глазах всего международного сообщества, став ресурсом культурно-цивилизационного влияния и бразильской «мягкой силы».

По мнению А.Ю. Борзовой, «использование Бразилией элементов «мягкой силы» ... в деятельности международных организаций, создании дипломатических альянсов и поддержании регионального лидерства оказалось важным фактором в формировании ее имиджа. Однако не стоит забывать и о таком важном элементе стратегии, как «жесткая сила» ... – об укреплении бразильских вооруженных сил. Военные расходы выросли с 9,23 млрд. долл. в 2003 году до 23,9 млрд. долл. в 2009 году²³⁸. В рамках технического перевооружения Бразилия закупила боевые вертолеты у Франции и России, самолеты и военный транспорт у других европейских

²³⁷ Речь Президента Дилмы Роуссефф во время церемонии формирования учебной группы Дипакадемии (Института им. Рио Бранко), Дворец Итамарати, 17 июня 2013 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. Код доступа: <http://www.itamaraty.gov.br/sala-de-imprensa/discursos-artigos-entrevistas-e-outras-comunicacoes/presidente-da-republica-federativa-do-brasil/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-durante-cerimonia-de-formatura-da-turma-2011-2013-do-instituto-rio-branco> (дата обращения 30.01.2014 г.).

²³⁸ Борзова А.Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. // Латинская Америка, 2011, № 11, С. 18–30.

поставщиков и четыре французские подводные лодки «Scorpene». Кроме того, разрабатываются планы строительства атомных подводных лодок совместно с Францией²³⁹. Кроме того, Бразилия развивает сеть спутников и наземных станций слежения в районе Амазонки для борьбы с незаконной добычей полезных ископаемых и наркотрафиком». В целом же можно сделать вывод о том, что, формируя собственную модель «мягкой силы», Бразилия применяет принцип комбинирования «мягкой» и «жесткой» силы в зависимости от конкретной политической ситуации, конъюнктуры и целей внешнеполитических операций, следуя новейшим достижениям американской политической мысли, развивающей сегодня концепт «умной силы» как симбиоза «мягких» и «жестких» технологий внешнего воздействия.

2.2. Эволюция российско-бразильских отношений в сфере гуманитарного сотрудничества.

Отношения нашего государства с Бразилией имеют неоднозначную и даже противоречивую историю. На разных этапах двустороннего сотрудничества происходили как подъемы, так и «паузы». В периоды отсутствия дипломатических отношений гуманитарные контакты как фактор «мягкой силы» оставались единственным каналом поддержания диалога между гражданами наших стран и их правительствами.

Официальные отношения между Россией и Бразилией были установлены 3 октября 1828 года. В предписаниях российскому посланнику Ф.Ф. Борелю указывалось: «Вы явитесь самым первым представителем Его Величества в новых государствах Южной Америки. Вы будете находиться в самом крупном из них и будете представлять наши политические и торговые интересы в американской империи...»²⁴⁰. Показательно, что в инструкции отмечался миролюбивый и дружественный характер связей между Россией и Бразилией, подчеркивалось, что их развитие и укрепление поможет России открыть новое поле деятельности для своей торговли. Ф.Ф. Борелю было предоставлено право самому назначать консульских агентов в Бразилии из числа местных жителей, что также можно квалифицировать как одно из проявлений российской «мягкой силы».

²³⁹ Brands Н. Dilemmas of Brazil Grand Strategy. P. 17. Код доступа: <http://www.strategicstudies-institute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=1017>

²⁴⁰ АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 7001б, л. 320-320 об.

В ноябре 1889 г. в Бразилии произошел демонтаж монархии, в результате которого в стране была провозглашена республика. После нескольких обращений новой бразильской власти с просьбой о ее признании русское правительство ответило в 1892 г. согласием. Однако в связи с непрекращающимися волнениями в Бразилии Россия не торопилась направлять в Рио-де-Жанейро своего посланника (им стал в 1895 г. М.Н. Гирс), оставив там временного поверенного в делах России в Бразилии Кистера. Относясь с подозрением к тем радикальным трансформациям в Бразилии, Россия, тем не менее, придерживалась политики «мягкой силы» и невмешательства. В этой связи президент Бразилии Пруденте де Мораес подметил в беседе с упомянутым Кистером, что высоко оценил такую позицию: Россия, по его словам, «не в пример прочим державам, держала себя совершенно в стороне, не вмешиваясь во внутренние дела Бразилии. Особенно наглядным образом сказалось это невмешательство отсутствием российского военного судна в водах Бразилии, тогда как все другие державы имели в заливе Рио-де-Жанейро по несколько судов».²⁴¹

Говоря об этом историческом отрезке, нельзя не упомянуть российского посланника в Бразилии в 1883-1892 гг. Александра Семеновича Ионина. Он внес значимый вклад в укрепление российско-бразильского диалога, одним из первых осознал перспективность Южной Америки для России и убедительно аргументировал это в своих донесениях правительству. Путешествуя по латиноамериканскому материку (кроме Бразилии, посетил Аргентину, Парагвай, Боливию), А.С. Ионин изложил свои впечатления в четырехтомном труде, за который Санкт-Петербургская академия наук присудила ему премию им. Митрополита Макария. Неформальная, многогранная и тонкая работа российских дипломатов в Бразилии и других странах этого региона во второй половине XIX в. также заслуживает быть причисленной к политике «мягкой силы».

Вопреки неоднократным попыткам русского правительства заключить с Бразилией новый торговый договор на основе «взаимного благоприятствования в отношении мореплавания, торговли и таможенных пошлин», бразильские власти не сочли возможным пойти навстречу. Мотивировка отказа сводилась к тому, что включение в договор статей о «наиболее благоприятствуемой нации», дескать, могло бы представить

²⁴¹ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1895 г., д. 91, л. 3 об. – 4., подлинник, рус.яз.

серьезные затруднения при заключении Бразилией договоров с другими державами.²⁴²

Несмотря на это, Россия продолжала проводить дружественную политику в отношении Бразилии. Так, в ноябре 1905 г. русское правительство направило Бразилии приглашение принять участие в работе II Гаагской конференции по ограничению вооружений и обеспечению мира. В ходе форума в 1907 г. бразильский представитель выступал в поддержку позиций России, в связи с чем, по ходатайству перед царем главы внешнеполитического ведомства России А.П. Извольского, министр иностранных дел Бразилии барон Рио-Бранко, «всегда проявлявший искреннее и деятельное расположение к России», был награжден российским орденом Белого Орла.²⁴³ В этом отношении весьма примечательна выдержка из доклада А.П. Извольского: «На второй Гаагской мирной конференции делегаты Бразильских Соединенных штатов, следуя директивам барона Рио-Бранко, воздействовали на остальные южноамериканские государства в смысле поддержки защищаемых Россией начал».²⁴⁴

Усилия России возымели успех и на других направлениях сотрудничества с Бразилией. Упомянутый барон Рио-Бранко предложил в 1909 г. российскому посланнику Прозору заключить двусторонний договор о третейском разбирательстве в развитие принципов, провозглашенных в конвенциях о мирном решении международных столкновений (подписанных в Гааге в 1899 г. и в 1907 г.). Такой документ с согласия русского правительства был заключен уже в августе 1910 г., а в 1911 г. – ратифицирован обеими сторонами.²⁴⁵

Когда разгорелась Первая Мировая война, Бразилия провозгласила принцип строгого нейтралитета, но затем, под влиянием США и Англии, осенью 1917 года встала на сторону союзников.

После февральской революции 1917 г. Бразилия признала Временное правительство. Но уже в марте 1918 г. бразильский посланник в России Фейтос выехал за пределы нашей страны и, таким образом, дипломатические отношения оказались прерванными на длительный период.

Только в 1945 г. Бразилия признала Советский Союз. В апреле того же года состоялся обмен нотами об установлении дипломатических и консульских связей и учреждение диппредставительств наших стран.

²⁴² АВПРИ, ф. Отчеты МИД, 1901 г., д. 130, л. 25–25 об.

²⁴³ АВПРИ, ф. П. Департамент, 1909 г., 1-2, р. 1, д. 70, л. 1.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ «Известия МИД», 1912 г., кн. 6, стр. 8–11.

В годы Второй Мировой войны СССР и Бразилия выступали вместе в антифашистской коалиции. Бразилия стала единственной южноамериканской страной, которая отправила на европейский театр военных действий (в Италию) свой 25-тысячный экспедиционный корпус. Анализируя такое, весьма не простое для Бразилии решение тогдашнего президента Жетулиу Варгаса, Л.С. Окунева подчеркивает, что тот «интереснейший эпизод бразильской истории показывает, как на крутых поворотах истории найти свое место в концерте мировых держав, как разглядеть, что в роковые для всего человечества минуты подлинно национальные и долговременные интересы страны кроются не в тихом выполнении «домашних дел», а в слиянии с глобальными «требованиями момента», в выступлении единым фронтом против общего врага».²⁴⁶ Подобный наднациональный, ориентированный вовне подход Бразилии к ключевым историческим перипетиям, очевидно, выходит далеко за рамки продвижения положительного образа страны, раскрывая неожиданные стороны бразильской «мягкой силы».

После победы над гитлеровской Германией СССР и Бразилия стали членами ООН, но, к сожалению, нормальный ход отношений того времени был омрачен осложнением международной ситуации в результате «холодной войны» и противостоянием двух сверхдержав, в результате чего официальные контакты были вновь приостановлены в 1947 году. Лишь в конце 50-х годов прошлого столетия положение стало улучшаться, и в 1961 г. СССР и Бразилия возобновили дипломатические отношения.

Заметное оживление политического диалога, расширение торгово-экономического сотрудничества между странами относится к 1980-м годам прошлого столетия. В решающей степени это было обусловлено восстановлением в Бразилии в 1985 г. гражданской администрации и началом демократических преобразований.

После распада СССР и установления непосредственно бразильско-российских отношений между нашими странами начался новый этап сотрудничества. Примечательно, что Бразилия одна из первых в мире признала Российскую Федерацию как независимое государство.

Со второй половины 1990-х годов Бразилия утвердилась в качестве ведущего делового партнера России в Латинской Америке. Был осуществлен обмен визитами на высшем и высоком уровнях, подписан целый ряд

²⁴⁶ Фаусту Б. Краткая история Бразилии. / Окунева Л.С. История Бразилии продолжается. Вместо послесловия. – М.: Весь мир, 2013, с. 420.

двусторонних документов о сотрудничестве в политической, торгово-экономической, культурной, научной, образовательной и иных областях.

На нынешнем этапе наши государства успешно развивают стратегическое партнерство как на двусторонней основе, так и в многосторонних форматах, прежде всего в рамках БРИКС, «Группы 20». Их связи стали более глубокими, насыщенными и диверсифицированными.

Сегодня отношения России и Бразилии представительнее и разнообразнее, чем с любым другим государством Южной Америки. В первую очередь это можно объяснить богатой историей связей, вовлеченностью России и Бразилии в региональные и мировые политические и экономические процессы, совпадением позиций по ряду ключевых проблем современности, а также обоюдной заинтересованностью во взаимовыгодном стратегическом сотрудничестве в различных областях.

Особое место исторически занимает гуманитарная составляющая. Бразильцы всегда с интересом следили за достижениями россиян в науке, образовании, культуре, спорте, причем даже в те периоды, когда дипломатических отношений между нашими странами не было. В такие моменты трудности в официальном диалоге между Москвой и Бразилией удавалось преодолевать за счет «мягкой силы». Президент России В.В. Путин, выступая 9 июля 2012 г. на совещании послов и постоянных представителей РФ, подчеркнул, что политика «мягкой силы» предусматривает продвижение интересов страны путем привлечения симпатий к ней, демонстрацией ее достижений в материальной и духовной культуре, а также в интеллектуальной сфере²⁴⁷. Эффективное использование этого инструмента во многом определяет характер и направленность российско-бразильского сотрудничества.

Незаменимую роль в продвижении двусторонних гуманитарных связей в целом и в формировании положительного образа нашей страны в Бразилии, в частности, играет деятельность российских государственных и частных масс-медиа, которые доводят до бразильских политических элит и общественности объективную, правдивую информацию об основных политических и экономических событиях в жизни России, ее внешней политике, достижениях в различных сферах. Сегодня в Бразилии работают представительства ведущих российских информационных агентств – ИТАР-

²⁴⁷ Выступление Президента В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации по теме «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности». Код доступа: <http://kremlin.ru/news/15902> (дата обращения 13.03.2014 г.).

ТАСС и РИА «Новости» (последнее было временно закрыто летом 2012 г. по финансовым соображениям). Помимо этого в Рио-де-Жанейро уже четыре года с успехом функционирует бразильское отделение радиостанции «Голос России» («Voz da Rússia»), вещающее на португальском языке на 5 бразильских штатов с населением около 54 млн. чел. и 6 млн. радиослушателей (<http://portuguese.ruvr.ru/>). С июля 2013 г. начались трансляции передач в прямом эфире, что свидетельствует о качественном прорыве в деле радиовещания на широкую бразильскую аудиторию – с учетом ее постоянно возрастающих требований к оперативности и качеству получаемой информации. Не менее успешно работает в Рио-де-Жанейро электронная версия газеты на португальском языке «Diário da Rússia» (<http://www.diariodarussia.com.br/>), которая рассказывает о наиболее важных событиях во внутренней жизни и внешней политике нашей страны, ее культурных, научных, спортивных достижениях. Ежедневное посещение этого интернет-ресурса составляет 60 тыс. пользователей. Кроме того, в Сан-Паулу действует электронная версия «Gazeta Russa» на португальском языке – «Российской газеты» (<http://gazetarussa.com.br/>), которая также весьма востребована среди бразильской аудитории.

Целенаправленная информационно-пропагандистская деятельность указанных структур – как важный транслятор «мягкой силы» – способствует укреплению положительного образа России в стране пребывания, формированию благоприятных предпосылок для дальнейшего углубления российско-бразильского сотрудничества на различных направлениях.

Значительным потенциалом в плане развертывания «мягкой силы» России в Бразилии обладают современные информационные технологии и Интернет-ресурсы с учетом их практических неограниченных возможностей охвата широкой, неформальной аудитории, оперативности передачи информации и возможности общения в режиме «онлайн». Говоря о задаче укрепления имиджа России в Латинской Америке, заместитель Министра иностранных дел С.А. Рябков отмечает необходимость поиска современных форм, включая возможности вещания и общения через Интернет... «делать это нужно нескучно, интересно и познавательно...».²⁴⁸ В первую очередь, речь идет о современном, качественном содержании сайта МИД России и его заграничных учреждений, установки на них технических возможностей выхода в социальные сети, в том числе в twitter и youtube. Примечательно, что МИД

²⁴⁸ Рябков С.А. Латинская Америка требует особого подхода. // Международная жизнь, 2012, № 2, С. 15.

России с целью повышения эффективности работы на этом направлении ежегодно проводит среди российских дипломатических и консульских представительств конкурсы на лучшую веб-страницу. Так, сайт генконсульства России в Рио-де-Жанейро по итогам общеминистерского конкурса за 2011 г. занял 1-е место в категории консульских учреждений.

Важные задачи в усилении российского присутствия и в пропагандировании отечественных достижений в Бразилии выполняют такие организации, как Координационный совет российских соотечественников в Бразилии и Союз выпускников и бывших бразильских студентов в России (СССР) – UNDEXEBRAS²⁴⁹. Культурно-просветительскую работу осуществляют Институт культуры им. М.Ю.Лермонтова, Центр славянской культуры, некоммерческая организация «Русский дом» в Рио-де-Жанейро, а также Культурное общество русского фольклора «Группа Волга», Культурный центр «Надежда» и Хор «Мелодия» в г. Сан-Паулу.

Существенное влияние на развитие российско-бразильских связей оказали представители российской науки, культуры и образования. Еще в 1990-е годы по приглашению бразильских вузов и научных центров, заинтересованных в привлечении высококвалифицированных кадров, в Бразилию стали прибывать российские ученые и преподаватели. Физики, математики, конструкторы, инженеры, астрономы, врачи из России начинали работать на ведущих кафедрах бразильских университетов и в НИИ²⁵⁰. Многие из них и сегодня успешно трудятся в Бразилии, содействуя повышению авторитета российской преподавательской школы и науки.

Говоря о российско-бразильском культурном взаимодействии, нельзя обойти стороной тему русского балета. Здесь в первую очередь следует отметить школу классического танца им. Марии Оленевой при Муниципальном театре Рио-де-Жанейро²⁵¹. За более чем 85 лет, прошедших с момента ее основания, в Бразилии были подготовлены сотни исполнителей классического танца, среди которых и танцоры мирового класса. Полный

²⁴⁹ Представительные бразильские делегации UNDEXEBRAS приняли активное участие во втором (2007 г.) и третьем (2012 г.) Всемирных форумах иностранных выпускников российских (советских) вузов.

²⁵⁰ Жебит А.А. О русской иммиграции и российской общине в городе и штате Рио-де-Жанейро. – Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста. Санкт-Петербург, 2009, с. 54.

²⁵¹ В 20-е годы XIX в. русская балерина Мария Оленева во время продолжительных гастролей по Латинской Америке посетила Рио-де-Жанейро и решила связать свою судьбу с этим городом. Она посвятила себя преподаванию классического танца, основав в 1927 г. при Муниципальном театре Рио-де-Жанейро балетную школу, которая и ныне является одним из ведущих в стране учебных заведений по подготовке артистов классического танца.

курс обучения длится десять лет, ежегодно выпускается до 20 профессиональных артистов. В рамках действующего с 2000 г. соглашения между школой и Академией русского балета им. А.Я.Вагановой, постановщиками-репетиторами здесь несколько лет работали звезды балета Мариинского театра Петр Русанов и Мария Вахрушева.

Отдельно нужно сказать и об открытой в 2000 г. Школе Большого театра (ШБТ) в Жоинвилле²⁵², небольшом городе на юге Бразилии. В настоящее время там обучаются 260 детей из разных штатов страны и даже соседних государств. Большинство учеников – выходцы из бедных слоев населения, многие из них учатся бесплатно, что придает проекту важное социальное звучание. В 2010 г. в рамках празднования 10-летия школы в разных городах Бразилии успешно прошли выступления учеников ШБТ, на которых в общей сложности побывали более 300 тыс. бразильцев²⁵³. Ученики школы также выступали с гастролями в Уругвае, Италии, Франции, Германии. Заслуги ШБТ в продвижении двусторонних культурных отношений признали В.В. Путин и Д. Роуссефф (а до нее экс-президент Л.И. Лула да Силва) как фактор их дальнейшего развития.

Важную духовно-просветительскую миссию выполняют представительства Русской православной церкви (РПЦ) в Бразилии. В Рио-де-Жанейро действует русский православный храм, носящий имя святой мученицы Зинаиды, а в Рио-Гранде-ду-Сул – православный приход преподобного Сергия Радонежского. Среди прихожан – не только представители русской диаспоры, но и бразильские граждане.

С 2000-х годов российско-бразильские культурные и гуманитарные отношения стали развиваться особенно динамично. В 2008 г. в Бразилии прошли Дни России, получившие широкий общественно-политический резонанс. В состав прибывшей в Рио-де-Жанейро российской официальной делегации вошли представители Московского Патриархата РПЦ. В рамках программы в храме святой мученицы Зинаиды была отслужена Божественная литургия, а в бывшем католическом соборе Божией Матери Кармелито прошла фотовыставка «Православная Русь». В октябре 2008 г. на горе Корковадо у подножия знаменитой на весь мир статуи Христа-Искупителя впервые в истории была проведена русская православная литургия, которую

²⁵² В ШБТ работают бразильские и российские педагоги, четверо из которых являются бывшими артистами Большого театра. Регулярно проводятся совместные концерты с ведущими солистами Большого театра, самые талантливые ученики ШБТ проходят там стажировку.

²⁵³ По материалам ШБТ. <http://www.escolabolshoi.com.br/bolshoi/Portugues/>

возглавил митрополит Аргентинский и Южноамериканский Платон. Вечером того же дня в соборе Кармелито прошел концерт хора московского Сретенского монастыря²⁵⁴.

За Днями России в Бразилии последовали другие культурные мероприятия, самые значимые из них – выставки «Экспедиция Лангсдорфа: 1821–1829 гг.» в августе–сентябре 2010 г. и «Русские православные иконы» в апреле–мае 2012 г., научно-практическая конференция «Культурные мосты: Бразилия – Россия» (ноябрь 2011 г.), презентация компакт-диска с произведениями всемирно известного русского композитора И.Ф. Стравинского (декабрь 2010 г.), гастроли балетной труппы Мариинского театра и Санкт-Петербургского государственного академического симфонического оркестра в Муниципальном театре Рио-де-Жанейро (соответственно сентябрь и октябрь 2011 г.), участие российских кинематографистов в Международном кинофестивале в Рио-де-Жанейро (октябрь 2011 г. и ноябрь 2013 г.)²⁵⁵. Примечательно, что большинство из вышеперечисленных мероприятий не имело государственного финансирования и проводилось благодаря частной инициативе и поддержке спонсоров. Данное обстоятельство также можно рассматривать как одно из проявлений отечественной «мягкой силы» в Бразилии.

Распространение русского языка и культуры является одним из приоритетных направлений гуманитарного сотрудничества и реализации политики «мягкой силы» в Бразилии. «Великий и могучий русский язык» издавна вызывал интерес у бразильцев. Еще Император Педро II изрядно преуспел в овладении русским языком. Он свободно читал русские тексты, интересовался изданиями о русской истории, этнографии, архитектуре. Имена наших выдающихся писателей, ученых, музыкантов были хорошо известны бразильскому императору. Некоторые сочинения Н.М. Карамзина и И.А. Крылова он самостоятельно перевел на португальский язык. Во время визита в Россию с научно-познавательными (неполитическими) целями в августе-сентябре 1876 г. под псевдонимом «графа д'Алькантара» (чтобы не привлекать к себе излишнего внимания) император Педро II поразил знанием русской словесности представителей российского высшего общества.²⁵⁶

²⁵⁴ Дни России в Рио-де-Жанейро. Код доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/481294.html>

²⁵⁵ По данным сайта генконсульства России в Рио-де-Жанейро. Код доступа: http://www.consrio.mid.ru/foto_arh_rus.html

²⁵⁶ Справка о пребывании в России императора Бразилии Педро II; 17 (29) августа 18 (30) сентября 1876 г. (АВПРИ). Справка составлена 4 марта 1983 г. членом пиренейского-латиноамериканского семинара, д.и.н. Комиссаровым Б.Н. и студентом

В наши дни русский язык в Бразилии в различных академических центрах изучают около 1 тыс. человек. Главными местными «форпостами» распространения русского языка являются: Центр славянской культуры, «Русский дом» и Федеральный университет Рио-де-Жанейро. Кроме того, в стране практикуют и несколько десятков частных преподавателей русского языка из числа российских граждан.

Важную роль в этом деле сыграло образованное в 80-ые годы XX века Бразильско-советское общество дружбы «Убразус», которое в течение почти двух десятилетий несло русский язык в бразильские массы. Продолжателем «Убразус» (после распада СССР и прекращением государственного финансирования института) в части, касающейся обучения русскому языку, стал учрежденный в Рио в марте 1998 г. Центр славянской культуры (Centro de cultura eslava – SSE). Если в 2000 г. в SSE обучалось 12 слушателей, то в настоящее время их число увеличилось почти до двухсот человек. Стоимость обучения составляет 150 бразильских реалов (около 90 долл. США) в месяц, что позволяет поступать на курсы представителям из малообеспеченных семей местного населения. Полный курс рассчитан на 7 лет (14 уровней, по 2 семестра в учебном году). Большинство слушателей ограничиваются 2–4 годами базового обучения, и лишь единицы – проходят полную программу. По завершении курсов они получают сертификат негосударственного образца об окончании общего курса русского языка. Возглавляет SSE Маркус Коэльо, являющийся энтузиастом и сподвижником дела распространения русского языка и культуры в Бразилии.²⁵⁷ В 2006 г. он был награжден почетным знаком Росзарубежцентра «За вклад в дело дружбы». Кроме него в Центре работают еще четыре преподавателя русского языка. Это российские гражданки, временно или постоянно проживающие в Рио-де-Жанейро. В перспективных планах SSE – открытие своих филиалов в городах Бразилиа, Сан-Паулу, Порту-Алегри и Куритиба.

Кроме того, специалистов по русскому языку и литературе готовят по 5-летней академической программе на филологическом факультете Федерального университета г.Рио-де-Жанейро. В среднем выпускаются 20–30 филологов данного профиля в год. Обучение ведется российскими преподавателями, работающими в рамках двустороннего обмена или по контракту.

4 курса кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Ленинградского университета.

²⁵⁷ Сайт Центра славянской культуры <http://www.culturaeslava.com.br/> (дата обращения 10.12.2013 г.).

В октябре 2010 г. в Рио-де-Жанейро открылись новые курсы русского языка при «Русском доме» – некоммерческой организации, занимающейся распространением информации о России и происходящих в ней общественно-культурных событиях (президент – Ольга Жирицкая, генеральный директор Сержио Паламарчук). Эти курсы посещают около 20 человек, в основном лица, работающие в местном гостинично-туристическом секторе. «Русский дом» ведет переговоры с руководством Российского университета дружбы народов (РУДН) в целях задействования новых методик и передовых информационных технологий для изучения русского языка. С деканом факультета повышения квалификации преподавателей русского языка РУДН, директором Русского центра Фонда «Русский мир», доктором педагогических наук, профессором Т.М.Балыхиной достигнут ряд предварительных договоренностей о налаживании в Бразилии системы официального тестирования знаний русского языка, что призвано стать совершенно новым этапом в работе всех бразильских русистов. В качестве первого шага на данном направлении «Русский дом» хотел бы пригласить в Рио специалиста из РУДН для организации базовых тестов среди лиц, изучающих русский язык. После проверки в Москве проведенных тестов учащиеся могли бы получить официальные сертификаты об уровне владения русским языком от Минобрнауки России. В перспективе к документам государственной системы тестирования русского языка могли бы перейти все серьезные центры изучения русского языка в Бразилии.

Отмеченные проекты связаны с растущим здесь в последнее время интересом к изучению русского языка, который стал более востребованным не только в местной культурной и научной среде, но и среди простых бразильцев. Возникающий спрос частично удовлетворяется за счет все большего наполнения соответствующих интернет-ресурсов. В этом отношении значительную работу проводит бразильское представительство радиостанции «Голос России» (один из руководителей – Александр Медведовский), которое в ежедневных радиопрограммах в доступной игровой форме проводит занятия по базовому русскому языку, а также размещает на своем сайте соответствующие словари и упражнения.²⁵⁸ В свою очередь «Русский дом» намерен формировать группы дистанционного обучения русскому языку через Интернет, что поможет снять проблему географической удаленности между нашими странами.

²⁵⁸ Сайт радиостанции «Голос России», курсы русского языка. Код доступа: http://portuguese.ruvr.ru/radio_broadcast/15198541/ (дата обращения 10.12.2013 г.).

Введение безвизового режима между Бразилией и Россией в июне 2010 г. мотивировало новый подъем заинтересованности у бразильцев, особенно среди молодежи, в изучении русского языка. Другим стимулирующим фактором в этом же направлении стала передача Бразилией (13 июля 2014 г. на финальном матче Чемпионата мира по футболу) России эстафеты проведения следующего футбольного Кубка мира в нашей стране в 2018 году. Многие бразильские болельщики и поклонники футбола уже обозначили заинтересованность в освоении базовых знаний русского языка для того, чтобы чувствовать себя более уверенно и комфортно во время их поездки и пребывания в России на ЧМ-2018.

Со своей стороны российские дипломатические представительства в Бразилии уделяют особое внимание комплексу этих вопросов, постоянно оказывают помощь местным профильным центрам, в том числе путем предоставления соответствующих методических пособий, аудио- и видеоматериалов. В этом плане заслуживает поддержки работа авторов учебника «Продвинутая грамматика русского языка» А. Кайданова и У. Новотного, а также Фонау «Русский мир», которые безвозмездно передали в российские дипмиссии в Бразилии нескольких десятков указанных пособий для их дальнейшего распространения среди заинтересованных бразильских граждан и учреждений.

Важное значение с точки зрения продвижения российской «мягкой силы» в Бразилии имеет развитие двусторонних контактов с участием отечественных предпринимательских структур. За последние годы важные встречи и переговоры в Бразилии провели члены Ассоциации региональных банков России и Российского союза промышленников и предпринимателей, ОАО «Газпром», ОАО «НК «Роснефть»²⁵⁹.

В Рио-де-Жанейро имеют свои филиалы ОАО «Нефтегазгеодезия» и ОАО «Газпром». Официальное открытие регионального представительства ОАО «Газпром», которое представляет интересы российского нефтегазового гиганта не только в Бразилии, но и во всей Южной Америке, состоялось 3 ноября 2011 года. С 2012 г. в Рио-де-Жанейро функционировал филиал «ТНК БП» с участием российского капитала, который был преобразован в начале 2013 г. в компанию «Роснефть Бразил ЛТДа».

²⁵⁹ 22 ноября 2013 г. в Рио-де-Жанейро состоялся рабочий визит президента, председателя правления ОАО «НК «Роснефть» И.И. Сечина, который провел деловые переговоры с руководством бразильской нефтяной государственной компании «Петробраз», а также директорами частных профильных компаний HRT и ANP о перспективах развития взаимовыгодного сотрудничества в сфере углеводородов.

В 1990-ые годы прошлого столетия авиакомпания «Аэрофлот» осуществляла прямые авиарейсы в Бразилию, которые впоследствии были отменены из-за нерентабельности. В 2010 г. президенты России и Бразилии дали поручение возобновить прямое воздушное сообщение между нашими странами. В соответствии с поставленной задачей российская авиакомпания «Трансаэро» в январе-марте 2011 г. начала проводить беспосадочные чартерные полеты по маршруту Москва – Рио-де-Жанейро – Москва. Соответственно, здесь находились сотрудники «Трансаэро». В начале 2012 г. при поддержке российского посольства и генконсульства бразильские авиационные власти выдали отечественному авиаперевозчику разрешение на прямые регулярные рейсы с возможностью продажи билетов как в России, так и в Бразилии. Несмотря на это, в апреле 2013 г. руководство «Трансаэро» приняло решение о закрытии своего представительства в Рио-де-Жанейро. Можно предположить, что основной причиной послужили экономические аспекты данного проекта.

Существенное значение в плане продвижения двусторонних гуманитарных связей имеют межчеловеческие контакты и общение, присутствие в Бразилии российских туристов, путешественников, бизнесменов. Вступление в силу 7 июня 2010 г. российско-бразильского межправительственного соглашения об отмене виз при краткосрочных (до 90 дней) поездках граждан наших стран объективно способствует расширению гуманитарных и деловых обменов. Так, число российских туристов, посещающих Бразилию, увеличилось в среднем до 20–25 тыс. человек в год. При этом среди наших граждан отмечается рост интереса не только к пляжному, но и к экскурсионному, экологическому и спортивному (рыбалка, серфинг, дельтапланеризм, экстремальные виды спорта) туризму. Расширяется и географическая представленность российских визитеров: кроме москвичей и питерцев гостями Рио все чаще становятся жители центральных, южных и северных регионов нашей страны. Наиболее активно россияне прибывают в декабре-марте – во время своего рода «контрсезона» нашей зиме, когда в Бразилии стоит разгар лета. Пик туристических поездок приходится на всемирно известный Карнавал в Рио-де-Жанейро (февраль-март, в календарной привязке к Великому католическому посту).

В целом можно констатировать, что нынешнее присутствие России в Бразилии весьма существенно. Связи нашей страны с латиноамериканским гигантом уверенно набирают силу, и этому процессу, несомненно, будет способствовать планирующееся учреждение в Сан-Паулу Российского

центра науки и культуры, который призван служить распространению и популяризации русского языка и культуры.

В обозримой перспективе гуманитарный компонент в системе координат российско-бразильских связей окажется все более востребованным, а его роль и влияние возрастут. Все это, в конечном счете, поможет консолидации потенциала российской «мягкой силы» и формированию благоприятных предпосылок для укрепления общих позиций России в Бразилии и в латиноамериканском регионе в целом.

2.3. Особенности формирования через публичную дипломатию и «мягкую силу» модели российско-бразильских отношений на современном этапе.

Сегодня модель российско-бразильских отношений определяется несколькими основными факторами: степенью согласования интересов, осознания общих целей в формировании нового миропорядка, понимании совместной ответственности за сохранение мира и взаимным проникновением и восприятием ценностей, которые у российской и бразильской цивилизаций, несмотря на внешние различия, во многом совпадают. Не случайно многие бразильские политические деятели и ученые, вслед за Ф.Э. Кардозо, называют Бразилию «тропической Россией», указывая на то, что базовые ценности обоих народов формировались в сходных исторических условиях. Согласование позиций и общность интересов, а также глубокое понимание ответственности за мировые процессы ведет к сближению наших государств на различных уровнях, включая международные отношения и региональное сотрудничество, и становится фундаментом для российско-бразильского формата «мягкой силы», направленного как на развитие двусторонних связей, так и вовне, на другие сферы мировой политики, на формирование международной повестки дня, на борьбу за справедливость и равноправие. При этом каждая из стран опирается на собственную модель «мягкой силы», правда, еще находящиеся в стадии становления. В качестве проводников «мягкой силы» и та, и другая стороны используют каналы публичной дипломатии, гуманитарного сотрудничества, культурного обмена, ресурсы международных экономических отношений, а в качестве субъектов – дипломатические миссии и представительства, торгпредства, диаспоры и объединения соотечественников за рубежом. При этом формы и методы использования

инструментов «мягкой силы» в интересах развития двусторонних связей, как правило, всегда диктуются особым форматом внешнеполитического взаимодействия России и Бразилии – форматом «стратегического партнерства» в глобальной политике и форматом «регионального сотрудничества» на региональном уровне, которые являются для инструментов «мягкой силы» рамочными факторами, определяющими особенности их применения.

В этой связи, по мнению Б.Ф. Мартынова, нельзя не вспомнить «получившие широкое освещение в этой южноамериканской стране [Бразилии – А.Б.] итоги визита министра иностранных дел России Е.М. Примакова, который состоялся в ноябре 1997 года. Он был ознаменован подписанием совместного документа с содержательным названием «Декларация о сотрудничестве России и Бразилии, устремленном в XXI век». Незадолго до этого Е.М. Примаков выступил с идеей налаживания «преференциального сотрудничества» между Россией, Китаем и Индией («Треугольник Примакова»), поэтому «устремленные в XXI век» связи с Бразилией вполне могли бы рассматриваться в едином контексте. Таким образом, инициатива БРИК (в последствии эволюционировавшая в БРИКС) и для России, и для Бразилии не была чем-то искусственным, а стала развитием линии на усиление их роли в мировой экономике и политике и обеспечение благоприятных внешних условий для всестороннего развития»²⁶⁰. В то же время А.А. Жебит считает, что для России и Бразилии БРИКС – это источник «мягкой силы», влияющий на формирование современного мироустройства и имеющий четко выраженную ценностную составляющую: «не оспаривая рациональность экономистов, для которых БРИКС – это естественная для эмпирического осознания международной экономической действительности тестовая модель, хотелось бы сосредоточиться на других, менее осязаемых элементах конструкции политических феноменов современности, среди которых выделяются нормативные, ценностные и перцептивные атрибуты восприятия международной жизни, связанные не только и не столько с промышленным, торговым и финансовым аспектами БРИКС, а скорее с целым рядом альтернативных контекстов, а именно: причины формирования и деятельности международных коалиций; трансправительственные сети и транснациональный неофункционализм; новое постколониальное «южное» мышление. Рассмотрение этих аспектов представляется отнюдь не

²⁶⁰ Мартынов Б.Ф. Бразилия в формате БРИКС. // Свободная мысль, 2012, № 11, С. 19–28.

осложняющим, а, скорее, разъясняющим довольно неожиданное рождение и пока еще краткое бытие БРИКС»²⁶¹.

Бразилия стремится утвердиться в формирующемся новом мировом порядке в статусе державы, имеющей глобальные интересы и способной действительно влиять на создание международной повестки дня. Следовательно, психологическая и идеологическая поддержка этих устремлений Бразилии в условиях, когда она еще не укрепилась на международной арене в статусе глобальной державы, даст наиболее эффективный результат для российской внешней политики.

Применительно к сегодняшнему дню термин «мягкая сила» имеет различные, в том числе более расширенные, чем прежде, трактовки. В обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом В.В. Путиным 12 февраля 2013 года, «мягкая сила» характеризуется как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»²⁶².

При этом можно утверждать, что использование «мягкой силы» наряду с «жесткой силой» (а также их комбинации в виде «умной силы») присуще, в первую очередь, мировым державам и крупным региональным лидерам. Именно они являются субъектами применения «мягкой силы» в отношении других государств–участников международного общения в разных ипостасях: союзники, партнеры, конкуренты, соперники.

В сегодняшнем, быстро меняющемся, нестабильном и менее предсказуемом мире значение «мягкой силы» объективно возрастает. Касается это и российско-бразильских отношений. Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании к Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. подчеркнул, что «в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной,

²⁶¹ Жебит А.А. BRICS: перспектива глобального управления. // Латинская Америка, 2012, № 1, С. 36–50.

²⁶² Концепция внешней политики Российской Федерации. Код доступа: <http://www.mid.ru/bdcmp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f> п.20 (дата обращения 13.11.2013 г.).

ценностей гуманизма и разнообразия мира»²⁶³. В этом смысле возможности российской «мягкой силы» огромны и не лимитированы какими-либо цивилизационными ограничениями.

Наряду с традиционной дипломатией, активное задействование возможностей «мягкой силы» позволяет добиваться эффективных, а главное более долговременных результатов в деле обеспечения и продвижения национальных интересов. Это осознается все большим количеством государств, претендующих на роль мировых акторов: они стремятся не быть лишь объектами применения «мягкой силы», но и участвовать с ее помощью в формировании собственного положительного имиджа за рубежом и обеспечения геополитических позиций.

В последнее время в международном и российском научных сообществах ведутся активные дискуссии по поводу возрастания роли публичной дипломатии в современных мировых отношениях. В этой связи вполне закономерной выглядит поставленная Президентом России В.В. Путиным задача «эффективнее использовать ресурс публичной дипломатии, вовлекать гражданское общество во внешнеполитический процесс»²⁶⁴ в целях повышения эффективности и практической отдачи от внешней политики нашей страны.

В отличие от пропаганды, которую ведет государство и его официальные структуры (зачастую это понятие сопряжено с негативными моментами, связанными с дезинформацией и искажением фактов), публичная дипломатия рассматривается как распространение позитивных сведений, основанных на объективном положении дел. Соответственно эффект и результативность от нее могут быть гораздо больше и долгосрочнее, чем при использовании традиционных пропагандистских методов и приемов воздействия на официальную и общественную точку зрения.

Несмотря на относительно недавнее введение в научный оборот термина «публичной» или «общественной» дипломатии, отдельные элементы этого явления присутствовали на разных этапах внешнеполитической деятельности российского государства. С этой точки зрения представляет интерес опыт использования публичной дипломатии в отношениях нашей страны с Бразилией. В отдельные периоды эволюции двусторонних связей общественная дипломатия имела ряд особенностей, различную степень

²⁶³ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. Код доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения 17.12.2013 г.).

²⁶⁴ Указ о мерах по реализации внешнеполитического курса. 7 мая 2012 г. Код доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/15256>

интенсивности и охвата. Еще до установления официальных отношений с Бразилией в 1828 г. просматривались зачаточные признаки политики, которая впоследствии получила название публичной дипломатии. В ту пору русские первопроходцы посещали южноамериканские страны, включая Бразилию, с научно-познавательными и коммерческими целями. К представителям из России там относились весьма благожелательно. Это было связано с тем, что в отличие от англичан, французов, голландцев, испанцев и португальцев наши мореплаватели никогда не позиционировали себя в качестве колонизаторов, а торговые дела вели без алчности и жажды к наживе. Характерным было и человечное, миролюбивое отношение русских путешественников к местным аборигенам. Как отмечает один из ведущих отечественных специалистов по Бразилии, доктор исторических наук, профессор Б.Н. Комиссаров, представители нашей страны демонстрировали «гуманное отношение к бразильским индейцам, стремление интегрировать их в окружающий мир при сохранении основ аборигенных культур».²⁶⁵ Такие подходы могут вполне быть квалифицированы как первые проявления отечественной «мягкой силы» в Бразилии. В качестве реакции на них со стороны бразильцев показательными являются записки командира корабля «Благонамеренный» А.П. Лазарева, который констатировал: «... мы бываем везде принимаемы с особенной приязнью, какой никто из других наций не пользуется...»²⁶⁶. В качестве курьезного примера доброго отношения к русским людям можно привести выдержку из записки российского вице-консула П.П. Кильхена о «помощи, оказанной бразильским Императором русскому морскому офицеру, упавшему с лошади в Рио-де-Жанейро».²⁶⁷

После победы над Наполеоном русские стали пользоваться еще большей популярностью за границей, включая Бразилию. В донесении на сей счет генконсула России в Рио-де-Жанейро Г.И. Лангсдорфа сообщалось: «Да здравствует Император Александр! Да здравствуют храбрые русские! – восклицают все, знающие, что я русский»²⁶⁸.

К ряду убедительных примеров «старой» публичной дипломатии России в Бразилии можно отнести осуществление во внутренних районах этой страны в 1821-1828 гг. уникальной экспедиции во главе с тогдашним Генеральным консулом России в Рио-де-Жанейро Георгием Ивановичем

²⁶⁵ Фаусту Б. Краткая история Бразилии. / Комиссаров Б.Н. Предисловие. – М.: Весь мир, 2013, с. 20.

²⁶⁶ Комиссаров Б.Н. Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века. – Издательство Ленинградского университета, 1977, с. 10.

²⁶⁷ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 4820, л. 3–4 об., копия, фр. яз.

²⁶⁸ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 2600, л. 5, копия, фр. яз.

(Георгом Генрихом) Лангсдорфом с целью изучения местной флоры и фауны, проведения картографических работ. Итогом экспедиции, признанной в мире одним из весомых научных достижений XIX века, стало более 2 тыс. страниц рукописей, дневников, рисунков и карт. Считается, что исследования экспедиции Лангсдорфа до сих пор являются своеобразной «точкой отсчета» для бразильских геодезистов, антропологов, биологов и других специалистов.

В истории российско-бразильских отношений были сложные периоды, когда официальные связи прерывались. Так, в марте 1918 года Бразилия приостановила дипломатические отношения с Советской Россией.

В условиях отсутствия формальных отношений гуманитарные контакты с элементами публичной дипломатии оставались чуть ли не единственным каналом воздействия на умонастроения бразильских граждан, формирования у них соответствующего образа нашей страны.

В данном контексте исключительное значение принадлежит русскому классическому танцу. Кроме упомянутых в предыдущей главе русской балерине Марии Оленевой и Школе Большого театра в бразильском г.Жоинвилль, выдающийся вклад в преподавание и популяризацию в Бразилии отечественного балета внесли такие наши соотечественницы, как Татьяна Лескова и Евгения Федорова. Татьяна Юрьевна Лескова ²⁶⁹ (в прошлом году отметила 90-летний юбилей) является правнучкой нашего литературного классика Н.С. Лескова. Во время Второй мировой войны выступать в Европе было сложно, и основной творческой площадкой для многих артистов стали страны Латинской Америки. В 1944 г. очередные гастроли привели Татьяну Лескову в Рио-де-Жанейро. Балерина планировала поработать здесь полгода, а осталась на всю жизнь. За это время она организовала свою балетную студию, была балериной, а позже директором балетной труппы при Муниципальном театре г.Рио-де-Жанейро. Т.Ю. Лескова объездила практически весь земной шар как самостоятельная танцовщица и как хореограф. Но, пожалуй, ее главное достижение – подготовка более сотни талантливых учеников, которые продолжают нести высокое искусство бразильским и зарубежным зрителям. В 2010 г. в Рио-де-Жанейро состоялась презентация книги бразильской публицистки Сузаны Браги, посвященной жизни и творчеству этой живой легенды российско-

²⁶⁹ Т.Ю. Лескова родилась в Париже в 1922 г. (семья Лесковых эмигрировала после Октябрьской революции во Францию). Уже в юном возрасте Татьяна вошла в состав труппы Ballets Russes – наследницы легендарного «Русского балета Дягилева». Коллектив Ballets Russes был весьма востребован и гастролеровал по многим странам мира.

бразильского балета. Заметный след в развитии и пропаганде русской танцевальной школы в Бразилии оставили также Евгения Федорова²⁷⁰ и Ноэмия Эдельман²⁷¹. В условиях отсутствия дипотношений между СССР и Бразилией отечественная школа классического танца, как составляющая публичной дипломатии, оказывала уникальное благоприятное воздействие на умы и настроения бразильцев.

В плане эффективности отечественной публичной дипломатии в Бразилии является визит в эту страну летом 1961 г. первого космонавта планеты Юрия Алексеевича Гагарина (когда еще официальные отношения между нашими странами отсутствовали). Ю.А. Гагарин, находившийся в поездке на Кубе, получил приглашение прибыть в Бразилию по инициативе ее правительства. По описанию журналиста П. Барашева, самолет с Ю.А. Гагариным прилетел ночью на гражданский аэродром Рио-де-Жанейро, где советского «посла мира» ждали 120 тыс. человек. Вся дорога к аэропорту была забита людьми, которые размахивали транспарантами и портретами Гагарина... Неповторимая завораживающая улыбка Ю. Гагарина, его легкая простая манера общения покорили сердца жителей Рио-де-Жанейро. Через несколько дней самолет с первооткрывателем космоса приземлился в столице страны г. Бразилиа. Как только Ю.А. Гагарин вышел из самолета и сел в машину, бразильцы подняли автомобиль с ним и несли на руках до президентского дворца. Советский космонавт триумфально находился в Бразилии 2 недели. Он был награжден высшей бразильской наградой для

²⁷⁰ Е. Федорова начала свою артистическую карьеру в 6 лет в Киевском государственном театре. Во время Второй мировой войны юная балерина была вывезена в Европу для принудительных работ, затем вернулась в профессию на сценах различных балетных школ Германии, Бельгии, Италии. По приглашению хореографа бразильского Далалы Ашкар в 1954 г. она прибыла в Рио-де-Жанейро для преподавания классического танца. Некоторое время балерина была преподавателем-постановщиком в Муниципальном театре Рио-де-Жанейро. В ноябре 1959 г. в Муниципальном театре Рио был поставлен полноформатный спектакль «Лебединое озеро», а затем «Баядерка». Балетная академия Федоровой в 1961 г. была преобразована в Бразильский Фонд Балета, открывший множество талантов. Через руки Е.Федоровой прошли тысячи учеников, немалая часть которых стала признанными профессионалами. Обладательница десятков призов, премий и наград, почетная гражданка г.Рио-де-Жанейро (умерла в 2007 г. в возрасте 82 лет).

²⁷¹ Н. Эдельман, не являясь русской по происхождению (родилась в Бразилии в семье еврейского эмигранта из нашей страны), сумела пронести любовь и преданность исконно русской культуре через всю свою жизнь и творчество. Балетная труппа под началом Н. Эдельман с 1953 г. в течение 50 лет (до ее смерти в 2004 г.) ставила и исполняла на главных подмостках страны фольклорные танцы с использованием русских национальных костюмов. Талантливый балетмейстер, хореограф и педагог, она последовательно распространяла русскую танцевальную культуру в Бразилии, заслужив признание своих коллег из СССР и России, где она неоднократно бывала. Через ее школу прошло практически три поколения бразильских артистов.

пилотов «Крест заслуженного авиатора»²⁷². Гагарину, как и везде, задавали много вопросов. В частности, его спросили: как он лично может способствовать делу мира? Юрий Алексеевич ответил: «...Один человек ничего не может добиться в столь важном для всей планеты деле, как борьба за мир. В ней должны участвовать народные массы всех стран. Только тогда тучи войны будут развеяны навсегда»²⁷³. Примечательно, что уже 23 ноября 1961 г. между СССР и Бразилией были восстановлены дипломатические отношения. Можно предположить, что этому в немалой степени способствовало пребывание в Бразилии Ю.А. Гагарина, активное использование им приемов публичной дипломатии.

Как уже отмечалось выше, заметное оживление двустороннего политического диалога и расширение торгово-экономического сотрудничества произошло в 1980-ые годы XX века. В решающей степени это было обусловлено восстановлением в Бразилии в 1985 г. гражданской формы правления и началом демократических преобразований. К этому периоду относится учреждение Бразильско-советского общества дружбы «Убразус», при котором действовали курсы русского языка²⁷⁴. В деятельности «Убразус», как вспомогательном инструменте советской пропагандистской машины, во многом носившей формальный бюрократический характер, все же просматривались отдельные элементы публичной дипломатии, включая прямой выход на бразильскую общественность.

После распада СССР и установления непосредственно бразильско-российских отношений между нашими странами начался новый этап сотрудничества. Со второй половины 90-х годов Бразилия утвердилась в качестве ведущего делового партнера России в Латинской Америке. Был подписан целый ряд двусторонних документов о взаимодействии в политической, торгово-экономической, культурной, научной, образовательной и иных областях, осуществлен обмен визитами на высшем и высоком уровнях (в том числе визит российского премьера в Бразилию в 2001 г. и посещение России президентом Ф.Э. Кардозо в январе 2002 г.). Как отмечает Б.Н. Комиссаров, реакция российской общественности не заставила себя ждать. В 2002 г. были основаны региональные социальные организации «Общество дружбы, научного, культурного и делового сотрудничества с

²⁷² Воспоминания о зарубежных поездках Ю.А. Гагарина «Посол мира». Код доступа: <http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/rossoshan/fenomen-CD/fenomen4-2.html>

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Жебит А.А. О русской иммиграции и российской общине в городе и штате Рио-де-Жанейро. // Сборник «Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста» под редакцией д.и.н. проф. Комиссарова Б.Н., Санкт-Петербург, 2009 г., С. 15.

Бразилией (Москва) и «Общество содействия научным, культурным и деловым контактам с португалоязычными странами – «Фарол»²⁷⁵ (Санкт-Петербург). По сути, речь шла о появлении новых ростков российской публичной дипломатии в отношении Бразилии. Вместе с тем, их деятельность была в определенной степени формальной и имела ограниченный охват.

К публичной дипломатии того периода, очевидно, можно отнести и начало работы в Бразилии, по приглашению руководства местных вузов и научных центров, заинтересованных в привлечении зарубежных квалифицированных кадров, российских ученых и преподавателей. Большинство из них оказались здесь без государственного участия и спонсирования, по частной инициативе, занимаясь профессиональной деятельностью в таких бразильских городах, как Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Петрополис, Кампус-дус-Гойтаказес. Неся высокую науку в здешние специализированные организации и народные массы, российские физики, математики, конструкторы, инженеры, астрономы, врачи снискали и до сих пор пользуются заслуженным авторитетом и уважением.

В августе 1994 г. благодаря деятельности инициативной группы из представителей местной российской диаспоры, поддержанной российскими диппредставительствами в Бразилии, был учрежден Бразильско-российский институт культуры им. М.Ю. Лермонтова (ИКЛ),²⁷⁶ который также стал одним из проводников отечественной публичной дипломатии. В качестве приоритетов работы Института утвердились литературно-музыкальное и культурное просвещение, организация лекций, концертов, выставок и вечеров, посвященных памяти творчеству А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича и других российских классиков. Постепенно ИКЛ эволюционировал в один из основных центров притяжения для нашей диаспоры, завоевал популярность среди бразильской и российской общественности.

Важным направлением в продвижении отечественной публичной дипломатии в Бразилии является задействование российских

²⁷⁵ Комиссаров Б.Н. К вопросу о реконструкции российско-бразильских отношений в 1828–1889. // Латинская Америка, 2003, № 3, С. 56.

²⁷⁶ Президентом института был избран (ныне покойный) Жеова ди Арруда Камара, журналист, антрополог и музыкальный критик. В актив ИКЛ также вошли наши соотечественники Сержио Паламарчук, Александр Медведовский, представители местных культурных и артистических кругов Мириам Дауэлсберг, Наталия Тиндберг, Нелсон Меллу-дэ-Соуза, Анита Гордич, бывший посол Бразилии в СССР С.П. Ногейра.

неправительственных организаций (НПО). В последние годы в нашей стране сформировалось несколько десятков НПО, в том числе занимающихся международными проблемами. Среди них: Общественная палата, Совет по внешней оборонной политике, Центр политических исследований России, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, Российский совет по международным делам (РСМД), Фонд «Русский мир» и ряд других. Они, по мнению А.В. Лукина, реально представляют гражданское общество с его проблемами и запросами, гораздо лучше, чем государственные структуры, общаются с коллегами из-за рубежа...²⁷⁷

Имеются отдельные положительные примеры подключения российских НПО к публичной дипломатии в Бразилии. Так, на полях Международной конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (Рио-де-Жанейро, 13–22 июня 2013 г.) принял участие ряд российских общественных и неправительственных организаций, которые провели полезную работу по продвижению российских подходов к указанной проблематике и укреплению позитивного образа России в деятельности на природоохранном направлении.

Группа членов Общественной палаты (ОП РФ) Российской Федерации²⁷⁸ 13–18 июня 2012 г. участвовала в заседаниях Президиума Международной ассоциации экономических и социальных советов и схожих институтов (МАЭСССИ), а также в сессиях МАЭСССИ и «круглом столе» ОП РФ и МАЭСССИ.

Представители Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН), включая зампреда РАС ООН, завкафедрой ЮНЕСКО МГИМО (У) МИД России А.Н. Борисова, 18–22 июня 2012 г. подключились к работе по официальной программе форума «Рио+20».

Делегация Института Питирима Сорокина и Николая Кондратьева во главе с его президентом, доктором экономических наук, профессором Ю.В. Яковцом (в составе 14 человек) 13–19 июня 2012 г. приняла участие в

²⁷⁷ Лукин А.В. Публичная дипломатия. // Международная жизнь, 2013, № 3, С.81. Код доступа: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/29172846>

²⁷⁸ Общественную палату РФ представляли: ее секретарь Е.П. Велихов; 1-ый замсекретаря ОП М.В. Островский; председатель комиссии ОП по развитию гражданского общества и взаимодействию с общественными палатами субъектов Российской Федерации И.Е. Дискин; руководитель межкомиссионной рабочей группы ОП по международному сотрудничеству и общественной дипломатии, член комиссии по развитию гражданского общества и взаимодействию с общественными палатами субъектов Российской Федерации А.В. Соколов; директор Института устойчивого развития ОП В.М. Захаров; помощник руководителя аппарата ОП, начальник пресс-службы М.В. Рыклина; замначальника отдела международных связей аппарата ОП Я.Г. Колодин.

6-ом Цивилизационном форуме по тематике: «Долгосрочная стратегия устойчивого развития, основанная на партнерстве цивилизаций: концепции, программы и проекты».

Руководство общественной организации Ноосферная духовно-экологическая Ассамблея Мира – НДЭАМ (ее президент, доктор философии, заслуженный деятель культуры России Л.С. Гордина и еще три человека) 14–19 июня 2012 г. участвовало в рамках форума «Рио+20» в мероприятиях к 150-летию юбилею В.И. Вернадского, включая конференцию «Ноосферная парадигма развития мировой цивилизации в XXI веке. Глобальная стратегическая инициатива мирового гражданского сообщества».

Еще одной перспективной идеей в рамках реализации публичной дипломатии представляется формирование стратегического партнерства между парламентами России и Бразилии при участии гражданского общества и НПО. 21 июня 2012 г. в ходе саммита «Рио+20» состоялись встречи первого вице-президента Палаты депутатов Национального конгресса Бразилии Р. де Фрейтас и председателя Комитета по международным делам и национальной обороне нижней палаты парламента П. Алмейды с руководителем межрегиональной общественной благотворительной организации (МОБО) «Парус надежды» Л.Н. Зеленцовой. В ходе произошедшего обмена мнениями отмечалась целесообразность подключения гражданских обществ двух стран к стратегическому партнерству как на двустороннем уровне, так и в формате БРИКС. Участники переговоров условились предпринять совместные параллельные шаги в целях продвижения и конкретизации данного предложения. Важно, чтобы за «бортом» формирующегося на основе инициативы МОБО «Парус надежды» делового сотрудничества (под предлагаемым общим названием «Альянс стратегического партнерства БРИКС-НПО») не остались другие заинтересованные российские неправительственные организации, например, Общественная Палата Российской Федерации. В любом случае, главной «несущей конструкцией» будущего сотрудничества в этом измерении, очевидно, должен стать именно парламентский сегмент.

В этом же ключе следует рассматривать налаживающиеся контакты по линии Открытых правительств (ОП) России и Бразилии. В 2012 г. в г.Бразилиа состоялись рабочие поездки Министра РФ М.А. Абызова и других представителей российского ОП с целью налаживания взаимопольного обмена опытом с бразильскими коллегами в сфере содействия совершенствованию системы государственного управления. В центре внимания консультаций находились

вопросы взаимодействия власти с экспертным сообществом, развития НКО, внедрения концепции «Открытых данных» и другие темы.

Вместе с тем отмеченные выше контакты с участием общественных и неправительственных организаций двух стран носят пока спорадический характер, страдают отсутствием четко сформулированных задач и стратегии их реализации. В данном контексте представляется весьма важным анализ и обобщение имеющегося опыта в этой сфере, определение наиболее приоритетных направлений сотрудничества, включая поддержку «головных» российских организаций и НПО с целью перевода такой работы на плановую системную основу.

Трудно не согласиться с мнением А.В. Лукина о том, что в интересах активизации публичной дипломатии целесообразно по примеру других стран назначить должностное лицо или ведомство, которое координировало бы ее на общегосударственном уровне.²⁷⁹ В нашем случае стоило бы подумать над идеей наделения соответствующими полномочиями Россотрудничества. В пользу этого свидетельствуют и планы открытия в обозримом будущем в ключевых бразильских городах (сначала Сан-Паулу, затем Бразилиа и, возможно, Рио-де-Жанейро) российских центров науки и культуры, которые призваны стать передовыми постами распространения русского языка, культуры, традиций и т.д.

В отличие от России, в Бразилии становление «мягкой силы» связано с реконструкцией в стране гражданской формы правления после длительного периода военных режимов и началом демократических преобразований в середине 80-х годов прошлого столетия. Отдельные элементы, своего рода зачатки «мягкой силы», проявлялись во внешней политике Бразилии уже в первые годы обретения ею независимости от португальской метрополии (1822 г.), и особенно в постимперский период становления Республики (1889 г.). Приход в марте 1985 г. к власти конституционно избранного президента Ж. Сарнея ознаменовался пересмотром прежней линии и «разворотом» Бразилии к СССР. При этом говорить о реальном появлении первых ростков «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности Бразилиа можно лишь во время президентства Фернанду Энрике Кардозо (1995–2002 гг.). Более четкие очертания бразильская «мягкая» дипломатия стала приобретать в период правления президента Л.И. Лулы да Силвы (2003–2010 гг.) и его

²⁷⁹ Лукин А.В. Публичная дипломатия. // Международная жизнь, 2013, № 3, С. 85. Код доступа: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/29172846>

последовательницы на посту главы государства Д. Роуссефф (с 2011 г. по настоящее время).

Бразильская исследовательница и политолог Анна Лусиа Гедес, говоря о применении «мягкой силы» во внешней концепции Бразилии, дает следующую характеристику: «...Ф.Э. Кардозо отдавал себе отчет в стратегических и экономических ограничениях Бразилии, в отличие от Лулы, который игнорирует или недооценивает структурные ограничения, например, бюджета и сокращение числа военнослужащих. Пример этому – Африка, – Кардозо ограничивался тем, что поддерживал политику сотрудничества с этим регионом и не совершал поспешных действий, в то время как Лула перешел к активной политике солидарности. ... разница заключается в позиции принимать мир таким, какой он есть – в случае с Кардозо и, напротив, изменить мир – в случае с Лулой».²⁸⁰

Публичная дипломатия Бразилии постепенно пробивает себе дорогу. Концепция внешней политики Бразилии до сих пор находится в стадии разработки. Хотя, по имеющимся данным, в готовящемся документе будут отражены общие задачи по применению общественной дипломатии и «мягкой силы». В другом, весьма объемном (свыше трехсот страниц), труде, т.н. директивных направлениях развития дипломатической деятельности Бразилии, данная тематика затрагивается вскользь. При этом в последние годы в ряде научных статей и публикаций бразильских политологов, дипломатов и ученых все чаще делаются ссылки на публичную дипломатию и «мягкую силу», актуальность их использования при продвижении национальных интересов и укреплении имиджа страны. Так, бразильский политолог Миорандо Бернардо Сфредо в своей работе признает, что «у Бразилии есть огромный потенциал в плане развития публичной дипломатии, которая способна все больше применять «мягкую силу» в формировании международной роли страны. Считается, что опыт первого периода правления экс-президента Лулы [2003-2006 гг. – А.Б.] может продемонстрировать, что Бразилия находится в той ситуации, когда она может извлечь значительные преимущества от применения прочной публичной дипломатии. Следует, однако, обратить внимание на предположение о том, что существуют различные инициативы бразильской публичной дипломатии, которые не рассматриваются с надлежащей серьезностью, поскольку не признается их реальная важность... в отличие от

²⁸⁰ Guedes A.L. A aplicação do conceito de «poder brando» na política externa brasileira. S.l., 2005, p. 81. Код доступа: <http://bibliotecadigital.fgv.br/dspace/bitstream/handle/10438/3552/ACFC3.pdf?sequence=1> (дата обращения 13.06.2014г.).

других сфер, не существует единой объективной и консолидированной политики по продвижению образа Бразилии в глазах иностранной общественности. Публичная дипломатия является молодым понятием, а потому заслуживает дополнительного обсуждения, так как литературы по данному вопросу мало, особенно в Бразилии»²⁸¹.

Авторский коллектив в составе Карлуша Аурелио Пименты де Фариа и Жоаны Лауры Маринью Ногейры отмечает ощутимое расширение публичной дипломатии в период правительства Лулы не только с точки зрения проецирования образа страны за рубежом, но и в плане популяризации задач национальной внешней политики внутри страны. Именно второй аспект бразильской публичной дипломатии они ассоциируют «с созданием специального канала МИД Бразилии на видеохостинге youtube (<http://www.youtube.com/mrebrasil>), где имеется доступ к видео и аудио-программам, интервью главы бразильского внешнеполитического ведомства, других дипломатов и представителей официальных властей по тематике внешней политики»²⁸². В данном же контексте примечательным является тезис одного из патриархов отечественной латиноамериканистики и бразилианистики Б.Н. Комиссарова: «Внедряя технологии в сфере телекоммуникаций и информатики, Бразилия совершила прорыв в области освоения космоса, создала собственный спутник, добилась существенных результатов в реализации таких проектов, как «бразильский геном», «электронная модель государства» и др.»²⁸³

Публичная дипломатия Бразилии находится в постоянной динамике, приобретает новые моменты и форматы на основе имеющихся наработок. Это в полной мере относится и к пока что находящейся в стадии становления бразильской «мягкой силе». Как подчеркивает Л.С. Окунева, «современная история Бразилии демонстрирует преемственность и поступательность, каждый новый ее поворот отталкивается от уже сделанного; достижения

²⁸¹ Miorando B.S. *Diplomacia pública no Brasil: estudo sobre a imagem internacional brasileira*. – Brasil, 2010. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://www.lume.ufrgs.br/bitstream/handle/10183/28388/000770422.pdf?sequence=1>

²⁸² Pimenta de Faria C.A., Marinho Nogueira J.L. *Coordenação intragovernamental para a implementação da política externa brasileira*. 2012, pag. 3. Код доступа: http://www.scielo.br/scielo.php?pid=S0011-52582012000100005&script=sci_arttext (дата обращения 15.11.2013 г.).

²⁸³ Фаусту Б. *Краткая история Бразилии*. / Комиссаров Б.Н. Предисловие. – М.: Весь мир, 2013, с. 10.

предшественников не отбрасываются «за ненадобностью», а служат базой для нового восхождения».²⁸⁴

Публичная дипломатия Бразилии продолжает развиваться и после 2011 г. при новом президенте Д. Роуссефф, которая стала первой президентом-женщиной в истории страны. Через научно-исследовательские центры, общественные и неправительственные организации Бразилия позиционируется как один из лидеров развивающихся экономик, государство, ратующее за устойчивое развитие, сочетающее сбалансированный экономический рост с охраной окружающей среды. Все большее число сторонников, особенно среди латиноамериканских соседей, завоевывает прагматическая (по сути, социал-демократическая) модель развития Бразилии, демонстрирующая приемлемые экономические показатели при реализации социально ориентированных программ.

Применительно к бразильской публичной дипломатии в отношении России наиболее распространенными формами ее использования являются различные общественно-политические и культурные мероприятия, включая демонстрацию в нашей стране широко известных бразильских телевизионных сериалов²⁸⁵, организацию фестивалей современного бразильского кино²⁸⁶, выставок живописи и т.д. К публичной дипломатии Бразилии, очевидно, можно отнести и такие бразильские явления, как всемирно известный и набирающий с каждым годом большую популярность (в том числе среди россиян) Карнавал, а также футбол. В последние годы несколько маститых бразильских футболистов с успехом выступают в российской футбольной Лиге²⁸⁷. В нашей стране имеется немало поклонников бразильского футбола, даже есть объединение фанатов самой

²⁸⁴ Фаусту Б. Краткая история Бразилии. / Окунева Л.С. История Бразилии продолжается. Вместо послесловия. – М.: Весь мир, 2013, с. 437.

²⁸⁵ Бразильские теленовеллы snискали в нашей стране огромную популярность с выходом на телеэкраны в 1988 г. широко известного сериала «Рабыня Изаура». После этого около двадцати бразильских телевизионных саг приковывали внимание российских телезрителей.

²⁸⁶ С 9 по 15 октября 2013 г. в московском кинотеатре «35 мм» в шестой раз подряд прошел фестиваль бразильского кино. В программу кинофестиваля вошли девять картин о семье, музыке и жизни современных бразильцев. Код доступа: <http://kino-ccsr.net/news/2013-10-09-61> (дата обращения 19.11.2013 г.).

²⁸⁷ Речь идет о Вагнере Лаве, который в 2004-2011 гг. играл в качестве форварда за московский ЦСКА. С 2009 г. другой бразильский футболист Рафаель Кариока из команды «Васко да Гама» (г.Рио-де-Жанейро) выступает за «Спартак» (г.Москва), а с 2010 г. голкипер кариокского «Флуминенсе» Маркес Майкон защищает цвета московского «Локомотива». В 2011 г. с популярным футболистом Роберто Карлосом подписал контракт клуб «Анжи» (г.Махачкала), за который он играл в качестве левого защитника и являлся капитаном команды.

популярной в Рио-де-Жанейро команды «Фламенго», организовавших специальный сайт. И это, безусловно, тоже одно из проявлений бразильской публичной дипломатии.

В последние годы в ряде научных работ и публикаций бразильских экспертов довольно часто делаются ссылки и на «мягкую силу». Так, экс-министр иностранных дел Бразилии С. Аморим в 2013 г. в одной из статей отмечал: «Не существует никаких сомнений, что миролюбивая внешняя политика служит интересам Бразилии. Страна использует свой статус для укрепления мира и сотрудничества в Латинской Америке и во всем мире. Ее конструктивные подходы основаны на фундаментальных ценностях демократии, социальной справедливости, экономического развития и охраны окружающей среды. Уникальная способность Бразилии продвигать эти идеалы является важным инструментом ее «мягкой силы» и выражается в широкой международной поддержке, которая позволила бразильцам войти в ряды руководителей международных организаций, таких как Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) и Всемирная торговая организация (ВТО)».²⁸⁸

Бразильский политолог АLINE ПАВАН ДУС САНТУС идет дальше в конкретизации национальной идеи «мягкой силы», отмечая следующее: «Посредством анализа внешней политики и действующей конъюнктуры, будут определяться атрибуты, присущие «мягкой силе» в модели международной деятельности Бразилии, например, предоставление государственной помощи международному сообществу, выбор в пользу многосторонних решений, формирование привлекательной повестки дня, которая бы включала такие вопросы, как защита прав человека, демократия и возможность индивидуальных доходов».²⁸⁹

Надо признать, что наиболее зримо политика «мягкой силы» проявляется в деятельности Бразилии в различных региональных и международных организациях. Консолидируя свои позиции в качестве общепризнанного южноамериканского лидера, одного из ведущих игроков в мировой политике, сильного кандидата в постоянные члены Совета безопасности ООН, Бразилиа активно использует потенциал «мягкой силы» в продвижении интеграционных процессов и своих подходов в различных

²⁸⁸ Amorim C. Robustecendo o poder brando do Brasil. Код доступа: <http://www.project-syndicate.org/commentary/a-more-robust-defense-policy-for-brazil-by-celso-amorim/portuguese> (дата обращения 13.06.2014 г.).

²⁸⁹ Pavan dos Santos A. Inserção internacional do Brasil: o «poder brando» e a política externa do governo Lula. Код доступа: <http://www.feneri.org.br/pub/insercao-internacional-do-brasil-o-poder-brando-e-a-politica-externa-do-governo-lula.pdf> (дата обращения 14.06.2014 г.).

многосторонних структурах и региональных объединениях. В первую очередь, речь идет о МЕРКОСУР, УНАСУЛ, БРИКС, «Группе 20».

Прочным фундаментом и «сильной стороной» «мягкой силы» Бразилии являются принципиальные, непреходящие ценности бразильской дипломатии, сформулированной еще во времена правления Ф.Э. Кардозо (1995–2002 гг.) как «конструктивная умеренность». По сути, речь идет об умении добиваться своих целей на международной арене путем ограничения и сдерживания необузданных и несоизмеримых амбиций других государств. Экс-министр иностранных дел Селсу Лафер (в правительстве Кардозо) подчеркивал, что стиль «конструктивной сдержанности» «вписывается в стремление международного сообщества ограничить притязания «политики силы» посредством дипломатии и права».²⁹⁰ Такой концептуальный подход служит основой бразильской «мягкой силы», придавая ей глубокую основательность и дополнительную уверенность в правоте.

При углубленном анализе особенностей «мягкой силы» Бразилии можно выявить ее некоторые слабые или уязвимые места, которые чреваты не только снижением отдачи в продвижении позитивного образа страны за рубежом, но и эффективности самой «мягкой силы». Речь идет о сохраняющихся в стране острых социальных проблемах, крайней бедности, которые побуждают различные неформальные организации, профсоюзные и студенческие объединения – как важных трансляторов «мягкой силы» – к проведению различного рода антиправительственных манифестаций и актов гражданского неповиновения. В этой связи Л.С. Окунева подчеркивает, что «нерешенность социально-экономических проблем представляет собой серьезную угрозу демократическим завоеваниям, а углубление социального неравенства не только не приближает к «цивилизованности», но, напротив, отдаляет от нее. ... только такое взаимопереплетение «экономического» и «социального» рассматривается как единственное средство, способное укрепить демократию в Бразилии и вывести страну на новое место в трансформирующейся мировой экономике, в глобализирующемся мире в целом».²⁹¹ Подобные ограничители национальной «мягкой силы» наглядно проявились во время проведения в Бразилии в июне 2013 г. Кубка конфедераций по футболу, во время которого имели место массовые

²⁹⁰ Лафер С. Постоянные направления внешней политики Бразилии с начала XX века. // Латинская Америка, 2011, № 6, с. 21.

²⁹¹ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008, с. 773.

антиправительственные выступления с критикой социально-экономической политики федеральных и региональных властей, чрезмерных расходов госбюджета на проведение различных международных, в том числе спортивных, мероприятий, а также против коррупции и полицейского произвола. Указанные акции протеста сопровождались актами вандализма и столкновениями манифестантов с полицией, которая была вынуждена применять водометы, слезоточивый газ и резиновые пули. Обратили на себя внимание прошедшие по всей стране 20 июня 2013 г. масштабные манифестации, в которых приняли участие порядка 2 млн человек в 430 городах страны. Только в г. Рио-де-Жанейро в этот день собралось около полумиллиона манифестантов, наиболее агрессивно настроенная часть которых устроила погромы магазинов, банков, государственных и коммерческих учреждений. Вследствие этих событий несколько человек было убито и ранено, городу был нанесен значительный материальный ущерб. Бразильское правительство, как можно судить, сделало необходимые выводы, и уже в период проведения Чемпионата мира по футболу в Бразилии в июне–июле 2014 г. ему удалось не допустить народных беспорядков, обеспечить спокойную и безопасную реализацию этого крупного мероприятия (в том числе путем серьезной профилактической и упредительной работы в социальной сфере, а также действий по «нейтрализации» активистов протестного движения).

Опыт использования Бразилией политики «мягкой силы» имеет важное значение не только с точки зрения обеспечения национальных интересов, но и в латиноамериканском региональном измерении. От того, насколько успешной (или неудачной) окажется бразильская практика применения «мягкой силы», во многом зависят перспективы задействования странами ЛАКБ ее примера. Это еще одна важная составляющая и «крепкая» сторона бразильской «мягкой силы». Нельзя не согласиться с Л.С. Окуновой, которая подчеркивает, что «и сами бразильцы – и обычные граждане и политологи... и те, кто бросает на нее «взгляд извне», – прежде всего зарубежные... исследователи-бразилианисты, которые изучают явления и процессы, определяющие имидж и векторы эволюции этого государства, – все они едины в одном: «куда пойдет Бразилия, туда пойдет и вся Латинская Америка».²⁹² При этом вовсе не обязательно, что латиноамериканские соседи будут слепо копировать «мягкие» достижения южноамериканского «гранда»:

²⁹² Окунова Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008, с. 772.

у каждой из стран ЛАКБ найдутся свои особенности и преимущества, включая такие популярные и востребованные в мире маркетинговые образы, как, например, чилийское «экономическое чудо», Панамский межокеанский канал, аргентинское танго, эквадорские живые цветы, колумбийские изумруды, эксклюзивные туристические направления (мезоамериканские пирамиды в Мексике, руины древнего города Мачу-Пикчу в Перу, чилийский остров Пасхи, эквадорские Галапагосские острова, боливийское озеро Тикикака и т.д.). В этом отношении Л.С. Окунева считает, что воздействие Бразилии не обязательно должно проявляться в «копировании» «бразильской модели» странами «ближнего латиноамериканского зарубежья» (хотя латиноамериканские соседи Бразилии никогда не могли абстрагироваться от того, что происходит «внутри гиганта»)²⁹³.

Исходя из концептуальной установки бывшего президента Л.И. Лулы да Силвы о необходимости применять все формы интеграции, которые бы укрепляли историческое, социальное и культурное своеобразие страны, Бразилия, по мнению исследователей Л. Бижос и В. Арруды, должна использовать «мягкую силу» «в формировании регионального лидерства, выполняя роль главного актора в регионе, за счет финансирования Национального банка экономического и социального развития для проведения работ в области инфраструктуры в других странах. В поиске лидерства в регионе с целью достижения своих глобальных интересов Бразилия находится во главе миротворческих сил ООН на Гаити, направляет финансовые ресурсы на цели развития и социальные проекты, подготавливает свои военные силы, стремясь ориентировать основополагающие принципы бразильской внешней политики на международную обстановку, что принесет ей большие результаты и конкретные преимущества для общества.»²⁹⁴

В целом, резюмируя современное состояние и перспективы развития российско-бразильских отношений и роль «мягкой силы» в этом процессе, можно констатировать, что возможности российской публичной дипломатии на бразильском и, в целом, южноамериканском направлениях, к сожалению, востребованы далеко не полностью, при очевидной значимости и перспективности потенциала. Предстоит существенная работа по

²⁹³ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008, с. 772.

²⁹⁴ Bijos L., Arruda V. A diplomacia cultural como instrumento de política externa brasileira. // Revista Dialogos. – Vol. 13, no. 1, 2010. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://portalrevistas.ucb.br/index.php/RDL/article/viewFile/2912/1824>

определению оптимального формата и алгоритма действий по реализации российских интересов в Бразилии через ресурсы публичной дипломатии и «мягкой силы» в целом. Более активное задействование этих инструментов дипломатии могло бы гармонично дополнить общегосударственные усилия по продвижению российских позиций в этом ведущем латиноамериканском государстве, стать ориентиром, своего рода «пилотной» программой для политики России в отношении других стран Южной Америки.

III. «Мягкая сила» как инструмент продвижения российских интересов в Бразилии.

3.1. Современные концепции развития российско-бразильских отношений с помощью инструментов «мягкой силы».

На современном этапе мирового развития представляется правомерным говорить, что «мягкая сила» России в отношении Бразилии реализуется на двух внешнеполитических уровнях, каждый из которых диктует собственный формат ее применения: глобальном (стратегическом), на котором Россия и Бразилия выступают с консолидированной позицией в ООН по ряду актуальных вопросов современности, и региональном (тактическом), когда обе страны выстраивают партнерские отношения в рамках созданных по их инициативе региональных организаций, объединений и форумов: БРИКС, Г-20 и т.д. В данном контексте Л.С. Окунева справедливо указывает, что «еще с начала XX века, со времен основоположника современной бразильской дипломатии барона ди Риу-Бранку, Бразилия в своей международной политике постоянно преследует две цели: укрепление позиций на региональном уровне... и «вхождение в концерт великих держав».²⁹⁵ С тех пор в мире и в самой Бразилии многое изменилось, но эта двуединая внешнеполитическая стратегия сохранилась.

В нынешних условиях на глобальном уровне наши страны задействуют ресурсы традиционной дипломатии, подкрепляя ее усилия возможностями публичной дипломатии и мнением международного сообщества, испытывающего на себе «мягкую силу» российско-бразильского альянса. На региональном уровне, в рамках разворачивающегося между Россией и Бразилией многопланового сотрудничества, помимо прочих, широко

²⁹⁵ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008, с. 8.

используются различные схемы прямого взаимодействия между правительственными структурами, службами и органами двух стран, осуществляемые под руководством этих структур – чиновников различного уровня: речь идет о регулярных консультациях по линии МИД, о встречах высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, проходящих под эгидой Совета Безопасности РФ, в которых, помимо стран-участниц БРИКС, ШОС, ЕвразЭС, принимают также участие официальные лица едва ли не всех стран мира. Эти направления взаимодействия на уровне руководителей компетентных органов обеих стран, носящие регулярный характер, становятся эффективными средствами распространения российской «мягкой силы», едва ли не более важными, чем каналы российской публичной дипломатии.

На стратегическом уровне концепция российской «мягкой силы» в Бразилии определяется степенью совпадения и согласования национальных интересов двух государств, порождающих точки соприкосновения и сотрудничества, формирующие мотивы к сближению, общие векторы и направления внешней политики, стимулирующие выработку согласованной международной повестки дня и открывающие каналы для культурного влияния. На тактическом и операционном уровнях облик российской «мягкой силы» в Бразилии определяется, прежде всего, форматом двусторонних российско-бразильских отношений, той самой формулой «стратегического партнерства», которую Россия и Бразилия стремятся реализовать на практике, привлекая для этого различный инструментарий, включающий традиционную дипломатию и «мягкую силу». Характер стратегического партнерства между двумя странами зависит от совпадения интересов, целей, которые становятся реальными при поддержке и опоре на ресурсы друг друга. Однако в таком формате двусторонних отношений приходится констатировать, что «мягкая сила» России эффективна только в тех направлениях, в которых она соответствует истинным политическим устремлениям государства и его властных элит.

Вместе с тем следует отметить, что как в России, так и в Бразилии полностью не сформулирована концепция «мягкой силы», а ее инструментарий еще не прошел все этапы своей институализации. Поэтому строго можно говорить лишь о проектах теории «мягкой силы», отдельных ее концептуальных элементах, фрагментах институционального дизайна, которые, несомненно, в российско-бразильских отношениях присутствуют уже в большей мере. На официальном уровне формат «мягкой силы»

вырабатывается в ходе взаимодействия стран-членов БРИКС по линии министерств и организаций, курирующих вопросы внешней политики, безопасности, экономики, которые необходимо всячески поддерживать и интенсифицировать.

Бразилия – один из приоритетных партнеров России на международной арене. По мнению Л.С. Окуневой, «это значение вытекает из целого ряда объективных реалий: неординарности страны, ее размеров («страна-гигант», «страна-континент»), ее роли в мировых делах», а также тем, что «эта страна, устремленная в будущее».²⁹⁶ Российско-бразильское сотрудничество имеет многоуровневый, долгосрочный и стратегический характер, что вносит значимый вклад в формирование облика российской концепции «мягкой силы». В последние годы активно развивается политический диалог между нашими государствами, в том числе на высшем и высоком уровнях, растет степень его доверительности, являющейся неременным условием «мягкого силового воздействия» в двусторонних отношениях. Регулярными стали встречи для «сверки часов» руководителей внешнеполитических ведомств России и Бразилии. Так, только на протяжении 2012 г. состоялись встречи Президентов России и Бразилии на полях саммитов БРИКС в г.Нью-Дели (29 марта) и Г-20 в г.Лос-Кабос (19 июня). 21 июня 2012 г. в г.Рио-де-Жанейро в рамках Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев встретился с Вице-президентом Бразилии М. Темером. Логичным продолжением этой тенденции стала встреча лидеров России и Бразилии в ходе саммита Г-20 в Санкт-Петербурге 5–6 сентября 2012 года.

13-15 декабря 2012 г. состоялся первый официальный визит в Россию действующего Президента Бразилии Д. Роуссефф, в ходе которого прошли ее встречи с Президентом В.В. Путиным и Председателем Правительства Д.А. Медведевым. 20–21 февраля с.г. для участия в VI заседании Российско-Бразильской Комиссии высокого уровня по сотрудничеству (КВУ) Д.А. Медведев посетил Бразилию. 26 сентября 2012 г. на полях 67-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке прошла встреча министров иностранных дел России и Бразилии С.В. Лаврова и А. Патриоты. 11 июня 2013 г. состоялся рабочий визит в Бразилию (г.Рио-де-Жанейро) Министра иностранных дел России С.В. Лаврова.

²⁹⁶ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008, с. 772.

В ходе визита в Россию Президента Бразилии Д. Роуссефф в декабре 2012 г. был подписан План проведения политических консультаций между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Федеративной Республики Бразилии в 2013–2015 годах.

13–16 июля 2014 г. Президент России В.В. Путин находился с официальным визитом в Бразилии. 13 июля 2014 г. он посетил г. Рио-де-Жанейро, приняв участие на торжественной церемонии закрытия Чемпионата мира по футболу 2014 года, по окончании которой Россия приняла эстафету проведения футбольного Кубка мира в 2018 году (что можно квалифицировать как еще одно свидетельство проявления «мягкой силы» в отношениях между Россией и Бразилией). 14 июля прошел визит главы нашего государства в г. Бразилиа, где состоялись двусторонние переговоры с его бразильской коллегой Д. Роуссефф и был подписан ряд документов о сотрудничестве в различных областях. Продолжение визита В.В. Путина состоялось в г. Форталеза для участия в VI саммите стран БРИКС, по итогам которого были приняты: Форталезская декларация, Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между экспортно-кредитными агентствами стран БРИКС, Соглашение о сотрудничестве в области инноваций, Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС, Соглашение о создании Нового банка развития БРИКС (с начальным капиталом в 100 млрд долл. США). Достигнутые договоренности, как представляется, заметно укрепят на практике экономическую составляющую сотрудничества в рамках БРИКС и являются внятным ответом стран объединения на новые вызовы в условиях сохраняющихся кризисных явлений в мировой экономике и финансах. Кроме того, 17 июля 2014 г. в г. Бразилиа с успехом прошла встреча лидеров стран БРИКС с руководителями ряда южноамериканских государств, в ходе которой обсуждались перспективы наращивания взаимодействия между ними, в том числе в торгово-инвестиционной сфере. На полях саммита Президент России провел двусторонние встречи с президентами Перу, Чили, Колумбии, Венесуэлы, Боливии и Уругвая. Состоявшийся в Бразилию визит В.В. Путина можно считать уникальным, поскольку он позволил в короткий период времени гармонично совместить несколько форматов встреч и переговоров (двусторонний, региональный и межрегиональный) при достижении субстантивных практических результатов.

Вызывает удовлетворение, что Бразилия уделяет значительное внимание регулярным международным контактам под эгидой Совета

Безопасности России, которые, на наш взгляд, являются эффективным механизмом взаимодействия по проблематике новых вызовов и угроз в двустороннем и многостороннем форматах²⁹⁷. Делегацию Бразилии на IV международной встрече высоких представителей в данной сфере возглавлял Министр-Руководитель Кабинета конституционной безопасности при Администрации Президента Федеративной Республики Бразилии Жозе Элито Карвальо Сикейра. В состав делегации также входил Генеральный директор Бразильского разведывательного агентства Вилсон Роберто Трезза²⁹⁸.

Для современной России принципиально важным является дальнейшее углубление сотрудничества с Бразилией по противодействию международному терроризму, незаконному производству и обороту наркотиков, транснациональной организованной преступности, а также по обеспечению глобальной информационной безопасности, в том числе в рамках специализированных механизмов ОАГ – СИКТЕ (Межамериканского комитета по борьбе с терроризмом) и СИКАД (Межамериканской комиссии по контролю за злоупотреблением наркотиками). В этой связи особое значение имело участие представителя Бразилии во впервые прошедшей в Москве XXX Международной конференции правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, в ходе которой были подведены итоги и дана оценка тридцатилетней деятельности правоохранительных органов стран-участниц конференции. Открывал форум председатель Государственного антинаркотического комитета, директор ФСКН России В.П. Иванов, в июле 2012 г. осуществивший результативный визит в Бразилию. В свою очередь на XXX Международной конференции правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков бразильскую сторону представлял Генеральный координатор политики по борьбе с наркотиками департамента Федеральной полиции, делегат Федеральной полиции Сезар Луис Бусто ди Соуза. Примечательно, что обоюдодополнительное антинаркотическое сотрудничество между нашими странами продолжает успешно развиваться. Так, 16–18 июля 2014 г. в г. Рио-де-Жанейро с рабочим визитом находился директор ФСКН В.П. Иванов. Российская делегация провела консультации и обмен мнениями с секретарем (министром) правительства штата Рио-де-Жанейро по предупреждению наркозависимости Шейлой Абел де Мелло, вице-префектом (вице-мэром) г. Рио-де-Жанейро Адилсоном Пиресом, представителями руководства

²⁹⁷ IV Международная встреча высоких представителей, курирующих вопросы безопасности. Владивосток. 2-4 июля 2013 г. М.: ФГУП Издательство «Известия», 2013, с. 248.

²⁹⁸ Там же.

Федеральной полиции Бразилии. 17 июля с.г. в российском генконсульстве в Рио-де-Жанейро состоялась пресс-конференция В.П.Иванова с участием журналистов и корреспондентов российских и зарубежных масс-медиа по вопросам международного сотрудничества в борьбе с наркотиками, в т.ч. в формате БРИКС (с учетом итогов VI саммита БРИКС в Форталезе²⁹⁹).

Россия рассчитывает на интенсификацию совместной работы по борьбе с распространением наркотиков и их прекурсоров, учитывая тот факт, что, согласно имеющейся информации, героин из Афганистана, с территории которого исходит главная наркоопасность для России, стал появляться на «черных рынках» латиноамериканского континента. Между Россией и Бразилией уже действует межправительственное Соглашение о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и злоупотребления ими от 11 октября 1994 года. Это особенно важно, поскольку через Бразилию пролегает один из основных маршрутов транзита наркотиков из Латинской Америки в Европу и португалоязычные страны Африки (около 70% перевозок потребляемого в мире кокаина).

В условиях нарастающей активности международной организованной преступности для России становится жизненно важным углубление взаимодействия между правоохранными органами и спецслужбами обеих стран, особенно в области развития и совершенствования методов борьбы с терроризмом и способов обеспечения безопасности во время крупных спортивных мероприятий (чемпионаты мира по футболу ФИФА в Бразилии в 2014 г. и в России в 2018 г., зимние Олимпийские игры в Сочи в 2014 г. и летняя Олимпиада в Рио-де-Жанейро в 2016 г.).

Сегодня на передний план все больше выходит задача перекрытия финансовых потоков, подпитывающих террористическую и преступную деятельность. Очевидно, что и здесь имеется неплохой потенциал для продвижения партнерского диалога, в том числе по линии Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и группы «Эгмонт», членами которых являются наши страны. Кроме того, Россия и Бразилия имеют хорошую базу для двустороннего сотрудничества в сфере противодействия отмыванию денег – межведомственное соглашение

²⁹⁹ По данным сайта генконсульства России в Рио-де-Жанейро. Код доступа: <http://www.consrio.mid.ru/news.html>

Росфинмониторинга и Подразделения финансовой разведки (ПФР) Бразилии (Парижское соглашение 2008 года)³⁰⁰.

В интересах укрепления собственного ресурса «мягкой силы» Москве и Бразилиа было бы важно наращивать усилия в борьбе с международным криминалом, включая киберпреступность, сообща противостоять коррупции и отмыванию денег, активнее задействовать совместный потенциал на антинаркотическом треке, в противодействии международному терроризму и пиратству на море. Не случайно именно в рамках БРИКС, в котором ведущую роль играют Россия и Бразилия, создан механизм встреч высоких представителей по вопросам безопасности. Первая встреча состоялась в Москве 29 мая 2009 г., с российской стороны в ней принял участие секретарь Совета Безопасности Н.П. Патрушев. Вторая встреча была приурочена к саммиту БРИК в Бразилии 15 апреля 2010 года.³⁰¹ 10 января 2013 г. в Нью-Дели состоялись первые отдельные консультации высоких представителей БРИКС, курирующих вопросы безопасности. Проводимый в такой форме диалог по актуальным проблемам международной и региональной безопасности позволяет России и Бразилии своевременно координировать позиции, повышает эффективность взаимодействия, осуществляемого по линии профильных ведомств, и, самое главное, способствует росту доверия между всеми партнерами по объединению. Это в свою очередь является косвенным результатом эффективного действия российской «мягкой силы».

В итоге в российско-бразильских связях объективно наблюдается высокая поступательная динамика развития двусторонних отношений стратегического партнерства, что связано с активизацией доверительных политических контактов, прежде всего, на высшем и высоком уровнях, а также проведением важных мероприятий в рамках действующей многопрофильной системы двусторонних механизмов взаимодействия. Кроме того, в результате воздействия «мягкой силы» по каналам регулярных встреч высоких представителей происходит обоюдное понимание необходимости дальнейшего продвижения стратегического партнерства между нашими государствами.

Российская «мягкая сила» опирается на ресурсы и каналы культурного влияния, сложившиеся исторически и являющиеся проводником отечественной «мягкой силы» – торгово-экономическое сотрудничество,

³⁰⁰ IV Международная встреча высоких представителей, курирующих вопросы безопасности. Владивосток. 2–4 июля 2013 г. М.: ФГУП Издательство «Известия», 2013, с. 248.

³⁰¹ II Международная встреча высоких представителей, курирующих вопросы безопасности. Сочи. 5–6 октября 2010 г. М.: ФГУП Издательство «Известия», 2010, с. 260.

культурные и гуманитарные связи, публичная дипломатия. Значительные достижения отмечены в области литературы, кинематографа, балета: идет активное взаимопроникновение двух культур, сближающее и обогащающее духовный потенциал двух стран, формирующее прочный фундамент для межцивилизационного диалога и сотрудничества. Бразильцы учатся понимать евразийскую культуру России, ее менталитет и идентичность, которые по своей многомерности (в этническом самосознании, в религиозном плане и т.д.) весьма близко сходны с идентичностью полиэтнической бразильской нации, которой на основании именно фактора культурно-цивилизационного многообразия удалось создать уникальную модель многонациональной и многорасовой демократии, поддерживаемой инструментами «мягкой силы». В данном контексте уместно привести мысль Л.С. Окуновой о том, что «в этом влиянии [Бразилии – А.Б.] всегда были политический климат, духовная атмосфера, социальные теории, привнесившие на арену идейных поисков новые качества осмысления действительности. В огромной степени это воздействие возросло в эпоху современной глобализации».³⁰²

Вместе с тем российская внешняя политика в Латинской Америке и российский формат «мягкой силы» встречают критику западных ученых и политиков, в основном англосаксонского происхождения. Присутствуют эти нотки и у некоторых российских ученых. Причем их критика часто действительно имеет под собой реальные основания. Так, Ю.Н. Паниев считает, что, «несмотря на очевидные достижения, России в Латинской Америке необходимо упорно работать как минимум на четырех направлениях, чтобы не отстать от других игроков и сохранить в целом неплохую динамику взаимодействия. Во-первых, России следует искать пути расширения диапазона экономического присутствия в регионе. ... Во-вторых, наступило время должным образом стимулировать экспортно-импортные операции и предоставлять государственные гарантии по инвестициям. ... В-третьих, в России необходимо как можно скорее переломить устаревшее представление о Латинской Америке как об отдаленном и экзотическом регионе. Как правило, руки у нас до него доходят только после того, как отработаны другие направления – СНГ, Европа, Китай. Россия должна укреплять позиции в Латинской Америке, используя свои преимущества – позитивное отношение населения к нашей стране, отсутствие

³⁰² Окунова Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008, с. 772–773.

предубеждений, понимание того, что она является важной мировой державой, источником многополярного мироустройства [то есть инструменты «мягкой силы» – А.Б.]. К этому следует добавить недостаточную работу по продвижению положительного имиджа России в Латинской Америке»³⁰³. К такому мнению нельзя не прислушаться: «мягкая сила» России в ЛАКБ, в целом, и в Бразилии, в частности, используется не всегда самым эффективным образом. Имиджевую работу, в том числе с применением «мягких» инструментов, следует вести не по остаточному принципу и не по старинке, а целенаправленно и планомерно, с использованием современных информационных технологий.

«Мягкая сила» России в отношениях двух стран воздействует на бразильскую политическую элиту общества как напрямую, через каналы культурных связей и гуманитарного сотрудничества, так и опосредованно путем трансляции в сознание элит через формат стратегического партнерства в международных и региональных организациях (ООН, БРИКС, Г-20) и по каналам СМИ. Значительный потенциал для реализации российской концепции «мягкой силы» представляет новое объединение – Союз южноамериканских наций (УНАСУЛ), идеологический базис которого удачно сочетается с теми ценностями, которые несет и пропагандирует Россия с помощью инструментов «мягкого» воздействия.

При этом существуют и различного рода препятствия, ограничивающие эффективность «мягкой силы» в российско-бразильских отношениях. К ним относятся, прежде всего, определенные проблемы в формировании позитивного имиджа России в Латинской Америке, в целом, и в Бразилии, в частности. В бразильском общественном мнении, к сожалению, до сих пор присутствуют различные искаженные представления и фобии, связанные как с непростой историей двусторонних отношений, так и с внешнеполитическими приоритетами нашего государства в разные периоды его развития. Указанные факторы в зависимости от конкретной политической ситуации усиливают или снижают эффективность российской «мягкой силы». В этой связи значимое политическое звучание имеет тезис В.В. Путина о том, что образ России за рубежом искажен и не отражает реальную ситуацию в стране³⁰⁴. Данное обстоятельство подчеркивает

³⁰³ Паниев Ю.Н. Российско-латиноамериканское деловое сотрудничество: достижения и недостатки. // Латинская Америка, 2012, № 12, С. 6–14.

³⁰⁴ Выступление Президента В.В. Путина на Сопещании послов и постоянных представителей РФ 9 июля 2012 г. Код доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902> (дата обращения 13.03.2014 г.).

необходимость выработки Россией внешнеполитического курса, направленного на формирование позитивного имиджа страны за ее пределами, включая латиноамериканский мир и такую его важную составляющую, как Бразилия. Для этого надо формировать и развивать собственную модель «мягкой силы», осваивать новые – «мягкие» – технологии в международных отношениях.

Стремление Бразилии развивать свой собственный формат «мягкой силы» и использовать ее в качестве ключевого ресурса внешней политики характеризует степень зрелости Бразилии как нового мирового лидера, претендующего на роль отдельного полюса в формирующемся многополярном мире. Следуя рассуждениям Л.С. Окуневой о том, что «Бразилия может рассматриваться как своеобразное «экспериментальное поле», «социальная лаборатория современных структурных преобразований»³⁰⁵, можно вполне экстраполировать это ее качество на «мягкие» методы достижения внешнеполитических задач.

«Мягкая сила» – это инструмент политического влияния великих держав, его эффективность базируется на совокупной мощи государства. Появление во внешней политике Бразилии собственного фактора «мягкой силы» – явный индикатор того, что страна уже достигла уровня глобального политического влияния, при котором с ней следует выстраивать отношения в особом формате, характерном для взаимодействия мировых лидеров. В этом контексте в попытках Бразилии влиять на события на Ближнем и Среднем Востоке не только в рамках деятельности в ООН, но и в собственном формате «мягкой силы», идеологического воздействия как на самих участников конфликтов, так и на мировые политические элиты, определенно следует усматривать серьезную заявку на будущее глобальное лидерство.

Важно отметить, что Бразилия стремится утвердиться в формирующемся новом мировом порядке в статусе государства, имеющего глобальные интересы и способного действительно влиять на выработку международной повестки дня. Следовательно психологическая и идеологическая поддержка этих устремлений Бразилии в условиях, когда она еще не укрепилась на мировой арене в качестве глобальной державы, может дать наиболее эффективный результат для российской внешней политики.

Действенным инструментом бразильской «мягкой силы», проявляющимся и в российско-бразильских отношениях, становятся

³⁰⁵ Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008, с. 15–16.

современные информационные технологии, включая Интернет-ресурсы. В данном контексте заслуживает внимания создание специального канала МИД Бразилии на видеохостинге youtube (<http://www.youtube.com/mrebrasil>), где, как отмечалось ранее, имеется доступ к видео и аудиопрограммам, интервью главы бразильского внешнеполитического ведомства, других дипломатов и представителей официальных властей по тематике внешней политики³⁰⁶. К ряду подобных примеров следует отнести официальный сайт Посольства Бразилии в Москве: его содержательные политический, экономический, консульский, культурный и туристический контент востребованы среди российских граждан, частных и государственных организаций. Обладая рядом бесспорных преимуществ (широкий охват аудитории, молниеносная передача информации, возможность общения в режиме реального времени), бразильские официальные и социальные веб-страницы являются сильным и одновременно гибким средством воздействия на самосознание и формирование общественного мнения.

К актуальным проявлениям «мягкой» дипломатии Бразилии можно отнести и линию, последовательно проводимую (не только официальными властями федерального, регионального и муниципального уровней), но и здешними общественными и неправительственными организациями в целях позиционирования крупнейших городов страны (в первую очередь Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу) в качестве весьма привлекательных и комфортных мест для организации крупных международных общественно-политических, экономических и спортивных мероприятий³⁰⁷. Так, г. Рио-де-Жанейро вошел в двадцатку крупнейших мегаполисов мира по количеству ежегодно проводимых международных и региональных форумов, конференций, симпозиумов, семинаров, выставок, ярмарок, «круглых столов» и т.п. По данному показателю, согласно сведениям Международной ассоциации конгрессов и конференций, Рио-де-Жанейро в 2012 г. завоевал первенство во

³⁰⁶ Pimenta de Faria C.A., Marinho Nogueira J.L. Coordenação intragovernamental para a implementação da política externa brasileira. 2012, pag. 3. Код доступа: http://www.scielo.br/scielo.php?pid=S0011-52582012000100005&script=sci_arttext (дата обращения 15.11.2013 г.).

³⁰⁷ В Бразилии в недавнем прошлом состоялись и в ближайшем будущем предстоят важные события многостороннего формата: V Всемирные военно-спортивные игры в Рио-де-Жанейро в июле 2011 г., Кубок мира по пляжному футболу в Сан-Паулу в мае 2012 г., Международная конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20» в Рио-де-Жанейро в июне 2012 г., Всемирные дни молодежи под патронажем Ватикана в Рио в июле 2013 г., Чемпионат мира по дзюдо в Рио в августе-сентябре 2013 г., Чемпионат мира под виндсерфингу в Рио-де-Жанейро в ноябре 2013 г., Чемпионат мира по футболу в 2014г., Международный чемпионат по дзюдо в Сан-Паулу в 2015 г., летние Олимпийские игры в Рио-де-Жанейро в 2016 г., летняя Универсиада в г.Бразилиа в 2019 г.

всей Бразилии: из 304 мероприятий, состоявшихся в стране, почти четверть прошла в этом городе.

С этой точки зрения интерес представляет изучение и анализ теории и практики использования «мягкой силы» в политике Бразилии – как главного южноамериканского гранда и одной из ведущих экономик мира. Значение «мягкой силы», считающейся одним из атрибутов мировых держав, в последние годы все больше осознается бразильской политической элитой, подчеркивающей важность учета и применения данного фактора в целях продвижения национальных приоритетов на глобальном и региональном уровнях. Бразильский политолог У.В. Биасотто констатирует, что: «в отличие от США, России и Англии, Бразилия стала экономической державой, не став, однако, военной державой... Бразилия применяет «мягкую силу», которая открывает гораздо больше возможностей в сфере торговли, науки и технологий, чем винтовка... Величие державы – это то, что начинают читать и слышать за рубежом (благодаря нашим музыкантам и писателям), величие, которое строится благодаря «мягкой силе», пониманию того, что мы – одна человеческая раса... чем «мягче» мы будем с менее обеспеченными (самыми обездоленными), тем больше нас будут уважать...»³⁰⁸.

Несмотря на общую позитивную и отвечающую российским интересам заряженность, бразильская «мягкая сила» может иметь и негативные для нашей страны проявления, в первую очередь в правозащитной и демократической сферах. В данном контексте уместно привести выдержку из новой Концепции внешней политики РФ: «... усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирование общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом».³⁰⁹

В качестве недавних примеров подобной отрицательно направленной для интересов России демонстрации бразильской «мягкой силы» можно привести кампанию в социальных сетях Интернета и серию манифестаций и

³⁰⁸ Biasotto W.V. Ai como é grande o meu Brasil. 2013, pag. Код доступа: <http://www.progresso.com.br/opiniaio/ai-como-e-grande-o-meu-brasil> (дата обращения 13.11.2013 г.).

³⁰⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Код доступа: <http://www.mid.ru/bdcmp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f> п.20 (дата обращения 13.11.2013 г.).

акций протеста у дипломатических миссий нашей страны в Бразилии со стороны активистов ЛГБТ-сообщества и «Гринпис».³¹⁰

В дальнейшем также нельзя исключать организации аналогичных недружественных России выступлений местной неформальной общественности, в связи с чем все большую актуальность приобретает необходимость плотного мониторинга развития ситуации по «чувствительным» темам двусторонних отношений с целью своевременного информационного реагирования и, по возможности, упреждения и купирования – для минимизации эвентуальных имиджевых последствий для нашей страны.

3.2. Место и значение российской диаспоры и Русской православной церкви в развитии культурных и гуманитарных связей России и Бразилии.

Несмотря на подъемы и застойные периоды в двусторонних отношениях с Бразилией, присутствие в этой стране русских людей, как проводников «мягкой силы», никогда не прекращалось. Их массовый приход в Бразилию связан с несколькими иммигрантскими волнами: первой – крестьянской иммиграцией из дореволюционной России, второй – постреволюционной, третьей – послевоенной, и, наконец, – современной, начало которой относится к «перестроечным» событиям в нашей стране.

Начало нашей иммиграции в Бразилию связано с переездом сюда поволжских немцев после отмены крепостного права в России. Этому способствовала активная политика бразильских властей по привлечению эмигрантов для освоения и заселения обширных пустошей огромной национальной территории. На период 1906–1914 гг. (совпавший со столыпинской земельной реформой и революционными событиями 1905 г.) пришелся тогдашний пик иммиграционного потока из России. Эта волна

³¹⁰ В частности, в августе-сентябре 2013 г. у российских дипмиссий (Посольства в Бразилиа, генконсульств Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу) состоялись манифестации представителей здешнего ЛГБТ-сообщества, в которых участвовало от нескольких десятков до сотни человек (протестовали против, якобы, гонений и притеснений сексменьшинств в России и принятия в Санкт-Петербурге закона о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних). В октябре 2013 г. прошли акции протеста активистов «Гринпис» (30–50 чел.), выступавших против задержания в России членов экипажа «Арктик Санрайз», совершивших нападение на нефтяную платформу «Приразломная», среди которых находилась бразильская гражданка, биолог Анна Паула Масиел.

иммигрантов, спасавшихся от преследований властей и надеявшихся на лучшую долю, в основном формировалась за счет крестьянских семей из Малороссии, Польши, Прибалтики и сибирских губерний, представлявших различные этнические группы: русские, украинцы, белорусы, евреи, поляки, литовцы. Они придерживались православного, католического, иудейского и даже лютеранского вероисповеданий. Среди них были и старообрядцы. Сведения о численности российских переселенцев того периода достаточно противоречивы. Согласно данным из российских источников, в 1911–1920 гг. из России в Бразилию иммигрировало свыше 37 тыс. человек. В соответствии с бразильской статистикой в 1917 г. приезжие из России занимали 6-ое место (или около 1,7% иностранных диаспор) – после итальянцев, португальцев, немцев, австрийцев и поляков.³¹¹ Значительная часть переселенцев из России осела на северо-западе бразильского штата Рио-Гранде-ду-Сул (граничащим с Аргентиной), в первую очередь, в поселениях Санта-Роса и Кампина-дас-Миссоес.³¹²

Следующий приток русских происходил после Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны из России, Франции и других стран, куда перипетии того времени занесли наших соотечественников. Наиболее известным событием того периода стало прибытие 21 июня 1921 г. в Рио-де-Жанейро французского парохода «Акуитания» с 650 русскими беженцами, оказавшимися после революции в турецких лагерях Галиполи, Лемноса и Константинополя. 2 августа того же года на судне «Прованс» прибыл второй «эшелон» в составе 750 русских. Многие из них разъехались по стране, оседая главным образом в южных и юго-восточных районах Бразилии.

Источники советского периода свидетельствуют, что из общего числа граждан, покинувших Россию во время и после Гражданской войны (всего 270 тыс. человек), около 100 тыс. иммигрировали в Латинскую Америку, из которых 6,4 тыс. пришлось на Бразилию.³¹³

Хотя постреволюционная русская иммиграция в Бразилию была немногочисленна, она обращала на себя внимание рядом громких имен. Среди наиболее известных русских бразильцев следует отметить семьи Святополк-Мирского, Бунге, Зеленого и других лиц, близких к российскому

³¹¹ Жебит А.А. О русской иммиграции и российской общине в городе и штате Рио-де-Жанейро. // Сборник «Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста» под редакцией д.и.н., проф. Комиссарова Б.Н., Санкт-Петербург, 2009 г., стр. 14.

³¹² Троянский М.Г. Русская Бразилия в Рио-Гранде-ду-Сул. // Международная жизнь, 2012, № 9, С. 153.

³¹³ Мосейкина М.Н. Русские эмиграционные потоки в странах Латинской Америки. // Россия в мировом политическом процессе. – М., 1997.

императорскому двору. В бразильских штатах Рио-де-Жанейро и Минас-Жерайс поселились русские профессора и преподаватели, инженеры, врачи и медицинские работники (такие как «русский доктор» Всеволод (Севола) Семенович)³¹⁴. Вообще история русских в Бразилии отличается заметным присутствием представителей нашей интеллектуальной элиты. Это характерно и для сегодняшнего дня, что убедительно демонстрирует неразрывную связь «мягкой силы» в ее прошлом, настоящем и будущем измерениях.

Третий наплыв русской иммиграции в Бразилию связан с окончанием Второй Мировой войны и послевоенным периодом. Большинство переселенцев того времени были гражданами нашей страны, угнанными на подневольную работу в Германию и страны нацистской оси, а также военнопленными, не пожелавшими вернуться в СССР, опасаясь преследований сталинского режима. Основная часть этой категории иммигрантов осела в городах Рио-де-Жанейро, Нитерой, Сан-Паулу. Среди них были представители известных каждому русскому человеку родов: Лермонтовых, Луниных, Лесковых. Правнук великого классика – Александр Григорьевич Лермонтов, получивший высшее инженерное образование в Югославии, обосновался впоследствии в Рио, стал авторитетным проектировщиком и строителем дорог. Он был председателем бразильского отделения «Ассоциации Лермонтовых», объединившей около 200 представителей этого древнего дворянского клана, живущих в России и оказавшихся волею судеб на чужбине. Одновременно А.Г. Лермонтов являлся вице-президентом Института культуры «Бразилия-Россия», получившего имя М.Ю. Лермонтова во время празднования 180-летия со дня рождения поэта.

В 50-х гг. XX века в Бразилию влилась многочисленная волна русских эмигрантов из Китая, которая оставила свою траекторию в общественно-культурной жизни новой родины и в развитии нашей диаспоры. Речь идет о тех лицах, которые еще в годы царизма переселились из России в Манчжурию для строительства и обслуживания Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Другая часть этой группы перебралась в Китай после революционных событий 1917 года. Примечательно, что среди «русских китайцев» были и старообрядцы, покинувшие в 1906 г. Российскую Империю (Казахстан), не приняв столыпинскую аграрную реформу.

³¹⁴ Жебит А.А. О русской иммиграции и российской общине в городе и штате Рио-де-Жанейро. // Сборник «Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста» под редакцией д.и.н., проф. Комиссарова Б.Н., Санкт-Петербург, 2009 г., стр. 15.

Вследствие победы коммунистической революции в Китае в 1949 г., а затем развертывания ее «культурной составляющей», к середине 50-х годов прошлого века русская община в Харбине, Пекине и Тяньцзине практически перестала существовать. Многие ее представители эмигрировали в Рио-де-Жанейро и другие крупные города, включаясь в культурную и экономическую жизнь (лишь некоторые из них, главным образом старообрядцы, отправлялись осваивать бразильскую целину). Среди наиболее заметных имен того времени следует упомянуть семьи: Кирилловых, Котляревских, Бакич, Голубевых.

Согласно бразильской статистике, в первой половине XX века в страну прибыло в общей сложности свыше 120 тыс. человек, зарегистрировавшихся в национальных миграционных службах, как русские³¹⁵, хотя, на самом деле, и не являлись таковыми. Дело в том, что к этой категории причислялись православные люди других национальностей, считавшие себя близкими к русской культуре, языку и вере (в том числе украинцы, белорусы, болгары, сербы).

С восстановлением 23 ноября 1961 г. между СССР и Бразилией дипломатических отношений в развитии русской колонии наблюдались новые моменты. Со стороны советского государства постепенно началась проводиться линия, ориентированная на то, чтобы расположить к себе наших соотечественников. «Мягкая сила» адресовалась не только бразильской властной элите и простым гражданам, но и отечественной диаспоре. Распространялось значительное количество культурных и информационно-пропагандистских изданий. В 1980-х годах было учреждено Бразильско-советское общество дружбы «Уобразус», при котором функционировал книжный магазин, пользовавшийся популярностью среди русских бразильцев благодаря доступным ценам и высокому качеству советских учебников и специальной литературы, переведенных на португальский, испанский и английский языки. Несмотря на эти усилия, оказалось довольно сложно с «ходу» преодолеть отчуждение и недоверие эмигрантской общины, которая в своем большинстве держалась в стороне от советских учреждений. Да и в самом Советском Союзе отношение к иммигрантам, надо признать, было в то время далеко неоднозначным.

Следующий этап русской иммиграции в Бразилию совпал по времени с горбачевскими реформами в СССР, последующим распадом Советского Союза и появлением Российской Федерации, а также с демократизацией

³¹⁵ Мосейкина М.Н. Русские эмиграционные потоки в странах Латинской Америки. // Россия в мировом политическом процессе. – М., 1997.

самой Бразилии. В 1990-ые годы XX века по приглашению бразильских вузов и научных центров, заинтересованных в привлечении высококвалифицированных кадров, в страну стали прибывать российские ученые и преподаватели. Физики, математики, конструкторы, инженеры, астрономы, врачи подключались к работе ведущих кафедр бразильских университетов и НИИ, в большинстве своем в городах Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Петрополис, Кампус-дус-Гойтаказес. Точной статистики переселенцев новой волны не велось. Можно предполагать, что их общее число составило несколько сотен человек. Многие из них прочно обосновывались здесь, «пуская корни» и оставаясь жить и работать на постоянной основе.

Знаковым, поворотным событием стала состоявшаяся в 1992 г. встреча представителей русских общин с вице-президентом новой демократической России, который прибыл в Рио-де-Жанейро во главе многочисленной делегации на Конференцию ООН по окружающей среде и развитию (КОСР-92). Этот контакт с участием соотечественников со всех краев Бразилии имел «беспрецедентный характер, продемонстрировав, что Россия вновь «повернулась лицом» к своим сыновьям и дочерям, волею судеб оказавшимся за рубежом. В ответ русские бразильцы активно и искренне потянулись к исторической родине³¹⁶». Стало происходить постепенное объединение «старых» и «новых» русских, их сплочение вокруг идеи возрождения России в постсоветской фазе развития. В августе 1994 г. по инициативе упомянутого выше А.Г. Лермонтова, поддержанной роспосольством в Бразилиа и генконсульством в Рио-де-Жанейро, был учрежден Бразильско-русский институт культуры им. М.Ю. Лермонтова (ИКЛ). В его создании в качестве соучредителей выступили: префектура (мэрия) Рио-де-Жанейро, Форум науки и культуры Федерального университета Рио-де-Жанейро. Президентом института был избран Жеова ди Арруда Камара, журналист, антрополог и музыкальный критик. В актив ИКЛ также вошли наши соотечественники Сержио Паламарчук, Александр Медведовский, представители местных культурных и артистических кругов Мириам Дауэлсберг, Наталия Тиндберг, Нелсон Меллу-дэ-Соуза, Анита Гордич,

³¹⁶ Жебит А.А. О русской иммиграции и российской общине в городе и штате Рио-де-Жанейро. // Сборник «Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста» под редакцией д.и.н., проф. Комиссарова Б.Н., Санкт-Петербург, 2009 г., стр. 16.

бывший посол Бразилии в СССР С.П.Ноге́йра.³¹⁷ Приоритетами в деятельности Института культуры им. М.Ю.Лермонтова стали литературно-музыкальное и культурное просвещение, включая лекции, концерты, выставки и вечера, посвященные памяти творчеству А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, С.С. Прокофьева, Д.Д. Шостаковича. Постепенно Институт превращался в один из основных центров притяжения для нашей диаспоры, завоевал авторитет среди бразильской и российской общественности.

Сейчас русская община в Бразилии находится на новом этапе своего развития, характеризующемся разнообразными начинаниями и инициативами не только в духовной и культурной сферах, но и торгово-экономической, туристической, информационной и других областях. При этом происходит синхронизация усилий отдельных представителей и объединений наших соотечественников с целью укрепления и расширения связей с исторической Родиной и продвижения российско-бразильского сотрудничества. Главным образом эта работа концентрируется здесь вокруг российских объединений и организаций в Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Кампина-дас-Миссоес.

Говорить о точной численности российской диаспоры в Бразилии на настоящий момент достаточно сложно. По оценке бразильского ученого А. Сегрилло из Университета г.Сан-Паулу, прямых потомков всех, кто причисляет себя к русским и недавно переехавших сюда россиян, в общей сложности насчитывается порядка двух сотен тысяч человек.³¹⁸ Заместитель руководителя Координационного совета российских соотечественников (КСРС) Бразилии и по совместительству библиограф здешней русской эмиграции Жасинто Заболоцкий называет сравнимую с вышеотмеченной цифру в 120 тыс. человек. Другие источники (в том числе члены странового КСРС И. Шнее и Т. Калинина) убеждены, что только в пяти южных штатах Бразилии проживает до 35 тыс. россиян (или около 90% всех русских эмигрантов).³¹⁹ Некоторые представители российской диаспоры являются гражданами Бразилии и других государств, но уверенно ассоциируют себя с нашей страной, и даже, если не говорят по-русски, чтут российскую культуру

³¹⁷ Жебит А.А. О русской иммиграции и российской общине в городе и штате Рио-де-Жанейро. // Сборник «Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста» под редакцией д.и.н., проф. Комиссарова Б.Н., Санкт-Петербург, 2009 г., стр. 16.

³¹⁸ Segrillo A. Os Russos. // Editora: CONTEXTO, Coleção: Povos e Civilizações, Edição: 1ª, 2012, Pág. 288.

³¹⁹ Троянский М.Г. Русская Бразилия в Рио-Гранде-ду-Сул. // Международная жизнь, 2012, № 9, С. 154.

и историю. Значительная часть российской колонии сосредоточена в Сан-Паулу (3–4 тыс. человек).³²⁰ Представительная русская община в северо-западном бразильском штате Рио-Гранде-ду-Сул (прежде всего, в городах Кампина-дас-Миссоес, Санта-Росе, Порту-Алегри) составляет несколько тысяч человек. Затем следует Рио-де-Жанейро (около пяти сотен человек), по несколько десятков россиян проживают в городах Белу-Оризонти, Кампус-дус-Гойтаказес, Салвадор, Бразилиа, Витория.

Если вести речь именно о российских гражданах (лицах, имеющих действующие паспорта Российской Федерации), которые находятся в Бразилии на временной или постоянной основе, то их точное количество определить также непросто. Это связано с тем, что с 2012 г. постановка на учет российских граждан в наших дипломатических и консульских представительствах является исключительно добровольной процедурой и многие соотечественники обращаются в посольство и генконсульства в Рио и в Сан-Паулу при возникновении различного рода проблем, необходимости оформления документов и т.п. Тем не менее, общее число росграждан в Бразилии на данном этапе можно оценивать в 1–1,5 тыс. человек.

В рамках реализации госпрограммы по оказанию содействия в добровольном переселении в Россию соотечественников нашими дипмиссиями на постоянной основе проводится разъяснительная работа с использованием Интернет-ресурсов и возможностей местных организаций россиян. Пока не удалось выявить реальных кандидатов для участия в программе, что объясняется благоприятными условиями (в том числе климатическими) проживания российских соотечественников в Бразилии, их устроенностью здесь, не готовностью к радикальным переменам в жизни.

В нашу местную диаспору входят представители нескольких поколений и национальностей, принадлежащие к разным социальным и культурным группам, придерживающиеся различных вероисповеданий, люди с непохожими судьбами, вкусами и пристрастиями. Однако всех русских бразильцев объединяет любовь к России, активная жизненная позиция, бережное отношение к нашим традициям и ценностям, участие в распространении отечественной культуры и русского языка.

³²⁰ Один из микрорайонов Сан-Паулу – Вила Зелина – является местом компактного проживания представителей из России и стран Восточной Европы (Болгарии, Польши, Украины, Чехии, Хорватии, Словении, Венгрии, Литвы, Латвии, Эстонии). Каждые два месяца в этом районе организуются культурные и артистические мероприятия, кулинарные праздники и ремесленные ярмарки.

Создание между российскими и бразильскими гражданами семейных пар, видимо, тоже можно отнести к одному из проявлений «мягкой» и в этом случае «чувственной» силы, которая способствует сближению, лучшему узнаванию и пониманию друг друга. Известно, что официальные и гражданские союзы между представителями и представительницами наших стран начали заключаться еще на заре становления двусторонних отношений, в периоды ранних посещений русскими людьми бразильской земли. Один из первых достоверно известных фактов такого рода подтверждается в письме посланника в Бразилии А.С. Ионина мининдел России Н.К. Гирсу о посещении порта Рио-де-Жанейро русским корветом «Рында», в составе экипажа которого были великий князь Александр Михайлович и граф Толстой. Офицеры корвета побывали в фазенде Харитонова – русского, женатого на бразилианке.³²¹

Сегодня женитьба бразильцев на россиянках и наших соотечественников на бразильских гражданках – дело обыденное. Точной статистики подобных браков не ведется, но можно с уверенностью говорить о том, что их число достигло нескольких сотен. В таких семьях, естественно, рождаются дети, которые становятся трансляторами «мягкой силы» и, в свою очередь принося собственное потомство, приумножают поля «мягкой силы», соприкосновения и взаимопонимания между гражданами наших двух стран.

В качестве отдельного канала российской «мягкой силы», напрямую связанного с присутствием нашей диаспоры в Бразилии, является Русская православная церковь (РПЦ). Прибытие в Бразилию первых русских переселенцев предопределяло необходимость их духовной поддержки и единения. Уже в начале XX века в Бразилии создаются русские православные церкви. Бывший генконсул России в г.Сан-Паулу М.Г. Троянский отмечает, что, согласно целому ряду официальных хроник и исследований, первый русский православный храм был учрежден в 1912 году в городе Кампинадас-Миссоес (штат Рио-Гранде-ду-Сул)³²². С 1937 года в г.Рио-де-Жанейро начал функционировать храм во имя святой мученицы Зинаиды. Средства на воздвижение русских православных храмов собирали всем миром, на добровольные пожертвования членов русских общин, которые формировались естественным образом по инициативе самих иммигрантов. История присутствия православного христианства в Бразилии является непростой и заслуживает отдельного исследования. Кроме действующих в Бразилии сегодня нескольких десятков православных церквей

³²¹ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 470, 1887 г., д. 84, л. 4–10 об., подлинник, рус.яз.

³²² Троянский М.Г. Русская Бразилия в Рио-Гранде-ду-Сул. // Международная жизнь, 2012, № 9, С. 158–159.

(антиохийской, сирийской, польской, армянской ветвей православия) имеются приходы РПЦ Московской патриархии, службу в которых ведут священнослужители, командированные из России. Прежде всего, это храм святой Зинаиды в Рио-де-Жанейро, православный приход преподобного Сергия Радонежского в г.Порту-Алегре, приход храма во имя святых апостолов Петра и Павла в г.Санта-Роса и приход храма во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова в г.Кампина-дас-Миссоес (все три последние прихода расположены в штате Рио-Гранде-ду-Сул). Среди прихожан упомянутых выше церквей находятся не только представители русской диаспоры, российских государственных и частных представительств и членов их семей, но и бразильские и иностранные граждане. Окормление в приходах РПЦ прихожан, имеющих как российское, так и иностранное гражданство, во многом определяет важнейшие морально-этические нормы российской «мягкой силы» и суть ее цивилизационной миссии в мире. Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании к Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. подчеркнул, что «в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира»³²³. В этом смысле возможности российской «мягкой силы», в том числе применительно к Бразилии, огромны и не лимитированы какими-либо рамками. Деятельность РПЦ и ее приходов в Бразилии не только играет неопределимую роль в окормлении русской и бразильской паствы, но и несет важнейшие духовно-просветительские и культурные функции.

Российская «мягкая сила» активно присутствует в Бразилии и в формате целого ряда здешних структур, способствующих распространению русского языка, культуры, достижений нашей страны в области науки, образования, технологий, спорта. Субстантивную культурно-просветительскую работу проводят упомянутые выше Институт культуры им. М.Ю. Лермонтова, Центр славянской культуры, некоммерческая организация «Русский дом» в Рио-де-Жанейро, а также Культурное общество «Волга» и ансамбль «Тройка» в Кампина-дас-Миссоес³²⁴, Культурный центр «Надежда» и Хор «Мелодия» в г.Сан-Паулу.

³²³ Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. Код доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения 17.12.2013 г.).

³²⁴ Общество «Волга» проводит большую полезную работу с молодежью в области культуры, образования и спорта. В танцевальном ансамбле «Тройка» за 20 лет

Видная роль принадлежит Координационному совету российских соотечественников в Бразилии³²⁵ и местной Ассоциации бывших выпускников российских (советских) вузов – UNDEXEBRAS.³²⁶ В свое время в СССР прошли обучение около тысячи бразильцев, многие из которых занимают сегодня важные посты в государственных и частных структурах Бразилии, проводят полезную информационную работу среди здешней общественности, в том числе в плане распространения и популяризации высоких образовательных стандартов и в целом российской культуры. Особая ценность этого канала определяется тем, что трансляция российской «мягкой силы» осуществляется самими бразильцами среди своих сограждан, что повышает степень восприятия и доверия к получаемой информации.

В Бразилии сохраняется интерес к отправке на учебу в нашу страну студентов, хотя и не в таких масштабах, как прежде. Вопреки определенным организационно-техническим сложностям, включая высокую стоимость проезда, почти 400 бразильских юношей и девушек проходят обучение в различных российских вузах³²⁷ (не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и Курска, Новосибирска, др. городах России). Важную работу в деле распространения информации о возможностях получения высшего образования в нашей стране проводят организация «Русский альянс» в Бразилии (Aliança Russa)³²⁸ и бразильское отделение «Латиноамериканской ассоциации по высшему образованию для латиноамериканцев» (ALAR no Brasil)³²⁹.

Показательно и подключение России к реализации бразильской государственной программы «Наука без границ», которая предусматривает подготовку специалистов и научных работников в образовательных

существования сменилось не одно поколение местной молодежи, сейчас в нем выступают 60 детей, юношей и девушек.

³²⁵ Сайт русско-бразильской ассоциации ARB. Код доступа: <http://www.associacaorussobrasileira.com.br/>. Нынешним председателем КСРС в Бразилии является президент «Русского дома» в Рио-де-Жанейро Сержио Паламарчук. Он был награжден в феврале 2012 г. медалью Пушкина за большой вклад в развитие сотрудничества и укрепление культурных связей с Россией.

³²⁶ Представительные бразильские делегации UNDEXEBRAS приняли активное участие на II (2007 г.) и III (2012 г.) Всемирных форумах иностранных выпускников российских (советских) вузов (подробнее см. <http://www.undexebras.com/index.php>).

³²⁷ Согласно данным Минобрнауки России, в настоящее время в российских вузах проходят обучение 399 студентов из Бразилии: из них 352 – на контрактной (коммерческой) основе и 47 – на бюджетной (по гослинии). Всего с 1959 г. высшие учебные заведения СССР и Российской Федерации окончили 752 бразильских студента, без учета выпускников 2013 года.

³²⁸ ALIANÇA RUSSA. Код доступа: <http://www.aliancarussa.com/site/> (дата обращения 17.12.2013 г.).

³²⁹ Associação latinoamericana russa de ensino superior para latinoamericanos (ALAR no Brasil). Код доступа: <http://www.universidades-rusia.com/index.php/pt/> (дата обращения 17.12.2013 г.).

учреждениях за рубежом. В настоящее время к данной программе уже присоединились 40 российских вузов. В их числе – МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, девять ведущих федеральных университетов 29 университетов, в отношении которых установлена категория «национальный исследовательский университет».³³⁰

В целом, можно констатировать, что нынешнее присутствие России, россиян и Русской православной церкви в Бразилии – как проявление политики «мягкой силы» – значимо и весомо. Тенденция к усилению представительства нашей страны на территории «тропического гиганта» постепенно набирает силу. Этому процессу будет способствовать планирующееся учреждение в г.Сан-Паулу Российского центра науки и культуры, который призван стать опорным пунктом в распространении и популяризации в Бразилии русского языка, культуры и достижений нашей страны в различных сферах жизни.

3.3. Роль и функции российских представительств в Бразилии в реализации концепции «мягкой силы» на современном этапе.

Нынешнее российское присутствие в Бразилии – как одно из проявлений «мягкой силы» – является самым представительным и разнообразным среди государств Южной Америки. Это обусловлено целым рядом факторов, прежде всего, обоюдной заинтересованностью наших стран в продвижении и углублении взаимовыгодного стратегического сотрудничества в различных областях, их активной вовлеченностью в мировые и региональные процессы при совпадении или близости позиций по многим ключевым проблемам современности, богатой историей и традициями двусторонних отношений.

Президент В.В. Путин, выступая на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации 9 июля 2012 г., подчеркнул, что «политика «мягкой силы» предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной

³³⁰ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с официальным визитом в Россию Министра иностранных дел Бразилии Л.А. Фигейредо. Код доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/A617DF98ED7685C344257C27002850E5 (дата обращения 19.11.2013 г.).

культуре, и в интеллектуальной сфере»³³¹. Эффективное использование этого уникального инструментария во многом характеризует направленность российско-бразильского сотрудничества.

Главный вектор развития связей между нашими двумя странами определяется долгосрочной политикой Москвы в отношении Бразилии как к главному стратегическому партнеру в латиноамериканском регионе. Весьма показательной в этом плане является серия визитов в Бразилию российских представителей на высшем и высоком уровнях: официальные визиты Президента Российской Федерации В.В. Путина (ноябрь 2004 г., июль 2014 г.), официальный визит Президента РФ Д.А. Медведева (декабрь 2008 г.), рабочие поездки Д.А. Медведева в должности Президента РФ для участия в саммите БРИКС (апрель 2010 г.), в должности премьер-министра РФ на юбилейную Конференцию ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (июнь 2012 г.) и для проведения VI-го заседания российско-бразильской Комиссии высокого уровня по сотрудничеству (февраль 2013 г.), официальные визиты Министра иностранных дел России С.В. Лаврова (декабрь 2006 г., июнь 2013 г.).

Бразильскую столицу, а также административные центры ведущих штатов страны – Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, на постоянной основе посещают руководители (и их заместители) различных российских министерств и ведомств. В последние годы такие контакты проходили по линии: Конституционного суда, Центризбиркома, МИД, МВД, Минфина и Федерального казначейства РФ, Минэкономразвития, Минэнерго, Минтранса, Минкультуры, Минспорта, ФСКН, Федеральной таможенной службы, Роскосмоса, Ростехнологий, Рособоронэкспорта, Федеральной антимонопольной службы, Росстата, Росметрологии, Роснано, Россельхознадзора, Рослесхоза и др.

Заметный импульс делегационному обмену придали и будут придавать в обозримой перспективе состоявшиеся и предстоящие в России и Бразилии крупные международные мероприятия: зимние Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи в 2014 г., Чемпионат мира по футболу в Бразилии в 2014 г., а также летняя Олимпиада и Паралимпиада в Рио-де-Жанейро в 2016 г. и футбольный Кубок мира в России в 2018 году. В последнее время зримым было российское профильное присутствие на ЧМ-2014: здесь побывали представительные делегации Минспорта России, Российского футбольного союза, Оргкомитета «Россия-2018», в июне–июле

³³¹ Выступление Президента В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации по теме «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности». Код доступа: <http://kremlin.ru/news/15902> (дата обращения 13.03.2014 г.).

2014 г. в Рио-де-Жанейро функционировал «Дом России», деятельность которого имела положительный общественно-политический резонанс. В целом российское участие на Кубке мира по футболу в Бразилии, включая «фанатскую составляющую», прошло на позитивной волне, без конфликтных ситуаций и негативных информвбросов, без каких-либо «потерь и издержек» для интересов нашей страны. Все это стало убедительной демонстрацией эффективности российской «мягкой силы», сформировав благоприятный фон для передачи эстафеты от Бразилии России по проведению следующего футбольного Чемпионата мира в 2018 году.

Отдельное место принадлежит развитию межрегиональных связей между нашими странами. Прочно вошли в практику деловые поездки в Бразилию руководителей ряда субъектов Российской Федерации. Так, здесь побывали Губернатор Санкт-Петербурга³³² В.А. Матвиенко (апрель 2010 г.), Президент Татарстана Р.Н. Минниханов (август 2011 г.), заммэра Москвы М.Ш. Хуснуллин (июнь 2013 г.). Как правило, подобные визиты проходят в сопровождении представителей деловых кругов соответствующих российских регионов в целях налаживания практического сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах.³³³

Регулярным стало участие межведомственных российских делегаций в организуемых здесь раз в два года крупных международных выставках: по обороне и безопасности «ЛААД», в нефтегазовой отрасли «Рио Ойл энд Гэс»³³⁴, а также футбольных фестивалях «Соккерэкс», выставках спортивных достижений, технологий и оборудования «Экспо Эстадио».

Широко представлены в Бразилии российские государственные учреждения и организации. В первую очередь, речь идет о солидном дипломатическо-консульском присутствии: в г.Бразилиа функционирует Посольство Российской Федерации, в городах Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу имеются российские генеральные консульства. Кроме того, в Бразилиа

³³² Между Санкт-Петербургом и Рио-де-Жанейро установлены побратимские отношения, подписан ряд документов о сотрудничестве, осуществляется взаимодействие между городами-партнерами в рамках БРИКС (Санкт-Петербург, Рио-де-Жанейро, Мумбаи, Циндао, Кейптаун).

³³³ В ходе встречи представителей Татарстана с руководством правительства штата Рио-де-Жанейро был подписан протокол о намерениях между генеральными директорами ОАО «КАМАЗ» и бразильским автобусным концерном «Маркополо» относительно создания совместного производства автобусов в Казани.

³³⁴ Их очередные версии состоялись, соответственно, в апреле 2011 г. и сентябре 2010 года. В ходе форума «Рио Ойл энд Гэс» – при поддержке ГК – был организован «круглый стол» на тему «Российские компании – надежный партнер для сотрудничества компаний топливно-энергетического сектора Бразилии и других стран Латинской Америки».

работает Торговое представительство России, а в г. Рио-де-Жанейро и г. Сан-Паулу действуют его отделения. При российском посольстве в Бразилии существуют Военный атташат, представительства Россотрудничества, Федеральной таможенной службы, Рособоронэкспорта и Роскосмоса, планируется назначение представителя ФСКН России. Присутствие здесь на постоянной основе представительств профильных российских организаций позволяет обеспечить непрерывность диалога между заинтересованными ведомствами двух стран, эффективность и оперативность «обратной связи» между ними.

В рамках данного исследования хотелось бы более подробно остановиться на приоритетах и особенностях функционирования генерального консульства России в Рио-де-Жанейро на современном этапе и его роли в реализации российской «мягкой силы».

Если рассматривать современную историю российско-бразильских отношений применительно к Рио-де-Жанейро, то в 2013 году отмечалось 40-летие создания консульского представительства нашей страны в этом городе. Тогда это было консульское агентство со штатной численностью три сотрудника, включая одного дипломата. Договоренность об открытии консульского агентства была оформлена путем обмена нотами между Посольством СССР в Бразилиа и Государственным секретариатом по иностранным делам Бразилии от 22 сентября 1972 года. Наше посольство 31 мая 1973 г. направило в бразильский МИД ноту о назначении консульским агентом В.П.Новикова, который по получении ответной ноты бразильской стороны приступил к работе летом 1973 года³³⁵. Консульское агентство функционировало в рамках нашего торгпредства и имело юрисдикцию, распространявшуюся на город Рио-де-Жанейро и штат Гуанабара (впоследствии переименованный в штат Рио-де-Жанейро).

В период 1973-1985 гг., когда у власти Бразилии находились военные, двусторонние отношения между нашими странами развивались непросто, во многом по канонам «холодной войны». Консульское агентство в те годы возглавляли наши опытные дипломаты: В.Я. Калита, И.Н. Крысюк, А.К. Шарапанюк и другие. Некоторые представители старшего поколения местных жителей до сих пор с теплом вспоминают А.К. Шарапанюка, обаятельного и коммуникабельного человека, который, блестяще владея

³³⁵ Будаев А.В. Русские в Рио-де-Жанейро: воспоминания о будущем. – Рио-де-Жанейро, 2012, с. 87.

португальским языком, мог воспроизводить кариокский диалект (здешние акцент и особенности разговорной речи)³³⁶.

С тем, чтобы привести уровень консульского представительства в соответствие с возросшим объемом двусторонних отношений, в конце 80-х годов была начата проработка вопроса о преобразовании консульского агентства в Генеральное консульство. основополагающими документами стали: Соглашение в форме обмена нотами об учреждении Генерального консульства СССР в Рио-де-Жанейро и Генерального консульства Бразилии в Ленинграде от 19 октября 1988 г., а также Соглашение в форме обмена нотами о функционировании Генерального консульства СССР в Рио-де-Жанейро от 4 октября 1990 г. Персонал генконсульства на начальном этапе состоял из 7 сотрудников: трех консульских должностных лиц и четырех административно-технических работников. Первым генконсулом СССР, а затем России, в Рио-де-Жанейро был Юрий Константинович Чигвинцев (назначен на эту должность в октябре 1990 г., приступил к работе в феврале 1991 года). После него на посту Генерального консула России в Рио-де-Жанейро служили: Борис Игоревич Фесенко (февраль 1995 г. – сентябрь 1998г.), Николай Николаевич Беспалов (сентябрь 1998 г. – сентябрь 2000 г.), Анатолий Алексеевич Грачев (октябрь 2000 г. – февраль 2005 г.), Алексей Казимирович Лабецкий (февраль 2005 – май 2010 г.)³³⁷. Все они внесли заметный вклад в развитие российско-бразильских отношений в консульском округе ГК. В 2011 г. в здании генконсульства (ГК) оформлена фотогалерея его руководителей, что призвано нести важную воспитательную и наставническую нагрузку – как одно из проявлений «мягкой силы».

В настоящее время состав нашего консульского загранпредставительства (КЗУ) увеличился до 20 сотрудников, из них 7 – дипломатические работники. Всего коллектив ГК вместе с членами семей превышает 50 человек. В консульский округ КЗУ в Рио входят 7 бразильских штатов (Рио-де-Жанейро, Минас-Жерайс, Эспириту-Санту, Баия, Алагоас, Сержипе, Пернамбуко) с общим населением 67 млн. человек.

Особое значение в работе КЗУ уделяется «экономической дипломатии», оказанию содействия развитию и политико-дипломатическому сопровождению двусторонних контактов с участием отечественных государственных и частных предпринимательских структур. В 2010-2013 гг. при поддержке генконсульства здесь прошли важные встречи и переговоры

³³⁶ Будаев А.В. Русские в Рио-де-Жанейро: воспоминания о будущем. – Рио-де-Жанейро, 2012, с. 88–89.

³³⁷ Там же.

представителей Ассоциации региональных банков России и Российского союза промышленников и предпринимателей, ОАО «Газпром», ОАО «Роснефть». В данном контексте целесообразно упомянуть и о впервые проведенной в Рио-де-Жанейро в ноябре 2011 г. бизнес-миссии под эгидой МЭР России и Делового совета Россия-Бразилия, в рамках которой состоялся семинар по теме: «Возможности для развития бизнеса между Россией и Бразилией в сфере энергоэффективности, ресурсосбережения топливно-энергетического комплекса». В ходе реализации мероприятия прошли презентации российских и бразильских компаний, а также переговоры между ними в целях достижения конкретных договоренностей и выхода на совместные практические проекты.

В центре внимания деятельности генконсульства находятся задачи по защите прав и интересов российских физических и юридических лиц. На учете в генконсульстве состоит около 400 российских граждан, из них 90 – на постоянном месте жительства. Поскольку постановка на учет наших соотечественников с недавних пор стала исключительно добровольной процедурой, на самом деле их число должно быть гораздо выше (как правило, наши граждане обращаются в генконсульство, когда у них возникают какие-либо проблемы или затруднения). К этому следует добавить увеличившееся в последние годы количество российских туристов, путешественников и бизнесменов из нашей страны (порядка до 25 тыс. в год).

Безусловный приоритет – предоставление помощи лицам, оказавшимся в затруднительных (сложных) ситуациях. К наиболее типичным случаям происшествий с нашими соотечественниками и туристами относятся: кражи у них денег и документов, задержание полицией, злоупотребление спиртными напитками, получение различных травм во время отдыха, в том числе на пляже и купании в океане, при занятиях экстремальными видами спорта (серфинг, пара- и дельтапланеризм, скалолазание). Во всех ситуациях консульские должностные лица КЗУ стараются оказывать россиянам максимально возможное содействие, проявляя при этом неформальный подход, чуткое и внимательное отношение. В этой связи следует отметить, что в течение нескольких лет не было зафиксировано ни одной устной или письменной жалобы на работу генконсульства и его сотрудников на данном направлении. Напротив, в адрес руководства Консульского департамента и других подразделений МИД России неоднократно поступали положительные отзывы и благодарности.

Традиционно важное место в работе занимает консульская тематика: оформление российского гражданства, ЗАГС, нотариат, истребование и

легализация документов. За 2013 г. было выдано 83 загранпаспорта (в 2012 г. – 65), в том числе 46 паспортов нового поколения, 2 свидетельства о рождении (2012 г. – 2); удовлетворено 8 обращений о приеме в гражданство РФ (в 2012 г. – 14). Были произведены нотариальное удостоверение 304 документов; легализация – 139 документов, истребование – 31 документов.

В связи с введением между Россией и Бразилией в действие с 7 июня 2010 г. безвизового режима при краткосрочных (до 90 дней) поездках граждан двух стран существенно сократилась выдача генконсульством виз: в 2009 г. – 1654, 2010 г. – 862, 2011 г. – 132, 2012 г. – 145, 2013 г. – 162 визы. После заметного уменьшения по этой причине поступлений от консульских сборов и возмещения фактических расходов, в последнее время удалось стабилизировать данные показатели. Успешно осуществляется положительно зарекомендовавшая себя практика взимания средств за консульские действия на безналичной основе с оплатой через банк. В порядке исключения в наличной форме платежи принимались в экстренных и форс-мажорных ситуациях (забастовка банковских служащих, гуманитарная ситуация, требующая оперативного решения консульских вопросов и т.п.), что тоже можно рассматривать как одно из проявлений «мягко силы».

Помимо консульско-визовой тематики, первоочередное внимание генконсульство уделяет работе с нашими соотечественниками и в целом российской диаспорой в целях укрепления ее связей с родиной. Постоянная помощь предоставляется объединениям соотечественников, в первую очередь, некоммерческой организации «Русский дом» в Рио-де-Жанейро. Институту культуры им. М.Ю. Лермонтова, «Центру славянской культуры». В 2012–2013 гг. председателем Координационного совета соотечественников в Бразилии являлся Сержио (Сергей Константинович) Паламарчук – гендиректор «Русского дома» в Рио-де-Жанейро, которому 17 февраля 2012 г. в Москве Д.А. Медведев вручил медаль Пушкина – за вклад в развитие сотрудничества и укрепление культурных связей с Россией.

Особое место КЗУ уделяет продвижению русского языка и культуры в консульском округе, прежде всего во взаимодействии с упомянутыми выше организациями соотечественников. В рамках проведения этой работы организуются привлекательные для соотечественников и бразильских граждан мероприятия с акцентом на популяризацию отечественных культурных, артистических и кулинарных традиций.

Регулярная помощь оказывается представителям Русской Православной Церкви (РПЦ) и православному храму во имя святой

мученицы Зинаиды в Рио-де-Жанейро. Сотрудники ГК и члены семей присутствуют на торжественных литургиях по случаю важных православных праздников, оказывают юридическую поддержку деятельности настоятеля храма священника Василия Гелевана, собирают добровольные пожертвования на церковные нужды. Так, в начале 2011 г. сотрудники ГК собрали финансовые средства на реставрацию храмовой колокольни. Уже в апреле 2011 г. в канун православной Пасхи после восстановления вновь зазвучали колокола храма св. мученицы Зинаиды, что с воодушевлением было воспринято не только его прихожанами, но и всеми членами русской колонии в Рио-де-Жанейро. В здании Академии философии Бразилии (АФБ) в Рио-де-Жанейро генконсульством была организована выставка «Русские православные иконы», в которую вошли списки 30 наиболее известных в нашей стране и за рубежом произведений иконописи (март-апрель 2012 г.). В сентябре 2011 г. в АФБ генконсульством была организована фотовыставка «Россия православная», вызвавшая интерес среди местных жителей. Организационная и логистическая помощь предоставляется в ходе проведения в Рио архипастырских визитов Митрополита Аргентинского и Южноамериканского.

Заметную проекцию на жизнедеятельность российского консульского учреждения имело освящение его служебно-жилого здания – и это тоже можно рассматривать как одно из проявлений «мягкой силы». После обсуждения и согласования этого вопроса в коллективе ГК, 21 октября 2010 г. Владыка Платон – во время пребывания в Рио-де-Жанейро – провел обряд освящения здания при участии сотрудников ГК и членов их семей. По мнению многих, это событие, вызвавшее большой душевно-нравственный подъем, способствовало дальнейшему улучшению здоровой, доброжелательной обстановки в генконсульстве, а также повышению эффективности и качества его работы.

Возрастающее значение в деятельности генконсульства занимает пропагандистско-разъяснительная работа как среди российских граждан, так и местного населения. При этом используются различные формы и методы донесения информации, включая интервью, брифинги, фотовыставки, лекции, распространение пресс-бюллетеней ГК. Все более активно задействуются и современные информационные технологии, включая Интернет. По итогам конкурса МИД России «Лучший Интернет-сайт российского загранучреждения» в 2011 г. веб-страница ГК в Рио: www.consrio.mid.ru заняла 1-е место в категории консульских учреждений. О росте востребованности нашего сайта свидетельствует многократное увеличение ее ежедневных посещений интернет-пользователями. Косвенным

подтверждением нового качества ситуации является и снижение «технических» телефонных звонков в генконсульство от местных граждан и соотечественников по самым разным, прежде всего консульско-визовым вопросам, ответы на которые они легко теперь могут найти на нашей веб-странице.

Разумеется, в поле зрения руководства генконсульства находится информационно-справочная работа, подготовка и направление в Центр материалов по актуальной тематике, включая развитие политической и социально-экономической обстановки в штатах консульского округа ГК, проведение на их территории значимых мероприятий национального, регионального, международного масштабов, подготовку предложений и соображений в целях продвижения российско-бразильского сотрудничества в различных областях, прежде всего, по линии регионов. За последние несколько лет объемы информационной работы ГК заметно возросли.

В качестве резюме можно констатировать, что сфера интересов и приложения усилий генконсульства в Рио-де-Жанейро постоянно расширяется, становится все более разнообразной и максимально приближенной к практическим потребностям как российских, так и иностранных граждан и организаций. Все более сложные, подчас многокомпонентные проблемы, возникающие в нашей работе, требуют соответствующего кадрового обеспечения, должной профессиональной подготовки дипломатических и административно-технических сотрудников. Необходимая работа проводится как в Центре при подготовке и стажировках вновь прибывающих специалистов, так и «на месте», в том числе путем языкового и компьютерного самообучения и совершенствования знаний, посещения профильных занятий и курсов.

Широкий инструментарий консульско-дипломатического, информационного, разъяснительного и иных направлений работы, которые наше консульское учреждение активно использует в качестве «мягкой силы» в своей повседневной деятельности, позволяет достаточно эффективно и результативно решать текущие и перспективные задачи. В целом, значение гуманитарной составляющей в российско-бразильских связях на территории консульского округа будет неизменно возрастать, способствуя, в конечном итоге, расширению деловых, культурных и человеческих обменов между нашими странами, сближению и лучшему пониманию их граждан.

Заключение

1. Роль и значение «мягкой силы» в международной политике ведущих государств мира, включая Россию и Бразилию, будет неуклонно возрастать. Руководство наших стран все активнее включает «мягкую силу» в свои политические стратегии с целью создания благоприятных внешних условий для внутреннего развития, решения практических вопросов модернизации и расширения ареала своего влияния.

2. В России формируются собственные подходы и форматы использования «мягкой силы» во внешней политике, связанные с особыми представлениями о ее природе и возможностях. Они заметно отличаются от классических американских и в целом англосаксонских концепций и воззрений, в то же время перекликаясь в некоторой степени с бразильскими взглядами, которые пока находятся в стадии становления и оформления.

3. Роль «мягкой силы» во внешней политике России в Бразилии определяется в базисе совпадающих интересов обеих стран на глобальном и региональном уровнях, прежде всего по ключевым проблемам современности, включая создание нового полицентричного миропорядка, обеспечение международной и региональной безопасности, формирование позитивной глобальной повестки дня, в которой предпочтение отдается «мягким» и «гибким» методам воздействия, снижающим риски перехода отношений в формат конфронтации и противостояния.

4. На современном этапе российская «мягкая сила» в форме публичной дипломатии и дипломатия официальная не конкурируют, а взаимодополняют друг друга, составляя единый набор инструментов политического воздействия. При этом публичная дипломатия является гибким инструментом внешнего влияния, чутко реагирующим и подстраивающимся под любые изменения ситуации. В этом заключается ее высокая эффективность и возможность оперативного применения – в отличие от традиционной дипломатии, обладающей определенной инерционностью.

5. «Мягкая сила» нашей страны в отношении Бразилии (и не только) представляет собой сложный, многокомпонентный и разноуровневый механизм. Ее главными несущими конструкциями были и остаются отечественные достижения в области культуры, науки, образования и спорта, ее духовные и нравственные ценности. При этом происходит постепенное возрастание роли и значения деятельности различных официальных и

негосударственных (частных) представительств России в Бразилии, здешней российской диаспоре и приходов РПЦ – как важных субъектов и трансляторов нашей «мягкой силы». В этом же контексте отдельное место занимает подготовка граждан Бразилии в учебных заведениях нашей страны, что наглядно проявляется в работе Союза бывших выпускников российских (советских) вузов – UNDEXEBRAS. Дальнейшее продолжение и расширение этой практики, безусловно, является весьма эффективным методом «мягкого» воздействия на бразильский социум, способствующим повышению кредита доверия к России и улучшению ее имиджа. В свою очередь российская диаспора нуждается в сохранении своей культурно-цивилизационной идентичности перед лицом угрозы ее размывания под натиском процессов глобализации и пассионарным подъемом национального самосознания бразильского суперэтноса, успешно растворяющего самобытность составляющих его отдельных этнокультурных фракций. В этом плане русские бразильцы нуждаются в российской «мягкой силе», способной сохранить их идентичность.

6. Российская «мягкая сила» активно внедряется в российско-бразильские отношения, последовательно идет взаимопроникновение двух культур, сближающее и обогащающее духовный потенциал наших стран, формирующее прочный фундамент для межкультурного диалога и сотрудничества. Бразильцы учатся понимать евразийскую культуру России, ее менталитет и своеобразие, которые по своей многомерности (в этническом самосознании, в религиозном плане и т.д.) в целом перекликаются с идентичностью полиэтнической бразильской нации, которой удалось создать уникальную модель многонациональной и многорасовой демократии, поддерживаемой инструментами «мягкой силы».

7. Бразильское правительство все активнее приобщается к большой политике, стремится строить и развивать собственную конструкцию «мягкой силы», используя ее в качестве одного из важных ресурсов внешней политики. Подобный подход характеризует степень зрелости этой страны как нового мирового лидера, претендующего в перспективе на роль отдельного полюса в формирующемся полицентричном международном порядке. Исходя из того, что «мягкая сила» является неотъемлемым атрибутом и инструментом политического влияния, главным образом великих держав, ее эффективность базируется на совокупной мощи и потенциале конкретного государства. Появление во внешней политике Бразилии собственного фактора «мягкой силы» – явный индикатор того, что страна достигла такого

уровня глобального политического влияния, при котором с ней следует выстраивать отношения в особом формате, характерном для взаимодействия мировых акторов.

8. «Мягкая сила» Бразилии базируется на многомерной идентичности страны и в этом плане имеет собственный институциональный дизайн, заметно отличающийся от западных канонов, шаблонов и стандартов. В основе ее притяжения – перспективная, привлекательная экономическая модель роста с упором на реализацию социальных программ, ставшая политическим брендом не только для Латинской Америки, но и для всех развивающихся стран, а также такие маркетинговые образы, как бразильский футбол, карнавал и др.

9. В стремлении стать одним из новых глобальных лидеров Бразилия опирается на собственные ресурсы и возможности: страна занимает пятое место в мире по территории и является седьмой крупнейшей экономикой мира. При этом Бразилия привлекает для достижения своих далеко идущих целей потенциал стратегических партнеров, выстраивая отношения с Россией, Китаем и Индией в рамках региональных международных организаций и форумов; поддерживает интеграционные процессы в Центральной и Южной Америке; стремится организовать латиноамериканский мир и португалоговорящие страны Африки (повестка «Юг–Юг») в мощную трансконтинентальную коалицию с собственной идеей и идеологией развития, предлагающую реальную альтернативу как американской модели «демократического мира», так и боливарианской концепции испаноговорящих стран АЛБА.

10. Бразилия добивается укрепить и консолидировать свой статус в международных организациях, став постоянным членом расширенного Совета Безопасности ООН. Достижение этой цели подталкивает ее к активному участию в миротворческой деятельности. Здесь интересы Бразилии совпадают с внешнеполитическими намерениями России, которая также выступает на мировой арене в роли миротворца и глобального арбитра, в том числе в ливийском и сирийском конфликтах, в разрядке напряженности вокруг Ирана и его ядерной программы. Совпадение интересов двух стран по этому спектру вопросов и согласованные действия в ООН, G-20, в формате БРИКС, Группы Рио, УНАСУЛ способствуют сближению позиций России и Бразилии, установлению отношений стратегического партнерства на глобальном и региональном уровнях. В свою очередь совпадение интересов наших государств стимулирует процессы дальнейшего взаимодействия,

которые с российской стороны управляются преимущественно инструментами «мягкой силы».

11. Для Бразилии – с учетом ее стремления обрести статус мировой державы – крайне важна моральная поддержка России, которую та способна оказать силой своего международного авторитета и влияния. В этом плане Бразилия рассчитывает на убедительность «мягкой силы» России, которая может помочь ей войти в число постоянных членов расширенного СБ ООН и получить долгожданный статус мирового лидера. В России же вполне осознается тот факт, что, обладая одной из самых сильных и динамично развивающихся экономик, Бразилия в обозримой перспективе станет глобальной державой. С учетом этого российским интересам отвечает поддержка Бразилии в ее амбициях и лидерских устремлениях. Наша страна, активно используя инструментарий «мягкой силы» и культурно-гуманитарного влияния, имеет неплохие шансы заложить в сознании бразильской элиты устойчивые симпатии к России и к ее цивилизационной миссии.

12. Очевидно, что путь «мягкой силы» достаточно сложен и тернист, требует немалых экономических и интеллектуальных вложений. При этом «мягкая сила» может не только иметь четко выраженную внешнюю проекцию, но и использоваться в интересах внутреннего потребления и развития, включая формирование и консолидацию национального самосознания и патриотизма. Охват и степень ее воздействия также могут заметно отличаться на разных этапах эволюции конкретного государства и корректировки его внешних приоритетов. В этой связи все большую актуальность приобретает выработка методологии и критериев, позволяющих измерять «мягкую силу» той или иной страны (в данном случае Бразилии), оценивать ее потенциал и возможности реального влияния, в том числе в исторической перспективе.

13. Несмотря на общую позитивную и отвечающую российским интересам заряженность, бразильская «мягкая сила» может иметь и негативные для нашей страны проявления, в первую очередь в правозащитной и демократической сферах. Данное обстоятельство требует постоянного мониторинга, углубленного анализа и прогнозирования под углом обеспечения позиций Российской Федерации.

14. Настоящее исследование предлагает решение ряда конкретных научно-теоретических и практических задач, формулирует основные элементы мировоззрения относительно роли «мягкой силы» в современных международных отношениях (на примере России и Бразилии), а также

создает определенный задел для дальнейшего исследования роли «мягкой силы» в отношениях России с зарубежными партнерами. В этом плане представляется целесообразным выделить два наиболее значимых и перспективных направлений последующих исследований:

– распространение авторской методологии работы на остальные государства латиноамериканского мира, имеющие много общего и в политике, и в экономике, и в культуре, и в национальном самосознании и политическом мировоззрении с Бразилией; изучение их моделей «мягкой силы», собственных подходов к использованию инструментов и технологий «мягкого» политического воздействия; определение сходств и различий в национальных концепциях «мягкой силы»;

– разработка отдельной модели российской «мягкой силы» в целях ее наиболее эффективного и результативного применения в культурно-цивилизационном и ценностном ареале государств Латинской Америки и Карибского бассейна.

Список источников и литературы

Официальные документы и выступления.

1. Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. / Президент Российской Федерации, офиц. сайт. – Код доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/15256>

2. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. Код доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F

3. Выступление Президента В.В. Путина на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации по теме «Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности». 09.07.2012. [Электронный ресурс] / Президент Российской Федерации, офиц. сайт. – Код доступа: <http://kremlin.ru/news/15902>

4. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. / Президент Российской Федерации, офиц. сайт. – Код доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19825>

5. Совместное заявление по итогам официальных переговоров между Президентом РФ В.В. Путиным и Президентом Бразилии Л. Лулой да Силва, подписанное 22 ноября 2004 года в Бразилиа. // Дипломатический вестник, 2004, № 12.

6. Совместное заявление по итогам официальных переговоров между Президентом РФ В.В. Путиным и Президентом Бразилии Л. Лулой да Силва. Москва, 18.10.2005. [Электронный ресурс] / Президент Российской Федерации, офиц. сайт. – Код доступа: www.kremlin.ru

7. Медведев Д.А. Выступление на саммите БРИКС. [Электронный ресурс] / Президент Российской Федерации, офиц. сайт. – Код доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/14870>

8. Медведев Д.А. Выступление на VI заседании Российско-бразильской комиссии высокого уровня по сотрудничеству. [Электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации, офиц. сайт. – Код доступа: <http://premier.gov.ru>

9. Речь Президента Бразилии Д. Роуссефф во время церемонии формирования учебной группы Дипакадемии (Института им. Рио Бранко),

Дворец Итамарати, 20.04.2011. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. – Код доступа:

<http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-formatura-da-turma-2009-2011-do-instituto-rio-branco>

10. Речь Президента Бразилии Д. Роуссефф на открытии Общей дискуссии дебатов 66-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк–США, 21.09.2011. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. – Код доступа: <http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-abertura-do-debate-geral-da-66a-assembleia-geral-das-nacoes-unidas-nova-iorque-eua>

11. Выступление Президента Бразилии Д. Роуссефф на Всемирном социальном форуме – Диалоги между гражданским обществом и правительством, Порту-Алегре, 26.01.2012. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. – Код доступа:

<http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-durante-o-forum-social-mundial-2013-dialogos-entre-sociedade-civil-e-governo>

12. Речь Президента Бразилии Д. Роуссефф во время церемонии презентации бразильского контингента ООН по стабилизации на Гаити – Порт-о-Пренс/Гаити, 01.02.2012. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. – Код доступа:

<http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-durante-cerimonia-de-apresentacao-do-contingente-brasileiro-da-missao-das-nacoes-unidas-para-a-estabilizacao-do-haiti-minustah-porto-principe-haiti>

13. Речь Президента Бразилии Д. Роуссефф на церемонии вступления в должность Министра иностранных дел Бразилии Луиса Алберту Фигейреду Машаду, Дворец Планалту, 28.08.2013. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Бразилии. – Код доступа:

<http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-posse-do-ministro-de-estado-das-relacoes-exteriores-luiz-alberto-figueiredo-machado>

14. Discurso do Presidente da República, Luiz Inácio Lula da Silva, na 59ª Assembleia-Geral da ONU. – Nova Iorque, EUA, 21.09.2004. [Электронный ресурс] / Ministério das Relações Exteriores do Brasil. – Код доступа: <http://www.itamaraty.gov.br>

15. Discurso do Presidente da República, Luiz Inácio Lula da Silva, cerimônia de assinatura de atos por ocasião da visita oficial do Presidente da Federação da Rússia, Vladimir Putin, Palácio do Planalto, 22.11.2004. [Электронный ресурс] / Ministério das Relações Exteriores do Brasil. – Код доступа: <http://www.itamaraty.gov.br>

16. Discurso da Presidenta da República, Dilma Rousseff, na cerimônia de posse do Ministro de Estado das Relações Exteriores, Luiz Alberto Figueiredo Machado, Palácio do Planalto, 28.08.2013. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://www2.planalto.gov.br/imprensa/discursos/discurso-da-presidenta-da-republica-dilma-rousseff-na-cerimonia-de-posse-do-ministro-de-estado-das-relacoes-exteriores-luiz-alberto-figueiredo-machado>

17. Выступление и ответы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Бразилии А. Патриотой, Рио-де-Жанейро, 11.06.2013. [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Российской Федерации, офиц. сайт. – Код доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/24FB7E31280676F744257B88001FB9

Монографии.

18. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учеб. пособие. – М.: Дело, 2005.

19. Алексеева Т.А. Современные политические теории: опыт Запада: Курс лекций. – М.: РОССПЭН, 2000.

20. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополюсный мир. – М.: Восток-Запад, 2010.

21. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Международные отношения в XXI веке. – М., 2011.

22. Будаев А.В. Русские в Рио-де-Жанейро. – Рио-де-Жанейро, 2012.

23. Потенциал Бразилии и перспективы российско-бразильского сотрудничества. / отв. ред. Давыдов В.М. – М.: ИЛА РАН, 2004.

24. Бразилия – восходящий центр экономического и политического влияния. / отв. ред. Давыдов В.М. – М., 2008.

25. БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. / отв. ред. Давыдов В.М., Мосейкин Ю.Н. – М.: ИЛА РАН, 2010.

26. Бразилия – «тропический гигант» на подъеме. / отв. ред. Давыдов В.М. – М., 2011.

27. Закаурцева Т.А., Гаджиев К.С., Родригес А.М. Новейшая история стран Европы и Америки: XX в. – М., 2001.
28. Комиссаров Б.Н. «Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века». – Издательство Ленинградского университета, 1977.
29. Константинова Н.С., Мартынов Б.Ф. Имидж России в Бразилии: укоренившиеся стереотипы и факторы оптимизации (Аналитические тетради ИЛА РАН, выпуск 20). – М., 2008.
30. Кеохейн Р. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. / Пер. с англ. Гурвица М.М., Демчука А.Л., Якушевой Т.В. Научный редактор Шестопад Е.Б. – М., 1999.
31. Кременюк В.А. Международные конфликты: проблемы управления и контроля. – М.: ИСКРАН, 2006.
32. Лавров С.В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
33. Лебедева М.М. Мировая политика – М.: Аспект-пресс, 2003.
34. Лунин В.Н. Реформа ООН и Латинская Америка. / Перспективы развития Латинской Америки в глобализирующемся мире (первая четверть XXI века): сборник докладов научной конференции. / отв. ред. Глинкин А.Н., Шереметьев И.К. – М.: ИЛА РАН, 2003.
35. Манойло А.В. Технологии управления международными конфликтами. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011.
36. Бразилия: перемены и постоянство. / отв. ред. Мартынов Б.Ф. – М., 2004.
37. Мартынов Б.Ф. Бразилия – гигант в глобализирующемся мире. – М., 2008.
38. Мозель Т.Н. Теоретические основы международных отношений. – М., 2000.
39. Мосейкина М.Н. «Русские эмиграционные потоки в странах Латинской Америки» // Россия в мировом политическом процессе. – М., 1997.
40. Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. // Сборник статей. / отв. ред. Никонов В.А., Толорая Г.Д. – М.: РУДН, 2013.
41. Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.– 2006 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2008.
42. Восходящие государства-гиганты БРИКС: роль в мировой политике, стратегии, модернизации. // Сборник научных трудов. / отв. ред. Окунева Л.С., Орлов А.А. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2012.

43. Попов В.И. Современная дипломатия. Теория и практика. – М.: Научная книга, 2000.
44. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. – М.: Мысль, 2002.
45. Сизоненко А.И. Русские в Латинской Америке. – М.: ИЛА РАН, 2005.
46. Сударев В.П. Латинская Америка в активе Российской политики. / Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия в 4 тт. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, РОССПЭН, 2002.
47. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997.
48. Уаман О.Б. Президент Лула: путь Бразилии в Совет Безопасности ООН. // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. Мельвиля А.Ю. – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2007.
49. Фаусту Б. Краткая история Бразилии. / пер. с порт. Л.С. Окуневой; предисл. Б.Н. Комиссарова, послесл. Л.С. Окуневой. – М.: Весь мир, 2013.
50. Цыганков П.А. Международные отношения. – М., 1996.
51. Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики. 2006.
52. Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. – М.: Инфра-М, 2001.
53. Шутов А.Д. Выбранные статьи. – М., «Известия», 2009.
54. V Международная встреча высоких представителей, курирующих вопросы безопасности. Владивосток. 2–4 июля 2013 г. М.: ФГУП Издательство «Известия», – 2013.
55. Известия МИД, кн. 6, 1912.
56. Cepaluni G., Vigevani T. Brazilian Foreign Policy in Changing Times: The Quest for Autonomy from Sarney to Lula. – Lexington Books, 2012.
57. Checkel J. Structure, Institutions and Process: Russia's changing foreign policy. // Ed. Adeed & Karen Dawisha. The making of foreign policy in Russia and the new states of Eurasia. – London, 1995.
58. Crocker, A.C. Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. – US Institute of Peace Press, 2007.
59. Dominguez J.I., Fernandez de Castro R. Contemporary U.S. – Latin American Relations. Cooperation or Conflict in the 21st Century? – New York: Routledge, 2010.
60. Duverger M. La sociologie politique. 1966, 3 éd., 1968.

61. Finnemore M. National interests in international society. – Itaca, New York, 1997.
63. Gould H. What Is at Stake in the Agent – Structure Debate // International Relations in a Constructed World. Ed. by V. Kubalkova, N. Onuf, P. Kowert. – New York, M.E.Sharpe, 1998.
64. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. – New York, 1987.
65. Keohane R., Nye J. Power and Interdependence: World Politics in Transition. – Boston: Little, Brown and Company, 1977.
66. Keohane R. Power and Governance in a Partially Globalized World. – Routledge, 2002.
67. Krasner S. Frail reeds: Institutions in the international system. Paper presented at the conference, What is Institutionalism Now? 14–15 October 1994. – University of Maryland, College Park.
68. Lasswell H.D. The analysis of political behavior. – New York, Oxford University Press, 1947.
69. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York, 1990.
70. Nye J.S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. – New York: Oxford University Press, 2002.
71. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004.
72. Nye J.S. In Mideast, the goal is «smart power». – Boston Globe, 2006.
73. Ideário político de Diego Portales. Cap.II. Santiago de Chile, 1830.
74. Rosenau J. The Scientific Study of Foreign Policy. – New York, 1971.
75. Rosenau J. Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity. – Harvester Wheasheaf, 1990.
76. Sartori G. The Theory of Democracy Revised. – Chatham House Publishers, Inc. Chatham House, N.J., 1987.
77. Segrillo A. Os Russos. – Editora: CONTEXTO, Coleção: Povos e Civilizações, Edição: 1ª, 2012.
78. Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
79. Zehfuss M. Constructivisms in International Relations: Wendt, Onuf, and Kratochwill // Constructing International Relations: The Next Generation. Ed. by K. Fierke and K.E. Jorgensen. – New York: M.E. Sharpe, 2001.

80. Public Diplomacy and the Future, Hearing before the Subcommittee on International Relations. H. R. 95-th Congress / 1st Session. – Washington, DC, 1977.

Статьи в периодических изданиях и научных сборниках.

81. Алексеева Т.А. Насилие и демократия в политике США. // Международные процессы, 2008, № 2.

82. Бажанов Е.П. Внешняя политика России (1992–2003 гг.). // Дипломатический ежегодник. – 2004. – 2005.

83. Белокреницкий В.Я. Россия и «исламский треугольник» (Афганистан, Иран, Пакистан). // Афганистан: проблемы войны и мира. Выпуск 3. – Институт востоковедения РАН, 2000.

84. Борзова А.Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. // Латинская Америка, 2011, № 11.

85. Будаев А.В. К 200-летию создания первого российского Генконсульства в Рио-де-Жанейро. // Международная жизнь, 2011, № 8.

86. Виноградова Е.А. Стратегическая коммуникация стран АЛБА на Ближнем Востоке: информационная война с Западом. // Мир и политика, 2012, № 7.

87. Воеводова Е.К. Бразильско-американские отношения в начале XXI века. // Латинская Америка, 2011, № 7.

88. Дабагян Э.С. Бразилия на мировой арене. // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 3.

89. Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу». // Международные отношения, 2014, № 2.

90. Жебит А.А. О русской иммиграции и российской общине в городе и штате Рио-де-Жанейро. // Сборник «Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста» / под редакцией д.и.н., проф. Комиссарова Б.Н. – Санкт-Петербург, 2009.

91. Жебит А.А. BRICS: перспектива глобального управления. // Латинская Америка, 2012, № 1.

92. Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы»: // Полис (Политические исследования), 2008, № 2.

93. Капицын В.М. Космополитизм – компонент «мягкой силы» и глобального управления: // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer, 2009, № 10.

94. Карпович О.Г. Сравнительный анализ концепций, моделей и технологий управления международными конфликтами России, США и Европейского Союза. / Карпович О.Г. // Вестник Российской нации, 2012, № 2.

95. Ковтун М.В. Бразилия и Иран: экономическое и политическое сближение при Луле. // Латинская Америка, 2012, № 6.

96. Комиссаров Б.Н. К вопросу о реконструкции российско-бразильских отношений в 1828–1889. // Латинская Америка, 2003, № 3.

97. Кононенко В.А. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006, Т. 4, № 2.

98. Косачев К.И. «Мягкая сила»: актуальные задачи и возможности российской внешней политики. // Международная экономика, 2012, № 6.

99. Лавров С.В. Мир в эпоху перемен: приоритеты внешнеполитической деятельности Российской Федерации // Дипломатический ежегодник, М., 2012.

100. Лавров С.В. Внешнеполитическая философия России. // Международная жизнь, 2013, № 3.

101. Лафер С. Постоянные направления внешней политики Бразилии с начала XX века. // Латинская Америка, 2011, № 6.

102. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России. // Вестник МГИМО (У) МИД РФ, 2009, № 6.

103. Лихачев К.А. BRICS в системе международных отношений. // Латинская Америка, 2013, № 4.

104. Лукин А.В. Публичная дипломатия. // Международная жизнь, 2013, № 3.

105. Манойло А.В. Пределы регулирующего воздействия информационно-психологических технологий на международные конфликты. // Право и политика, 2008, № 7.

106. Манойло А.В. Модели информационно-психологического управления международными конфликтами. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки, 2010, № 2.

107. Манойло А.В. Актуальные вопросы модернизации современной культурно-цивилизационной теории управления международными конфликтами. // Национальная безопасность / Nota bene. 2011, № 4.

108. Манойло А.В. Ценностные основы управления межцивилизационными конфликтами: российская модель. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. 2012, № 3.
109. Манойло А.В. Интересы внешней политики США в Афганистане. // Национальная безопасность / Nota bene. 2012, № 3.
110. Манойло А.В. Специфика цветных революций «арабской весны». // Известия Уральск. федерального ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2013, № 3.
111. Манойло А.В. Брендинг «мягкой силы» в политике современных мировых лидеров. // *NB: Международные отношения*, 2015, №2 (в печ.).
112. Мартынов Б.Ф. Бразильцы и россияне: что нас объединяет? // Латинская Америка, 2006, № 10.
113. Мартынов Б.Ф. БРИКС: Будем реалистами – потребуем невозможного! // Латинская Америка, 2011, № 10. + 2011, № 11.
114. Мартынов Б.Ф. Бразилия и Россия: основы и некоторые перспективы правового взаимодействия в рамках BRICS // Латинская Америка, 2014, № 2.
115. Николаев С.А. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991-2008 гг.). // *Международная жизнь*, 2011, № 2.
116. Паниев Ю.Н. Российско-латиноамериканское деловое сотрудничество: достижения и недостатки. // Латинская Америка, 2012, № 12.
117. Петрова Т.П. Монроизм vs Боливаризма: отношения США – Перу. // Национальная безопасность / Nota bene, 2012, № 2.
118. Петровский В.Е. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры. // *Международная жизнь*, 2013, № 7.
119. Путин В.В. Россия и меняющийся мир. // «Московские новости», 27 февраля 2012 г.
120. Радиков И.В., Лексютина Я.В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы. // МЭиМО, 2012, № 2.
121. Руа О. Карикатуры: геополитика возмущения. «Le Monde», 2006.
122. Рябков С.А. Латинская Америка требует особого подхода. // *Международная жизнь*, 2012, № 2.
123. Сизоненко А.И. Россия – Латинская Америка: 20 лет спустя после 1991 г. // Мир и политика, 2011, № 11.

124. Троянский М.Г. Русская Бразилия в Рио-Гранде-ду-Сул. // *Международная жизнь*, 2012, № 9.

125. Хауер-Тюкаркина О.М. Образ врага в международных отношениях и его роль в формировании внешнеполитического курса государства. // *Мир и политика*, 2013, № 10.

126. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира». // *Международные процессы*, 2005, № 3.

127. Batista P.N. A política externa de Collor: modernização ou retrocesso? // *Política externa*, 1999, № 4.

128. Benen S. Smart Power. // *Washington Monthly*, 2009.

129. Blank S.J. Russia and Latin America: Motives and Consequences. // *University of Miami*, April 13, 2010.

130. Goldenberg I. It's Time to Stop Talking About Soft Power. // *The American Prospect*, 2008.

131. Grabendorff W. Brasil: de colosio regional a potencia global. // *Nueva Sociedad (Buenos Aires)*, 2010, № 226.

132. Nye J. Soft Power // *Foreign Policy*. 1990, Autumn, № 80.

133. Fernandes de Oliveira M. Alianças e coalizões internacionais do governo Lula: o Ibas e o G-20. // *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2005, № 2.

134. Ricupero P. A Sombra de Charles de Gaulle: Uma Diplomacia Carismática e Intransferível. – *Novos Estudos*, 2010, № 87.

135. Segrillo A. Os Russos. / *Coleção: Povos e Civilizações*, Edição: 1ª, Ano de edição // Editora: CONTEXTO, 2012.

136. Wendt A. The Agent – Structure Problem in International Relations Theory. // *International Organization*. – Vol. 41, no. 3. – Summer 1987.

137. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics. // *International Organization*. – Vol. 46, no. 2. – Spring 1992.

Диссертационные исследования и авторефераты.

138. Карпович О.Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях. / *дисс. докт. полит. наук*, 23.00.04. М., ДА МИД РФ, 2012.

139. Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США. / *дисс. докт. полит. наук*, 23.00.04. М., ДА МИД РФ, 2013.

140. Барышев И.С. Российско-бразильские отношения в постсоветский период. / дисс. канд. ист. наук, 07.00.03. М., 2012.

141. Брянцев А.Е. Формирование имиджа России как составная часть ее внешней политики (на примере российско-бразильских отношений). / дисс. канд. полит. наук, 23.00.04. М., МГИМО (У) МИД РФ, 2006.

142. Галумов А.Э. Опыт публичной дипломатии в формировании имиджа Европейского союза в Российской Федерации. / дисс. канд. полит. наук, 23.00.04. М., 2012.

143. Зенков А.Р. Взаимодействие религиозных организаций и государства в современной России (на примере Русской православной церкви). / дисс. канд. полит. наук, 23.00.04. М., 2013.

144. Подрез С.В. Генезис и проблемы современного положения российской диаспоры в Латинской Америке. / дисс. канд. ист. наук, 07.00.03. М., ИЛА РАН, 2005.

145. Чепурин А.В. Проблемы консолидации зарубежной российской общины. / дисс. канд. полит. наук, 23.00.04. М., ДА МИД РФ, 2009.

146. Шакиров А.Р. Перспективы развития российско-бразильских внешнеэкономических связей на современном этапе. / дисс. канд. эконом. наук, 08.00.14. М., ВАВТ, 2005.

147. Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира. / автореферат диссертации на соискание ученой степени докт. полит. наук, 23.00.04. М., 2011.

Публикации в электронных СМИ.

148. Барышева П. Воспоминания о зарубежных поездках Ю.А.Гагарина – «Посол мира» [Электронный ресурс] Код доступа: <http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/rossoshan/fenomen-CD/fenomen4-2.html>

149. Интервью руководителя Россотрудничества, спецпредставителя Президента РФ по связям с государствами-участниками СНГ Косачева К.И. газете «Ведомости», опубликованное 13 марта 2014 года. [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Российской Федерации, офиц. сайт. – Код доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/515B16B3F8A1841144257C9A0033BAEE

150. Окунева Л.С. Понятие «БРИКС» отражает объективную и достаточно мощно проявляющую себя реальность современного мира. [Электронный ресурс] / Информационный портал МГИМО МИД России. – Код доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document213222.phtml>

151. Свейг Дж. Новый глобальный игрок: Масштабные планы Бразилии. Форин Аффферс, 2010, № 6. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-globalnyi-igrok-15726>

152. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с официальным визитом в Россию Министра иностранных дел Бразилии Л.А. Фигейредо [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Российской Федерации, офиц. сайт. – Код доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/A617DF98ED7685C344257C27002850E5

153. БРИК как новая концепция многовекторной дипломатии. – Круглый стол МГИМО, 12.11.09. [Электронный ресурс] Код доступа: http://www.perspektivy.info/table/brik_kak_novaja_koncepcija_mnogovektornoj_diplomatii_2010-03-13.htm

154. Almeida P.R. Uma Política Externa Engajada: a diplomacia do Governo Lula. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://www.advivo.com.br/sites/default/files/documentos>

155. Amorim C. Robustecendo o poder brando do Brasil. – 2013. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://www.project-syndicate.org/commentary/a-more-robust-defense-policy-for-brazil-by-celso-amorim/portuguese>

156. Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession. // Virginia Quarterly Review, Summer 2001. [Электронный ресурс] Код доступа: http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy

157. Biasotto W.V. Ai como é grande o meu Brasil. – 2013. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://www.progresso.com.br/opiniaio/ai-como-e-grande-o-meu-brasil>

158. Bijos L., Arruda V. A diplomacia cultural como instrumento de política externa brasileira. // Revista Dialogos. – Vol. 13, no. 1, 2010. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://portalrevistas.ucb.br/index.php/RDL/article/viewFile/2912/1824>

159. Brands H. Dilemmas of Brazil Grand Strategy. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://www.strategicstudies-institute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=1017>

160. Guedes A.L. A aplicação do conceito de «poder brando» na política externa brasileira. – Brasil, 2005. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://bibliotecadigital.fgv.br/dspace/bitstream/handle/10438/3552/ACFC3.pdf?sequence=1>

161. Pavan dos Santos A. Inserção internacional do Brasil: o «poder brando» e a política externa do governo Lula. – São Paulo, 2009. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://www.feneri.org.br/pub/insercao-internacional-do-brasil-o-poder-brando-e-a-politica-externa-do-governo-lula.pdf>

162. Miorando B.S. Diplomacia pública no Brasil: estudo sobre a imagem internacional brasileira. – Brasil, 2010. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://www.lume.ufrgs.br/bitstream/handle/10183/28388/000770422.pdf?sequence=1>

163. Pimenta de Faria C.A., Marinho Nogueira J.L. Coordenação intragovernamental para a implementação da política externa brasileira. – 2012. [Электронный ресурс] Код доступа: http://www.scielo.br/scielo.php?pid=S0011-52582012000100005&script=sci_arttext

164. Christian Science Monitor. Brazilian President Lula: BRIC countries must forge a transparent system of global governance. [Электронный ресурс] Код доступа: <http://www.csmonitor.com/layout/set/print/content/view>

Интернет-ресурсы.

165. Сайт МИД России: <http://www.mid.ru>

166. Сайт Московского Патриархата: <http://www.patriarchia.ru/db/text/481294.html>

167. Сайт Генконсульства России в Рио-де-Жанейро: <http://www.consrio.mid.ru>

168. Сайт радиостанции «Голос России»: http://portuguese.ruvr.ru/radio_broadcast/15198541/

169. Сайт Центра славянской культуры: <http://www.culturaeslava.com.br/>

170. Сайт Русско-бразильской ассоциации (Associação Russo-Brasileira – ARB): <http://www.associacaorussobrasileira.com.br/>

171. Сайт «Русского альянса» (Aliança Russa): <http://www.aliancarussa.com/site/>

172. Сайт бразильского отделения «Латиноамериканской ассоциации по высшему образованию для латиноамериканцев» (Associação Latinoamericana Russa de Ensino Superior para Latinoamericanos – ALAR no Brasil): <http://www.universidades-rusia.com/index.php/pt/>

173. Сайт школы Большого театра в бразильском городе Жоинвилль: <http://www.escolabolshoi.com.br/bolshoi/Portugues/>

174. <http://www.precidencia.gov.br/diretrizes-de-governo/view>
175. Definitions of Public Diplomacy: <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions>
176. <http://online.wsj.com/article/SB125867454290856575.html>
177. <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/12/03>
178. <http://www.inopressa.ru/newsweek/2009/06/26/14:46:00/bric>
179. http://www.cidob.org/es/documentacion/biografias_lideres_politicos
180. <http://www.efeservicios.com/clientes/buscadores/detalles/noticiatexto.asp>
181. <http://www.infolatam.com/2010/12/30/especial-brasil-lula-da-silva-el-hombre-que-ca>
182. <http://www.aina.org/releases/20060201143237.htm>